

Краснодарский университет МВД России

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 18

Краснодар
2021

УДК 30
ББК 87+60.5+74
А43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:

С. Ф. Самойлов, доктор философских наук, профессор (председатель);

В. В. Плотников, доктор социологических наук,
кандидат философских наук (заместитель председателя);

Е. В. Шевченко (ответственный секретарь);

Л. В. Карнаушенко, доктор исторических наук, профессор;

Н. В. Нарыков, доктор философских наук, профессор;

В. Н. Коротких

Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: С. Ф. Самойлов, В. В. Плотников, Е. В. Шевченко и др. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. – Вып. 18. – 226 с.

ISBN 978-5-9266-1779-2

Содержатся статьи по актуальным вопросам социогуманитарного знания. Проблемы философии, социологии, политологии рассматриваются как в историческом аспекте, так и с позиции современных вызовов, связанных с противодействием экстремизму, терроризму и организованной преступности.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 30
ББК 87+60.5+74

ISBN 978-5-9266-1779-2

© Краснодарский университет
МВД России, 2021

Абрамов Максим Алексеевич,
профессор Ессентукского института
управления, бизнеса и права,
доктор философских наук, доцент

Курносенко Андрей Анатольевич,
начальник Главного управления экономической безопасности
и противодействия коррупции МВД России,
кандидат социологических наук, доцент

Гришай Владимир Николаевич,
советник заместителя председателя
Комитета Совета Федерации по науке,
культуре, образованию, здравоохранению и экологии,
доктор социологических наук, профессор

Костюк Анна Владимировна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДИАЛОГА МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

*Власть – это плещ, который мы находим слишком широким
на чужих плечах и слишком тесным на наших.*
А. Декурсель

Проблема осуществления коммуникационного процесса между обществом и представителями государственной власти во все времена представляла интерес для научных изысканий исследователей социальных процессов. В данный объект познания входит поиск наиболее рациональных вариантов и наиболее оптимальных моделей построения диалога между властью и народом, а также обоснования выбора путем выявления положительных и отрицательных черт.

На современном этапе развития гуманитарного знания, касающегося взаимодействия общества и государства, сформировалось понимание модели его наиболее эффективного для обеих сторон взаимодействия. Такая модель должна обладать не только четкой структурой взаимосвязанных элементов, но и определять набор факторов объективного и субъективного характера, позволяющих данное взаимодействие реализовать таким образом, что были достигнуты все желаемые позитивные результаты при наименьшем числе отрицательных для общества и власти последствий.

Диалог между государством и народом может пройти по описанной модели при равномерном сочетании понимания взаимных обязанностей и связанном с ними уровнем ответственности, которые позволили бы создать отношения доверительного партнерства не на короткий срок, а на длинной «дистанции». Краткосрочные доверительные отношения между государственными органами власти и народом в контексте развития государства не несут в себе положительного аспекта, так как в продолжительном периоде взаимодействия без доверия невозможно обеспечения благоприятного развития страны ни в одной из общественных сфер – политической, экономической, социальной и духовной – и неизменно приведет к росту социальной напряженности и станет причиной конфликта между властными структурами и гражданами государства.

Описанная выше идеальная модель построения диалога власть–общество в условиях нашей страны находится на стадии формирования, что не позволяет исследователям делать какие-либо позитивные прогнозы на ближайшие годы. Они могут касаться лишь процесса на пути к ним и давать материал для исследования положительных тенденций и динамик, не говоря об общественном прогрессе в этой области осуществления социально-политических отношений.

Справедливо будет отметить, что формированию доверительных отношений между государством и обществом во многом мешает двойственный характер полномочий политических организаций, наделенных властью самим народом. Двойственность заключается в том, что государственные органы власти в целях охраны общественной безопасности и поддержания общественного порядка вынуждены не только укреплять свой авторитет, наращивая силовой потенциал как внутренних, так и внешних структур безопасности, но поддерживать государственный аппарат привлечения к ответственности за нарушение установленных норм законодательства. Несомненно, данные меры необходимы для обеспечения реализации и охраны прав и свобод личности. Но почему же общество перестает доверять действиям лиц, которых само же и избрало при проведении демократических выборов? Ответ кроется в субъективном факторе: безнаказанному нарушению должностными лицами законодательства, факты коррупционного поведения и злоупотреблению власти, несовпадение ожиданий избирателей и реализуемой в итоге политической программы и т. д. Именно поэтому государственный аппарат осуществления власти нуждается в ограничении своих полномочий и установления допустимых пределов, которые могут быть выдвинуты как самим государством, так и общественным требованием. При возникновении конфликта между оценкой деятельности должностных лиц обществом и правовым предписанием, что само по себе, на законодательном уровне не может быть противоречивой деятельностью, и возникают отношения недоверия, выражающиеся в негативной оценке принимаемых государством решений или полярными точками зрения.

Феномен возникновения властных отношений исходит из самой сути построения общественных отношений по модели подчинения сильных и слабых с самых древних времен. Однако современная демократическая система власти требует инструмента ограничения правовой самореализации, который редко находит практическое применения на практике и не реализуется полноценно в силу как субъективных, так и объективных факторов. Данный факт господствует и в общественном массовом сознании, и находит отражение в научном знании, например, в работах следующих исследователей: Д.Т. Дзгоевой, М.И. Жесткова, П.Ю. Бекренева.

Исследуемая нами проблема имеет достаточно широкий масштаб охватываемых ею понятий и терминов. Чтобы исследовать ее в полном объеме, необходимо владеть и пониманием правового аспекта, и социальной стороны осуществления диалога между властью и народом. Важно не просто понимать суть законотворчества и правоприменения, но и принимать во внимания социологическую аргументацию имеющихся политических концепций построения отношений взаимодействия между государством и обществом. Социологическое понимание общества выступает как регулятор общественного мнения и средство оценки и реакции на принимаемые государственными органами власти решения. Социальное знание позволяет еще на раннем этапе выявить и свести на нет возникающие конфликты, предотвратить резко негативное отношение, что позволит наладить процесс формирования доверительных отношений.

Отметим значительный вклад отечественных социологов в разработку исследуемой нами актуальной во все времена проблемы. М.А. Анипкин так пишет о сложных вопросах коммуникации между обществом и государством: «Проблема социальной интеграции в обществе традиционно является одной из актуальных тем в социологическом знании. ... Интеграцию в обществе нельзя изучать в отрыве от власти, поскольку исходя из функционалистского подхода, власть призвана гармонизировать различные подсистемы в социуме, выступая либо как свойство самой системы, либо как медиум коммуникации. В обоих случаях власть направлена на усиление функциональности общества как социальной системы...»¹.

Мы видим, что для общества в контексте проблемы нашего исследования характерна потребность в полном, глубоком и детальном социологическом анализе его внутренней структуры, который позволил быть определить динамику и тенденции развития отношений между властью и самим обществом через реакцию его различных институтов,

¹ Анипкин М.А. Социальная и системная интеграция власти и общества: региональный аспект. Автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук, Волгоград, 2010. С. 2.

социальных групп или формах взаимодействия отдельных индивидов на принимаемые властные решения. Общество характеризуется через свои детерминанты на уровне поведенческих отношений между индивидами, процессах между большими и малыми группами людей. Таким образом, и власть в конкретном обществе должно находить описание через разрабатываемые детерминанты.

Важным аспектом построения достаточно здоровых отношений между государством и обществом является правовое образование граждан и нормальное понимание ими своих прав и обязанностей. О последних зачастую отдельные индивиды забывают, когда речь идет о нарушении какого-либо их права. Зачастую такая ситуация возникает, когда человек сам идет на нарушение законодательства в той или иной сфере. В силу вступает конфликт между личностью и государством, когда личность считает, что органы власти не в должной мере предоставляют ей возможность реализации ее личных желаний и стремлений. Именно поэтому так важно говорить о взаимной ответственности между государством и человеком, которые является второй стороной в вопросе построения взаимодействия, направленного на поиск оптимального решения социальных проблем и разработке эффективной модели социального развития.

Здесь в силу вступают возможности сформированного сильного гражданского общества, которое может не просто выйти на открытый диалог с властными структурами, но и активно участвовать в разработке и принятии законов, на что, собственно, и направлена демократическая система осуществления власти.

На основе вышесказанного отметим, что самыми важными в установках организации взаимоотношений власти и общества считаются гарантии прав и свобод человека. Также очевидно, что социальные трансформации, как и увязанные с ними модернизации в иерархии властных отношений предполагают вполне определенные социальные, институционально значимые последствия. Диапазон предполагаемых вариантов развития трансформируемого российского общества достаточно обширен. Соответственно важный вектор социологических исследований по данной теме определяется актуальным запросом к научному обоснованию динамики согласования социальных интересов и институциональных ценностей в развитии взаимоотношений власти и общества.

Литература

1. Анипкин М.А. Социальная и системная интеграция власти и общества: региональный аспект. Автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук, Волгоград, 2010.

2. Дзгоева Д.Т. Трансформация взаимодействия власти и общества в современной России Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. СПб., 2017.

Абросимов Виктор Викторович,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко

Комиссаров Сергей Сергеевич,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко

Абросимова Юлия Александровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и аудита
Краснодарского университета МВД России

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современная международная обстановка положила начало новому порядку сфере отношений стран мирового сообщества. Нестабильная обстановка в современном мире не исключает начало военного конфликта в любой точке мира. В этой связи вопрос обеспечения национальной безопасности и защиты военно-политических интересов стоит достаточно актуально.

Национальной безопасностью Российской Федерации – это такое состояние защищенности от внешних и внутренних опасностей государства и общества, в присутствии которого предоставляется осуществление конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойный уровень жизни, защищенность независимости, обеспечивается автономность и государственно-территориальное единство и развитие России.

Обеспечение безопасности является важнейшей сферой деятельности нашей страны, а военно-политические надобности выступают условием предоставления государственных интересов.

Для обеспечения национальной безопасности государства необходимо оценивать и учитывать военно-политическую обстановку. Военно-политическая обстановка характеризует систему политических и военных отношений и взаимодействий между субъектами международных отношений. Военно-политическая обстановка, как правило, обуславливает не собственно военное противостояние, а связана именно с международной обстановкой в целом. Государства реализуют военно-

политическую политику не через военные шаги, а и опосредованно, в том числе, посредством дипломатических, экономических и иных мер.

Военно-политические интересы страны представляют собой образованные государственно-правовой властью надобности по обеспечению военной защищенности, охране суверенитета и территориальной неделимости государства при обеспечении поддержки военной мощью.

Список военно-политических потребностей Российской Федерации на всех исторических стадиях развития был и будет различным. Смотри на это с точки зрения национальной безопасности и приоритета можно подчеркнуть, что основным военно-политической заинтересованностью Российской Федерации признается материальное выживание современного общества, к важнейшим чертам которого позволительно добавить территориальную независимость, целостность и самостоятельность. Предоставление подобного военно-политического расположения в нынешнее время немисливо представить в отсутствии поддержки со стороны вооруженных сил [9, с. 1041–1048].

Основная необходимость в области военной защищенности страны – это Сопротивление внешнему влиянию, в котором использование военного потенциала или его угроза представляется максимально небезопасной формой.

Трудности в процессе реализации ранее сформировавшихся военно-политических заинтересованностей приводит к регулярно меняющимся в равной доле международным и внутригосударственным обстоятельствам. По этой причине выявление проблематичных обстановок на стадиях осуществления интересов считается основополагающим, напрямую влияющим на результативность осуществления военно-политического круга интересов.

Исполнение военно-политического круга интересов в науке полагается подразумевать реализацию государством и его органами комплекса мер, направленных на удовлетворение потребностей государства и общества в безопасности, обеспечении суверенитета и независимости, через функционирование структур военной безопасности государства.

В настоящее время различные интернациональные и внутривполитические ультиматумы оказывают воздействие на претворение военно-политических потребностей Российской Федерации в жизнь оказывают как благоприятствующее, так и отрицательное воздействие, кроме того, выявляют большое количество проблем, возникающих перед Россией в ходе воплощения данных интересов.

Военная опасность и военная угроза представляют ряд различных свойств интернациональных военно-политических взаимоотношений,

которые прямым образом оказывают влияние на осуществление военно-политических потребностей Российской Федерации.

Сегодня на международной арене странами Североатлантического Альянса (далее – НАТО) под руководством США оказывается существенное внешнее давление на Россию. Многочисленные обстоятельства и действия НАТО позволяют рассматривать текущий период взаимоотношений как «гибридную войну». В рамках противостояния с Россией США преследует основополагающую миссию уничтожение патриотических устоев, государственной общности и сформировавшихся традиций путем политики «мягкой силы» [5, с. 542].

Гарантия государственной сохранности и прирост собственного общественно-политического воздействия в мировом окружении считаются первостепенными целями России и НАТО, для достижения которых обе стороны для этого применяют разные методы.

Для наглядности далее проанализируем затраты Российской Федерации на оборону (рис. 1).

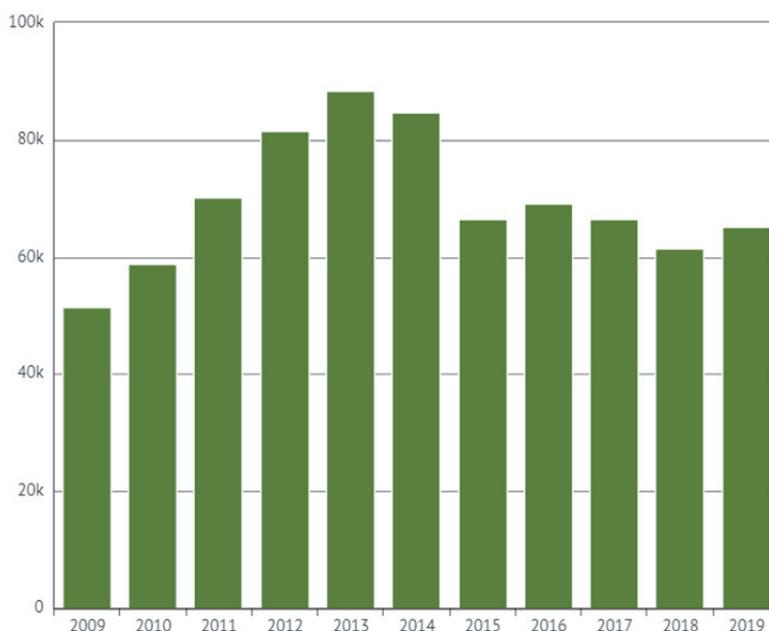

Рис. 1. Динамика затрат Российской Федерации на оборону, млрд. долл. США

Расходы России на оборону из-за крупномасштабного проекта перевооружения войск и улучшения ОПК начали повышаться с 2012 года. После кризиса 2014 года оборонные затраты остаются в пределах 70 млрд. долл. США [11].

Если рассматривать показатели затрат на оборону в соотношении к Валовому внутреннему продукту Российской Федерации (далее ВВП РФ), то можно отметить, что в последние годы показатель находится стабильно на отметке ниже 4% после прохождения пика государственного оборонного заказа (рис. 2).

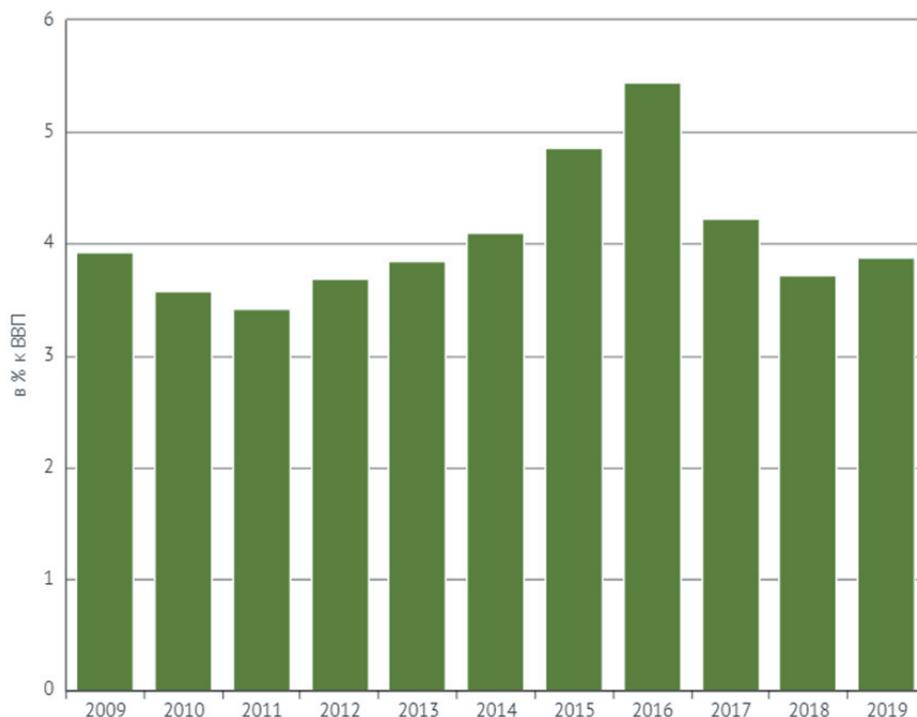

Рис. 2. Затраты Российской Федерации на оборону, % к ВВП

В 2021 году расходы федерального бюджета по категории «Национальная оборона» впервые с 2014 года планируются стать меньше расходов по категории «Национальная экономика». В 2021 году затраты на оборону должны будут составлять 3,11 трлн. руб., что в процентном соотношении составляет 14,5% от всех расходов государственного бюджета. Тогда как расходы на национальную экономику составят 3,37 трлн. руб. – или 15,7% от всех расходов (рис. 3).

Расходы на оборону в 2021 году снизятся почти на 200 млрд. руб. по сравнению с ожидаемыми расходами 2020 года.

По отношению к ВВП бюджет национальной обороны в 2021 году будет равен 2,7%, а это минимальный уровень с 2011 года [11].

Расходы на национальную экономику в 2021 году повышаются на 19% по сравнению с запланированными на 2021 год до начала пандемии. Расходы на поддержку экономики, превысят оборонные именно в условиях введения дополнительных антикризисных мер, направленных на помощь экономике в 2020 году.

Рис. 3. Расходы по разделам бюджета в плановом 2021 году

В 2021–2023 годы Правительство Российской Федерации планирует провести оптимизацию государственной программы вооружений путем 5-процентного сокращения расходов на нее.

Обратимся к мировой практике расходов на оборону. По данным доклада Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) в мировом масштабе самый большой объем военных ассигнований за последнее десятилетие был достигнут в 2019 году. Он составил 1,917 трлн. долл. США, это на 3,6% больше, чем в 2018 году [10].

В первой пятерке стран по объему расходов бюджета на оборону находятся США (732 млрд. долл. США), Китай (261 млрд. долл. США), Индия (71,1 млрд. долл. США) и Саудовская Аравия (61,9 млрд. долл. США). На эти страны, учитывая и Российскую Федерацию, приходится 62% от общего объема военных затрат во всем мире.

На рисунке 4 представлена динамика по трем главным сверхдержавам на глобальной военно-политической арене.

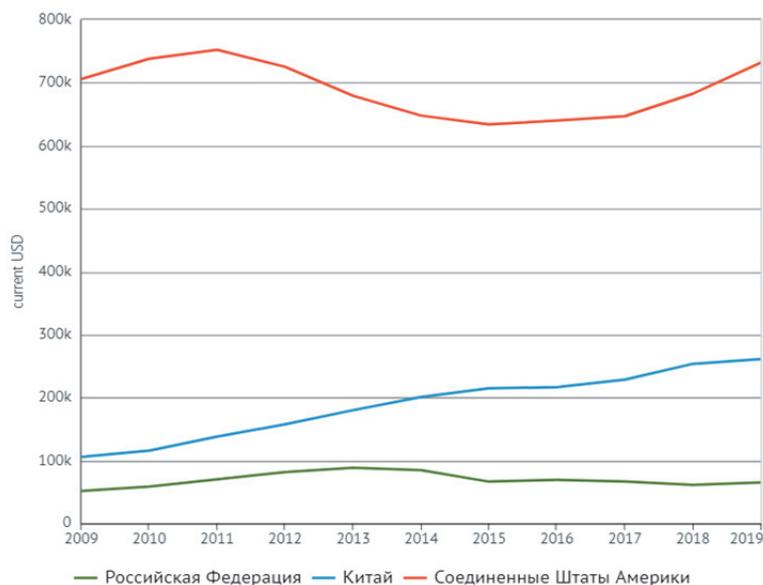

Рис. 4. Динамика затрат на оборону Российской Федерации, Китая и США, млн. долл. США

В таб. 1 приведены точные данные по оборонным бюджетам России, Китая и США.

Таблица 1

Затраты на оборону Российской Федерации, Китая и США, млн. долл. США

Год	Российская Федерация	Китай	США
2009	51532,12	105644,21	705917,00
2010	58720,23	115711,78	738005,00
2011	70237,52	137967,30	752288,00
2012	81469,40	157390,38	725205,00
2013	88352,90	179880,45	679229,00
2014	84696,50	200772,20	647789,00
2015	66418,33	214471,50	633829,64
2016	69245,31	216466,27	639856,44
2017	66527,30	228466,27	646752,93
2018	61387,55	253491,54	682491,40
2019	65102,57	261081,94	731751,40

Из данных таблицы 1 можем сделать вывод, что военно-политические интересы нашей страны меньше других связаны с обороной. Российская Федерация реализует оборонную политику, используя методы дипломатии, международного сотрудничества и реализации миротворческой миссии.

В рамках противостояния с Российской Федерацией основополагающая дилемма Соединенных штатов – развалить патриотические основы, национальную идентичность и ценности путем политики «мягкой силы». Национальная идентичность, незыблемость патриотического фундамента и национальные ценности выступают в главной роли в прогрессивной политике и военных противостояниях. Таким образом, ради самоотверженной защиты государственного суверенитета солдаты обязаны отличаться огромным патриотизмом. Такое понятие, как национальная идентичность, имеет в виду отнесение человеком себя к определенной национальной группе и понимание своих глубочайших взаимосвязей с этой национальной группой. Взаимосвязи могут формироваться посредством общности веры, истории, языка и т. д. Значимость национальной идентичности, в конечном результате, обуславливается тем, что в политической конфронтации при иных приближенно равных обстоятельствах выигрывает государство, граждане которого владеют наиболее сильной национальной идентичностью [8, с. 498–505].

В нынешней политике имеет место быть склонность к образованию бескомпромиссных противостояний. Стоит отметить, бескомпромиссной считается борьба за национальную идентичность, которая либо имеется, либо утрачивается нацией. Итоги борьбы за суверенитет, иначе, могут значить установленные компромиссы, в качестве примера можно привести небольшую автономию ряда государств. В связи с предоставленными факторами, в наибольшей степени приоритетным объектом охраны в рамках обеспечения национальной безопасности считается непосредственно национальная идентичность.

Безусловно, крупнейшее значение в сфере образования интернациональной ситуации обладают отнюдь не национальный, и даже не государственный круг интересов и ценностей, а интересы и значения непосредственно локальных человеческих цивилизаций. Можно сформировать конкретную модель иерархии интересов, в соответствии с которой, во главе иерархии будут располагаться глобальные, общечеловеческие интересы и ценности; ниже будут следовать интересы локальных человеческих цивилизаций, среди которых уже может появляться соперничество; следом – государственный круг интересов и идеалов; последующей ячейкой станет оппонировать муниципальный круг интересов и идеалов; далее по списку располагаются общественно-классовые круг интересов и идеалов; ниже расположатся коллективный круг интересов конкретной группы; и заключительным звеном выступит круг интересов и идеалов определенного человека. Представленная концепция, основанная на базе уровня воздействия ее составляющих на межнациональную ситуацию и военно-политическое обстоятельство дел, устанавливает и ключевые субъекты противоборства в интернациональных

взаимоотношениях. Следовательно, главными субъектами противоборства в интернациональных взаимоотношениях являются культуры местного значения, нации в представленной области отходят на второй план, вытесняя государства на последний план.

В соответствии с взглядами ученых, в нынешнем мире значимым условием, оказывающим большое влияние на развитие военно-политической ситуации, считается внутреннее понимание о независимом мире (по-другому именуемая «виртуальная реальность») [6, с. 141–158]. Имеющая место быть боевая политика выделяется значительной долей субъективности. В соответствии с этим, на политику воздействует качество принимаемых решений и уровень компетентности политических лидеров и политической элиты, принимающих решения. История знает огромное количество примеров, когда ключевую роль в военно-политической обстановке представляли именно личные способности конкретных политических лидеров.

Значимой характерной чертой современной военно-политической обстановки является потребность формирования военно-политических коалиций и союзов, которые помогают иметь больший авторитет на мировой арене и могут помочь странам защищать собственные интересы. Возьмем, к примеру, событие из последней истории – военный конфликт в Сирии. Он появился из-за усиления исламской локальной человеческой цивилизации, а также по причине стремления реализации Соединенных штатов Америки силовой политики в регионе. В процессе развития сирийского инцидента сформировались две коалиции: первая представлена странами западной локальной человеческой цивилизации, возглавляет эту коалицию США, вторая – сирийским Правительством Сирии, Ираном, Российской Федерацией и иными участниками [7, с. 199–205].

В последнее время обширное обсуждение мировой общественностью приобрела теория многополярности. К этому привело осязаемое сокращение значимости США в глобальной политике, на фоне чего вырос интерес ряда стран, в первую очередь европейских и азиатских, занять лидирующее место. Пока не сложилось точное представление будущих полюсов, однако уже на сегодняшний день наблюдаются основные черты будущего миропорядка. Деятельность подобных международных организаций как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Европейский союз (ЕС), неформальное объединение – группа из пяти стран: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР (БРИКС) показывает различные варианты развития процессов формирования многополярности. В данной ситуации, несомненно, Российской Федерации следует занять лидирующую роль в строительстве многополярного мира.

Однако решение осуществления военно-политических интересов на мировой арене немыслимо в отсутствии стабильности внутри страны и увеличения производительности государственных институтов. В настоящий период одной из важнейшей проблемой Российской Федерации заключается, в первую очередь, в недостатках внутреннего государственного устройства, государственной военной и оборонной политической деятельности. Это не так опасно при мирной обстановке, однако увеличивает уязвимость государства при обострении военно-политической ситуации. Решение данной проблемы состоит в структурной перестройке политических, информационных, идеологических основ формирования российского государства. По вопросам недостатков государственного управления, рационально найти решение подобных проблем, как: повысить эффективность контролирующих функций; ввести систему долговременного стратегического моделирования; закрепить на законодательном уровне глобальные политические и идеологические цели развития страны; улучшить эффективность исполнения государственной политики на местах.

Вывод: Выполнение и осуществление военно-политических интересов государства обязано строиться с учетом стремительно меняющейся исторической ситуации.

В настоящее время Россия проявляет себя в качестве активного участника интернациональной арены и охватывает наиболее значимые интересы государства. Реализация военно-политических интересов далека от воплощения за неимением качественного модернизирования инструментов и способов военной стратегии, что потребует, первоначально, значительных экономических вложений, научного подкрепления и общественно-политической осторожности.

Литература

1. Российская Федерация. Законы. Об обороне: федер. закон № 61-ФЗ: [Принят Государственной Думой 24 апреля 1996 года: одобрен Советом Федерации 15 мая 1996 года]. – Текст: непосредственный // Российская газета. – № 106. – 06.06.1996.

2. Российская Федерация. Законы. О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами: федер. закон № 114-ФЗ: [Принят Государственной Думой 3 июля 1998 года: одобрен Советом Федерации 9 июля 1998 года]. – Текст: непосредственный // Российская газета. – № 138. – 23.06.1998.

3. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 года № 327. – Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. – 24.07.2017. – № 30. – ст. 4655.

4. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976. – Текст: непосредственный // Российская газета. – 298. – 30.12.2014.

5. Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества: в 3 т. Т. 1: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами». – Текст: непосредственный. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2018. – 1120 с.

6. Подберезкин А.И., Жуков А.В. Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника. – Текст: непосредственный // Вестник МГИМО Университета. – № 6 (63). – 2018. – С. 141–158.

7. Слепак В.Ю. Правовое регулирование военно-политической интеграции в рамках Союзного государства России и Беларуси. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 3. – С. 199–205.

8. Толстых В.В., Воронин А.А. Совершенствование военно-политического управления в интересах обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации. – Текст: непосредственный // Современный миропорядок и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации. Сборник материалов круглого стола. – Москва, 2020. – С. 498–505.

9. Шамаров П.В. Обеспечение национальной безопасности России: сущностное содержание и проблема миротворчества. – Текст: непосредственный // Вопросы политологии. – № 5 (45). – 2019. – С. 1041–1048.

10. Официальный сайт Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI). – Текст: электронный. – URL: <https://www.sipri.org> (дата обращения: 28.11.2020).

11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Текст: электронный. – URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2020).

Абросимов Виктор Викторович,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко,
кандидат культурологии

Абросимова Юлия Александровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и аудита
Краснодарского университета МВД России,
капитан полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСЦИПЛИН

Одной из задач воспитательной работы в органах внутренних дел определено формирование у сотрудников верности своей стране – Российской Федерации, Присяге сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации и профессиональному долгу [1]. Это как раз те компетенции, которые должны сформироваться у курсантов и слушателей учебных заведений за период их обучения, те компетенции, которые формирует профессорско-преподавательский состав на кафедрах.

Наставление по организации профессиональной подготовки рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации определяет общественно-государственную подготовку сотрудников органов внутренних дел основным видом обучения, обеспечивающим непрерывность профессиональной подготовки. Изучение вопросов военно-политической подготовки курсантами (слушателями) образовательных организаций высшего образования Министерства внутренних дел осуществляется при изучении предусмотренных учебными планами и программами гуманитарных и социально-экономических дисциплин [2].

Главная цель преподавания общественно-государственных дисциплин определена Приказом МВД РФ от 26.07.99 № 548 «Об организации общественно-государственной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» и заключается в укреплении морально-психологического состояния и гражданско-правовой устойчивости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, нейтрализации негативного воздействия на них различных политических и экстремистских сил, формирования твердых знаний государственной политики Российской Федерации, обеспечения высокой культуры информационного восприятия и широкого социально-правового кругозора [3].

Основное внимание при изучении общественно-государственной подготовки уделяется формированию у сотрудников ОВД на основе

научных знаний четкой позиции в оценке явлений окружающей действительности, высоких нравственных качеств, системы общественно-исторических, гуманитарных и правовых знаний и гордости за избранную профессию [2].

Сегодня требования к минимуму содержания и уровням обученности курсантов и слушателей по учебным дисциплинам вводят изучение различных направлений воспитательной работы в курсе различных гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Три направления воспитательной работы изучаются в курсах многих общественно-государственных дисциплин. Формирование и развитие у сотрудников качеств гражданина-патриота, способного активно участвовать в укреплении и совершенствовании основ общества, развитие представлений о нравственных основах службы, формирование глубоких и устойчивых правовых знаний происходит в процессе изучения экономических, правовых, философских, исторических и многих других дисциплин. Таким образом, сегодня весь учебный процесс имеет воспитательную направленность.

Общественные науки в России в XX веке развивалась в рамках марксистско-ленинской научной методологии. Рождение новой российской общественной науки основывалось на слепом переводе основополагающих трудов политических социологов западной Европы и американских политологов. Именно вследствие слепого перевода и некритичного и безапелляционного принятия догматов западной науки мы получили в российской науки две разных отрасли научного знания, которые во всем мире является одной наукой: политологию и политическую социологию [4]. Слепому заимствованию иностранных догматов без критического осмысления дефиниций способствовала официальная позиция новых российских реформаторов-либералов. Официальной доктриной после разрушения СССР в 90-х годах 20 века в российской политике и науке стало некритическое заимствование демократии западноевропейских моделей. Отечественная методология преподавания общественно-государственных дисциплин была развита только в рамках одной общественно-политической теории. Научно обоснованная методология преподавания общественно-государственных дисциплин в условиях множества общественно-политических теорий отсутствовала. В таких условиях конца XX века русскоязычная научная и учебная библиотека составлялись из переводов классиков западной политической науки Г. Алмонда, Т. Парсонса, Д. Истона и разнородные пересказы-изложения их теорий. В большей степени были представлены труды англоязычных теоретиков, в первую очередь американских, в меньшей степени франкоязычные и немецкие западноевропейские социологи. Засилье американских теорий связано с доступностью англоязычных переводов, наличием достаточного числа англо-русских

переводчиков. Сложнее было найти квалифицированного переводчика научной литературы с французского или немецкого языков. Так первый перевод переведен на русский язык труда В. Парето «Les Systèmes socialistes» с французского был издан только в 2002 году, а перевод труда «Compendio di sociologia generale», написанного на итальянском языке, был издан еще позднее в 2008 году. Без творческой интерпретации и критического анализа отечественные ученые тиражировали теории демократии и политических режимов, копировали теории политических систем, транслировали западнические догматы гражданского общества и западной, чуждой российским гражданам, политической культуры. Мы годами изучали партийные системы западных стран и заучивали пути политической модернизации, сформулированные без учета российской специфики и реальной жизни постсоветского общества.

Уже в начале XXI века невозможно стало отвергать эмпирические данные том, что классические западные теоретические модели не работают в российской политической и общественной жизни или результаты применения западнических моделей развития общественно-политических отношений отличаются от предполагаемых гипотез. Заимствование западнических моделей общественно-политического обустройства страны должны были привести к демократической трансформации постсоветского общества. Однако, навязывание ценностей чуждой России либеральной демократии и попытка привить россиянам модель англо-саксонской системы политических прав и свобод, привели к состоянию аномии во всех слоях населения, и, особенно, молодежи. Только во втором десятилетии XXI века положение стало меняться и в отечественной науке начало утверждаться понимание потребности развития общественно-политической системы с учетом реальной потребности российского общества, а не на основе формального соответствия западническим заимствованным ценностям и установленным из-за океана ориентирам. Стало появляться большое количество научных и методических исследований, основанных на богатом эмпирическом материале, по различным общественно-политическим и военно-политическим вопросам. Однако, появление отечественных политических теорий не нашло отражение в содержании отечественной учебной литературы по общественно-политическим дисциплинам. Содержание российских учебников продолжает транслировать российским курсантам и слушателям догматы, в первую очередь американской политологии, и, конечно, политической социологии западной Европы. Основой адаптации западных теорий к российским реалиям остается сравнение постулатов классических западнических теорий с российской действительностью в части критики несоответствия нашей российской действительности западным политическим ценностям. Такое изучение не позволяет курсантам (прежде всего технических специальностей) понять и усвоить основы общественно-

политического устройства современного многополярного мира, российского общества, научиться критически оценивать политические процессы происходящие внутри нашей страны, общественно-политическую ситуацию у наших соседей, выявлять угрозы общественно-политическому порядку и национальной безопасности страны.

Сегодня только 15–20% учебного материала, содержащегося в актуальных учебниках, описывают общественно-политические процессы в России, анализируют особенности развития отечественных общественной и политической систем их связь и взаимное влияние с военной организацией российского общества. В учебниках уделяется минимальное место рассмотрению охраны общественного порядка, как социального института. Преподаватели гуманитарных кафедр вузов исправляют ситуацию разработкой учебных пособий, которые не могут заменить базовых учебников.

В связи со всем изложенным выше объективно возникают определенные проблемы реализации общественными дисциплинами своих функций по укреплению морально-психологического состояния и гражданско-правовой устойчивости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, нейтрализации негативного воздействия на них различных политических и экстремистских сил, формирования твердых знаний государственной политики Российской Федерации, обеспечения высокой правовой культуры и широкого социально-правового кругозора:

формальное заучивание курсантами и слушателями учебного материала;

недостаточная реализация воспитательной функции общественных дисциплин по обеспечению высокой морально-политической и психологической готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению возложенных задач;

отсутствие эмпирической мотивации и связи с будущей профессиональной деятельностью изучения гуманитарных и социально-экономических дисциплин в целом и правовых дисциплин в частности;

отсутствие осознанного интереса к изучению правовых, гуманитарных и социально-экономических дисциплин;

слабые стимулы самостоятельного образования и совершенствования навыков воспитательной работы.

Система организации воспитательной работы в органах внутренних дел меняется в последнее время очень динамично и кардинально. Становление системы воспитательной работы порождает ряд актуальных проблем [5]:

на воспитательную работу в вузах МВД России, отводится недостаточное количество времени, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на общую профессиональную подготовку специалистов структуры МВД России;

противоречие между требованиями к современному специалисту – выпускнику вуза МВД России, способному выполнять профессиональные функции в условиях возникающих конфликтных ситуаций и отсутствием их дидактического обеспечения в процессе профессиональной подготовки;

потребность в переосмыслении, изменении и совершенствовании форм и методов реализации превентивной деятельности, проводимой офицерами и преподавателями в отношении курсантов вузов МВД России;

потребность материально-технического обеспечения учебно-воспитательного процесса;

нехватка преподавательского состава гражданского персонала.

Причины нехватки гражданских преподавателей объективные:

во-первых, низкая заработная плата не обеспечивает приход в преподавателей

с учеными степенями, научными званиями и опытом практической работы в органах внутренних дел;

во-вторых, отсутствие специальных знаний и опыта службы, которые невозможно получить при обучении в гражданских учебных заведениях, непонимание специфики службы в целом и воспитательной работы в частности;

в-третьих, особые условия работы в вузе МВД РФ с его ненормированным рабочим днем, спецификой жизнедеятельности, в том числе спецификой защиты информации для служебного пользования и сведений составляющих государственную тайну, спецификой организации рабочего места и некоторых служебных процессов.

Научно-педагогические работники не успевают оперативно реагировать на такие динамичные изменения в системе общественно-государственной подготовки и своевременно обеспечивать образовательный процесс разнообразной учебной литературой. Базовый учебник по дисциплине переиздается один раз в 5 лет. Учебные пособия с трудом могут восполнить отсутствие базовых учебников. Понимая ситуацию, преподаватели отходят от программ и учебников и дают вопросы и практические задания о реальных особенностях, которые вызывают интерес и осмысленное отношение курсантов. Тем не менее представляется назревшими предпосылки для изменения подхода и к содержанию программ, учебников, и к преподаванию в целом.

Предполагаем целесообразным сегодня изменять рабочие программы учебных дисциплин с позиций прикладной функциональности и приобретаемых знаний, и навыков полезных и применимых в дальнейшей военно-профессиональной деятельности. Мы обязаны активнее применять учебно-методические возможности стимуляции познавательной активности курсантов и слушателей к общественно-государственной подготовке, активизировать и усилить действие воспитательной функции. Сегодня в связи с высокой нагрузкой на преподавательский состав и

интенсификацией процесса подготовки воспитательная работа в правоохранительных органах отходит на второстепенные позиции, а значит, цели и задачи, поставленные в Указе Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Приказе МВД России от 10 августа 2012 г. № 777 «Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации», Наставлении по организации профессиональной подготовки рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации находятся под угрозой некачественного выполнения или невыполнения вовсе [5]. Мы должны активнее использовать не только инновационные, но и традиционные методики проведения занятий. Выполнение учебно-практических задач, связанных с будущей профессиональной деятельностью по осваиваемой специальности, неизбежно стимулирует интерес курсантов и слушателей, повысит их уровень познавательской активности при самостоятельной подготовке. В этом направлении особенно важно обеспечить курсантов и слушателей разнообразной учебной, учебно-методической литературой для самостоятельного поиска информации и расширения знаний.

Методический инструментарий современного преподавателя многообразен, но учитывая специфику военного образования наиболее эффективным является использование традиционных форм обучения:

выездные (полевые) практические занятия (экскурсии);

практические занятия с участием должностных лиц воспитательных структур и командования.

Приведенные выше формы проведения занятий требует дополнительной подготовки и разработки специфического методического обеспечения, но главное в нашей деятельности – вызвать интерес к общественным дисциплинам и общественно-государственной подготовке, в частности, за счет живого общения с ее субъектами.

Преподавание общественных дисциплин ведется нами в соответствии с программными установками государства по воспитанию людей, формированию гармонично развитой, общественно активной личности, сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство [6]. В процессе преподавательской деятельности нужно воспитывать высокую идейность и преданность Родине сотрудника, верность долгу, сознательное отношение к службе в полиции.

Вывод: преподавание общественных дисциплин столкнулось сегодня с рядом системных проблем общественно-политической российской науки в целом и с рядом системных проблем организации учебного процесса, в частности. Для преодоления сложившихся противоречий в преподавании общественных дисциплин мы должны шире и активнее использовать методический инструментарий и нацелиться на практическую направленность преподавания всех гуманитарных и социально-

экономических дисциплин в неразрывной связи овладения навыками требуемыми в повседневной деятельности по осваиваемой специальности в будущей профессиональной деятельности наших курсантов.

Литература

1. Методические рекомендации по организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации от 10 октября 2018 г. № 21/8/10998.

2. Наставление по организации профессиональной подготовки рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации. – Приложение к Приказу МВД РФ от 10.07.91 № 110 (ред. от 26.07.99) «Об утверждении наставления по организации профессиональной подготовки рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации».

3. Приказ МВД РФ от 26.07.99 № 548 «Об организации общественно-государственной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации».

4. Мельников А.П. Политология и социология: разграничительные линии объекта изучения и исследования. – Текст: непосредственный // Социологическая наука и образование: состояние, проблемы и перспективы развития. Материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию институционализации социологического образования в Беларуси, открытию отделения и кафедры социологии в Белорусском государственном университете. – Минск: Белорусский государственный университет, 2010. – С. 118-119.

5. Гилязов А.И., Мельникова М.И., Правовые основы осуществления воспитательной работы в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. – № 13. – С. 84–89.

6. Родин В.Ф., Индивидуально-воспитательная работа с курсантами (слушателями) образовательных организаций МВД России. // Вестник экономической безопасности. – 2020. - № 1. – С. 351–354.

7. Вилков, А.А. Практика преподавания политологии в вузе: проблемы и перспективы. – Текст: непосредственный // Вестник поволжского института управления – 2015. – № 6 (51). – С. 17–22.

8. Гузь, Е. Проблемы преподавания курса «политология» студентам негуманитарных специальностей. – Текст: непосредственный // Постсоветский материк – 2018. – № 4 (20). – С. 65–70.

9. Медведев, Н.П. Проблемы преподавания политологии в высшей школе – Текст: непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. – 2014. – № 2. – С. 108–114.

Богданов Дмитрий Сергеевич,
преподаватель кафедры информационной безопасности
Краснодарского университета МВД России

Владимиркина Галина Юрьевна,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для подразделений охраны общественного порядка
и обеспечения общественной безопасности
Краснодарского университета МВД России

МЕТОДИКА ПОИСКА ИНФОРМАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Мир современного человека давно окружен информационными технологиями, которые в большей степени упрощают жизнь и делают ее комфортней. Большую часть жизни человек, принадлежащий информационной эпохе, проводит в сети Интернет. Ведь развитое информационное пространство позволяет не только вести переговоры и обмениваться сообщениями в мессенджерах. В сети Интернет люди работают, имеют фирмы, компании, бизнес, обучаются, сдают экзамены и ведут полноценную общественную жизнь, перенося свои интересы в виртуальное пространство.

Говоря о преимуществах сети Интернет, не стоит забывать и о том, что любое новшество, не всегда может быть использовано в благих целях, которые в дальнейшем могут обрести противоправный характер.

Как уже ранее говорилось, в сети Интернет ряд людей выкладывают большую часть своей жизни: фотографии, видео, место дислокации, заметки, свои мысли и взгляды. Данная информация помогает не только понять какой человек, но также собрать о нем информацию, если требуется такая необходимость.

Упоминание о том, что некоторая информация может оказывать негативное влияние на человека, говорит лишь о том, что это серьезная проблема, требующая решения. Информация, которая нежелательна к распространению, как правило, является информацией экстремистской и террористической направленности. Поиск, сбор и анализ такой информации является интересом правоохранительных органов. Для того, чтобы обеспечить информационную безопасность для пользователей сети Интернет, сотрудникам правоохранительных органов следует знать методику поиска такой информации, для предотвращения ее дальнейшего распространения.

В представленном исследовании были выявлены самые популярные и доступные методы по поиску информации экстремистской и террористической направленности в сети Интернет. О них мы поговорим далее.

Как правило, распространителями идей экстремизма и терроризма являются люди. Они могут ярко себя позиционировать приверженцами какой-либо субкультуры, с присущими ей знаками отличия, например, татуировки на теле, одежда с символикой, употребление лозунгов и выражений, так же это может быть участие в каких-либо сообществах, посвященных экстремизму и терроризму. Соответственно информация такого рода помогает находить людей.

Существует несколько способов по поиску интересующей нас информации в сети Интернет. Для качественного поиска и достижения желаемого результата, стоит определиться с каким типом данных мы работаем, это может быть видео, фото, аудиозаписи или текст.

Как правило, сама информация может быть размещена на различных интернет-платформах:

- Instagram;
- Вконтакте;
- TikTok;
- Twitter;
- в различных мессенджерах: WhatsApp или Telegram.

Говоря о социальных сетях, можно выделить следующую тенденцию. Самым распространенным способом увеличения охватов публикации при размещении в социальной сети является употребление хештегов. Хештег – ключевое слово или несколько слов сообщения, тег, используемый в микроблогах и социальных сетях, облегчающий поиск сообщений по теме или содержанию и начинающийся со знака решетки. Именно с помощью таких хештегов, можно найти записи людей, в которых может иметься информация, носящая экстремистский характер. Например, для того чтобы найти экстремиста, который пропагандирует АУЕ, достаточно написать в поисковой строке слово через решетку, которое часто употребляют последователи этого движения. Например, написав в поисковой строке социальных сетей Вконтакте, Instagram, Twitter «#АУЕ», «#жизньворам», «#смертьмусорам», можно найти публикации людей, в которых будет размещена символика или утверждения, запрещенные на территории страны. Используя такой способ, мы получаем круг лиц, которые могли бы быть последователями экстремизма или терроризма, полученная нами информация может также послужить доказательной базой в процессе досудебного и судебного разбирательства.

Как уже было сказано ранее, это не единственный способ по поиску информации. Если нам также интересен контент в виде фото или видео, то стоит обратить внимание на такую сеть как Instagram, данная площадка

предназначена для размещения именно такого рода информации. Сама социальная сеть позволяет публиковать контент и быть его последователем, подписываясь на аккаунты других людей. Таким образом, стоит найти одно сообщество про экстремизм, зарегистрированное в Instagram, как нам удастся посмотреть его последователей, другими словами подписчиков, а также в вкладке «отметки профиля», увидеть контент, размещаемый другими пользователями с упоминанием данного профиля.

Несмотря на то, что пик развития информационных технологий высок, не стоит упускать тот факт, что многие люди не идут в ногу со временем и предпочитают использование примитивных средств общения. К таким стоит отнести использование мессенджеров WhatsApp или Telegram. Рассмотрим каждый по отдельности.

Telegram – кроссплатформенный мессенджер с функциями VoIP, позволяющий обмениваться текстовыми, голосовыми и видеосообщениями, стикерами и фотографиями, файлами многих форматов. Одним из главных преимуществ Telegram является способность создания открытых чатов, доступ в которые имеют многочисленные пользователи без ограничения, также эти чаты могут иметь вид «каналов», размещающие информацию разной тематики. Главным отличием данного мессенджера является возможность скрытия персональных данных, то есть человек, участвующий в чате, где обсуждается тема экстремизма, будет записан так, как он посчитает нужным. Данная особенность сильно затрудняет идентификацию человека, но как показала практика, большая часть людей не задумывается о сохранении своей анонимности.

WhatsApp – популярная бесплатная система мгновенного обмена текстовыми сообщениями для мобильных и иных платформ с поддержкой голосовой связи и видеосвязи. Данная сеть также позволяет создавать беседы, но попасть в них будет куда сложнее, чем в раннее рассмотренной программе. Сделать это можно будет, только по ссылке-приглашению в беседу или если вас добавит сам администратор беседы. Таким образом, если получится внедриться в такое сообщество, мы получим профили людей с их номерами телефонов.

Рассмотрев все площадки для размещения какой-либо информации в сети Интернет, мы пришли к алгоритму поиска информации нужной нам тематики, а именно экстремистской и террористической направленности. Но не вся информация, найденная нами, дает нам представление о самом человеке, который это размещает. Как показывает практика, многие пользователи, скрывают свои настоящие имена и фамилии, указывают неправильные даты рождения. Для того чтобы идентифицировать такого человека следуют воспользоваться более детальными методами поиска.

Идентификация личности является завершающим этапом в поиске. Из представленных возможностей поиска информации можно выделить несколько способов:

- Telegram Bot;
- сервисы сети Интернет;
- поиск картинок Google;
- поиск картинок Яндекс.

Для структурированного и более детального разбора всех способов, стоит сказать о каждом в отдельности.

Как ранее уже говорилось, такой мессенджер как Telegram, имеет массу возможностей, одной из таких возможностей является создание ботов, с помощью которых можно заменить целые программы и произвести быструю и результативную работу. Таким ботом, является так называемый «Глаз Бога». «Глаз Бога» - это автоматизированная система по поиску информации о человеке из открытых источников. Данная система помогает найти человека по фото, по номеру телефона, также найти его владельца и Telegram аккаунт, по фамилии, имени и отчеству найти номер телефона, по государственному номеру машины определить владельца и не только. Таким образом, с помощью данного бота нам предоставляется возможность упростить поиски вручную, для этого нужно иметь как минимум фотографию человека или же его номер, программа сама выдаст полную информацию о нем и также предоставит нам его аккаунты в социальных сетях, где как правило, можно найти еще больше информации. Хотя данный способ является одним из самых оптимальных и быстрых, но и он не является совершенным. Недостатки данного способа, такие как, платный доступ к программе, недоступность распознавания лица по фото из-за низкого качества изображения, иногда сильно затрудняет поиск или вообще является невозможным. В таких случаях, поиск производится вручную, с помощью сторонних сервисов и программ, являющихся общедоступными.

В сети Интернет существует множество сторонних программ, помогающих искать людей по фото. Самыми популярными и результативными являются такие сервисы, как Search4faces, FindClone и FindFace.

Search4faces – сервис поиска людей в интернете по фотографии. Данный сервис работает за счет технологий нейронных сетей и машинного обучения, которые в свою очередь способны за кратчайшее время выдать результат в виде ссылки на профиль найденного человека в социальной сети vk.com или ok.ru. На текущий момент Search4faces имеет 2 базы данных, состоящих из фотографий пользователей социальной сети Вконтакте и сети Одноклассники.

FindClone – также специализируется на поиске фотографий. Как указывают разработчики данного сервиса, система основывается на

сложных операциях: способность распознавания лиц и оценка их биометрических измерений. Данные алгоритмы способны найти копии фотографий, которые могут быть использованы не только самим пользователем, но и другими аккаунтами или сообществами. Данный сервис помогает определить оригинал страницы пользователя и также его дубликаты.

FindFace – технология распознавания лиц, разработанная российской компанией NtechLab, специализирующейся на решениях в области нейронных сетей. На базе данной технологии компания представляет линейку решений для государства. Одним из главных отличий данного сервиса является ограничение в использовании обычными пользователями, так как сервис работает в интересах государственных структур, поэтому и информация, хранимая в базах программы, также предназначена для них. Однако если иметь доступ к такому сервису, то возможно получить анализ пользователя, полные и достоверные сведения о нем, которые могут быть использованы для обеспечения безопасности на каких-либо мероприятиях или в учреждениях.

Как мы видим, результатом использования данных сервисов, почти в каждом случае, будет ссылка на профиль пользователя, имеющего сходство с интересующим нас человеком. Если же данный сервис не дает нам желаемого конечного результата, то возможно воспользоваться еще одним способом, он является весьма тривиальным и не требует больших знаний и умений.

Такие поисковые сервисы, как Google и Яндекс имеют в своем арсенале такую функцию как «поиск по картинке». Описывать данный способ не имеет смыслового значения, так как многие знакомы с данным сервисом. Однако иногда он может помочь в поиске нужной нам информации. Загружая изображения в поиск, в результате нам выдаются не только ссылки на аккаунты пользователей, имеющие похожие картинки у себя в профиле, но также высвечиваются упоминания и возможные отсылки к интересующей нас информации.

Заканчивая разбор вышеупомянутых сервисов, стоит дать уточнение тому, почему так важно идентифицировать человека. Выявление в Интернете информации террористического или экстремистского характера не всегда является желаемым результатом. Размещаемая информация хоть и может являться одним из способов негативного влияния на человека, однако куда разрушительнее являются действия человека, распространяющего эту информацию. Таким способом, для того чтобы предотвратить пропаганду противозаконных убеждений в сети Интернет, стоит найти сам источник и воздействовать непосредственно на него.

Рассмотренные методы поиска информации дают возможность найти в сети Интернет нужную нам информацию, которая могла бы стать базой для расследования преступлений экстремистской и террористической

направленности. Заблаговременная идентификация пользователей, которые преследуют идею экстремизма и терроризма, могла бы дать возможность быстрого реагирования и предотвращения преступлений этого рода.

Булкин Андрей Николаевич,
профессор
Московской государственной таможенной академии,
доктор философских наук

Гребенюк Диана Валерьевна,
соискатель ученой степени кандидата философских наук

Волконский Александр Николаевич,
соискатель ученой степени кандидата социологических наук

Мусаев Алик Ростамович,
соискатель ученой степени кандидата социологических наук

Тищенко Виктор Александрович,
соискатель ученой степени кандидата социологических наук

Юрчевская Ульяна Владимировна,
студентка 4 курса
юридического факультета
Кубанского государственного университета

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДИАЛОГА «ВЛАСТЬ – ОБЩЕСТВО» В УСЛОВИЯХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Власть должна считать себя частью народа
Рухолла Мусави Хомейни

Современный человек живет в условиях возрастающих темпов развития постиндустриального общества, диктующего специфические условия осуществления его деятельности и реализации социальных отношений и процессов.

Информационная среда, в которую постепенно транслируются основные сферы и институты социума, приобретает статус отдельной области человеческой жизни. Технический прогресс и развитие информационно-телекоммуникационных технологий привели к образованию внутри информационной сети Интернет обособленной

социальной системы, находящейся в тесной взаимосвязи с реальными общественными процессами, но способная существовать самостоятельно и независимо. Использование Интернета настолько прочно вошло в повседневную жизнь человека, что данная информационная сеть уже давно приобрела статус «отражения» реальной действительности в собственной среде посредством передачи аспектов человеческой жизни в виртуальную среду с помощью современных технологий. В настоящее время в Интернете осуществление издание виртуальных средств массовой информации, работают кинотеатры, онлайн-магазины, действуют библиотеки, выставки, проводятся совещания, мастер-классы, голосования, регистрируются сделки, заключаются договора, совершаются противоправные деяния, формируются виртуальные сегменты экономики, создаются тысячи рабочих мест и даже реализуются образовательные программы различных уровней образования. Жизнь человека постепенно приобретает информационный формат. В связи с этим в Интернете действуют собственные правила поведения и общения, а на законодательном уровне принимаются законы и нормы ответственности за их нарушение с учетом специфики общения людей в информационно-телекоммуникационном поле.

Именно упрощенный вариант общения людей делает Интернет-среду важным участником современных общественных отношений, в категорию которых также входит осуществление взаимодействия между обществом и органами государственной власти. Перечисленные выше обстоятельства диктуют требования к осуществлению социальных отношений в новых моделях коммуникационного процесса. Данные требования касаются коммуникации с учетом информационных достижений и особых формах ее организации. Это касается, в том числе, и политической сферы, особенно тех государств, где установлен демократический режим правления, требующий обязательного диалога между социальными группа и властью.

Осуществление политической власти в государстве признается закономерным общественным феноменом. Власть как таковая не может существовать без реализации общественных процессов и наоборот – практически все общественные процессы подчиняются определенным властным решениям их структуризации и организации. В условиях демократии властные органы государства призваны выполнять следующую функцию – выражать и реализовывать интересы избирателей. Л.А. Василенко отмечает: «...до настоящего времени практически отсутствуют полноценные механизмы взаимодействия государственной службы и структур гражданского общества, отвечающие этим принципам. Потребность в новых формах взаимодействия во многом определяется глобализацией мировых процессов»¹.

¹ Василенко Л.А. Механизмы социального взаимодействия государственной службы и гражданского общества // Государственная служба в современной России. М.: Изд.: ИНИОН, 2003. С. 102–112.

Демократический режим власти требует участия населения в политическом процессе государства путем проведения выборов и предоставления избирательных прав гражданам вне зависимости от их пола, расы, религиозной принадлежности и социального положения.

Использование возможностей Интернета как средства общения людей и осуществления общественных процессов позволяет модифицировать процесс взаимодействия между государством и обществом, повысить его эффективность в достижении обеими сторонами желаемых социальных, экономических, политических или культурных результатов, сделать данный процесс более простым. Информационная среда выступает как площадка для обмена мнениями, выражением интереса, высказыванием недовольства и для реализации диалога между властью и как отдельно взятым человеком, так и населением государства в целом. Интернет позволяет стереть территориальные границы, осуществить общение людей из разных часовых поясов, что, например, делает возможным осуществление выборов по всей стране в одно и то же время.

Демократическая модель осуществления власти имеет ряд особенностей, одна из которых – взаимная заинтересованности органов государственной власти и общества в эффективном решении возникающих проблем различных сфер его жизни. В условиях современного развивающегося постиндустриального общества Интернет как одно из его наиболее существенных достижений в информационно-коммуникационном отношении предоставляет возможность для осуществления подлинно демократической модели диалога между властью и управляемыми, который позволил не только укреплению доверительных отношений и формированию устойчивого взаимопонимания, но и поспособствовал бы осуществлению равного обмена информацией с одной стороны – о реализуемых политических программах, с другой – о реальном мнении общества по этому поводу и отношению к принимаемым правительством шагам в процессе принятия решений. При правильной организации диалога общество и государство уйдут от модели простого вещания политической программы в массы, что приведет к действительно демократической модели осуществления власти – совместной разработке и принятию властных решений. Интернет позволяет осуществлять общение напрямую, избегая стадии посредничества. Таким образом, обычный гражданин своего государства получает возможность общаться с избранными органами власти и должностными лицами, что снижает зависимость его мнения и действия от конкретных людей или политических партий и организаций.

Исследуя перспективы становления и развития подобной политической коммуникации, мы не можем не задаться следующим вопросом: как быстро пройдет переход органов власти и гражданского

общества к демократическому диалогу, осуществляемому посредством использования достижений информационно-телекоммуникационного прогресса, и будут признаны его достоинства в процессе объединения государства и граждан и усиления общественных институтов, взаимодействующих с властью?

Рассмотрим ситуацию в нашей стране. Уже давно и активно осуществляется государственная поддержка внедрения современных технологий и возможностей Интернета в общественную жизнь, поощряется их использование как инструмента осуществления взаимодействия (особенно в условиях пандемии и режима самоизоляции). Практическая эффективность указанных аспектов не только теоретически доказана, но и практически подтверждена, хотя и подвергается некоторой критике. Однако процесс именно политического взаимодействия между властью и обществом в Интернете вызывает вопросы. Сам по себе описанный выше диалог находится в стадии формирования, что несет как отрицательные, так и положительные аспекты. С отрицательной стороны необходимо отметить отсутствие прямого диалога между властью и обществом. Положительным моментом является способность гражданского общества и представителей властных организаций настроить его изначально правильно, с наибольшей эффективностью как для государства, так и для человека. Появляется возможность изучить, какой требуется уровень развития технологий и доверия, как должны вести себя участники политического коммуникационного процесса, какие перспективы могут перед ними открыться в условиях осуществления подобного рода диалога.

Принимая во внимание все более часто звучащие призывы с самых высоких трибун о необходимости для чиновника быть «ближе к народу», в том числе посредством Интернета, региональные руководители по-прежнему не слишком расположены к непосредственному общению с гражданами. Встречаются некоторые исключения из правил, хотя это стоит отнести скорее к личной инициативе, нежели чем к обязанности чиновников, как выразителей общественных интересов.

В свою очередь российское общество также не слишком активно стремится к диалогу с властью, что объясняется достаточно низким уровнем доверия россиян к собственному правительству и недостаточным правовым и политическим образованием. Исследования ВЦИОМ¹ показывают, что уровень доверия россиян к избранным должностным лицам падает с каждым отчетным периодом.

Чтобы максимально целесообразно решить проблему о формировании взаимодействия между обществом и властью в Интернет-среде необходима не только государственная поддержка и реализация

¹ URL: <https://wciom.ru/ratings/doverie-politikam>

политических программ развития информационно-телекоммуникационных технологий, но и стремление общества к диалогу с представителями власти, а не заранее негативное отношение к данному процессу. Если перед государством стоит задача подготовить виртуальную площадку для взаимодействия, то общественные организации во многом должны поспособствовать формированию у населения культуры осуществления взаимодействия в диалоге «власть-общество».

Литература

1. Василенко Л.А. Механизмы социального взаимодействия государственной службы и гражданского общества // Государственная служба в современной России. М.: Изд-во ИНИОН, 2003.
2. Василенко Л.А. Методология и методика исследования интернет-коммуникаций // III Международная социологическая конференция «Продолжая Грушина». М., 2013.
3. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникации: сборник научных трудов. – СПб. – Изд.: СПбГПУ, 2004.

Гордеева Елена Владимировна,
старший преподаватель кафедры
русского и иностранного языков
Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ВНЕАУДИТОРНОГО ЧТЕНИЯ КАК ОДНОГО ИЗ ВИДОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КУРСАНТОВ

В силу различных причин количество часов аудиторных занятий иностранного языка в неязыковых вузах продолжает сокращаться, а это, в свою очередь, приводит к увеличению объема самостоятельной работы. Роль самостоятельной работы в формировании результата обучения иностранному языку всегда имела большое значение. Но в современных условиях самостоятельной работе, необходимость которой значительно возрастает, приходится уделять гораздо больше внимания. Одной из форм самостоятельной работы является внеаудиторное чтение. Проблема формирования условий внеаудиторной работы студентов очень актуальна на сегодняшний день и направлена на совершенствование коммуникативных умений и навыков и развитие языковой компетенции, которая проходит в свободное от занятий время и совершенно в других формах.

Внеаудиторное чтение обычно рассматривают как работу с аутентичной адаптированной или неадаптированной литературой, не включенной в учебники и учебные пособия. Внеаудиторное чтение формирует умения извлекать из текста необходимую для решения определенной речевой задачи информацию, как страноведческого, так и профессионального характера, интерес к чтению. Внеаудиторное чтение также развивает способность работать с различными источниками информации, информационными ресурсами и технологиями, применять основные методы, способы, средства получения, хранения, поиска, систематизации, обработки и передачи информации. Развитие всех этих навыков включены в требования программы освоения дисциплины ИЯ. Основные трудности в обучении этим навыкам возникают в тех группах, где обучающиеся имеют разный базовый уровень владения ИЯ (1, стр. 2). В Краснодарском университете МВД эта проблема достаточно актуальна. В вузе обучаются представители разных регионов, среди них много иностранцев, у некоторых из них очень низкий уровень владения не только иностранным, но и русским языком. Многие курсанты не видят и не понимают перспективы использования ИЯ в будущей профессиональной деятельности, что, в свою очередь, снижает интерес к его изучению. Работа с такими курсантами заставляет искать новые способы и формы, в том числе и с внеаудиторным чтением.

Цель данной работы – характеристика самостоятельных занятий курсантов разного уровня подготовленности в рамках работы с внеаудиторным чтением, описание способов организации контроля этого вида деятельности. Первое, что необходимо учитывать, – это сроки выполнения задания. В рамках работы над внеаудиторным чтением курсантам одной группы целесообразно выделить различные сроки для выполнения задания, а также разный объем читаемого материала.

Большое значение имеет уровень сложности изучаемой литературы. Преподаватели кафедры РиИЯ Краснодарского университета МВД постоянно пополняют и обновляют тексты для работы с курсантами. В распоряжении любого из преподавателей всегда есть электронная база как аутентичных, неадаптированных текстов для курсантов с более высоким уровнем владения ИЯ, так и более простых, адаптированных. Уже на первом курсе, несмотря на общие изучаемые темы, такие как «Высшее образование», «Мой университет» и т. д., курсанты работают с текстами разного уровня сложности и объема. На втором курсе добавляются профессионально-ориентированные тексты, работа с которыми может вызвать трудности у курсантов с низким уровнем языковой подготовки. Для таких курсантов существует подборка адаптированных текстов по той или иной теме.

Необходимо выделить три этапа работы с текстом, которым следует уделить внимание и, которые смогут помочь в обучении курсантов работе

с текстом. Это – предтекстовый, текстовый и послетекстовый этапы. Задания на каждом из этапов могут различаться в зависимости от уровня подготовки курсантов. Так менее подготовленные курсанты могут больше внимания уделять работе с новой лексикой и определять тематику текста на основе языковой догадки по лексике, расположенной перед текстом. Задание более сложного уровня – ответить на вопросы перед текстом и определить тему, исходя из них. Примерами заданий разного уровня сложности на этапе работы с текстом могут быть следующие указания: 1. Найди и прочитай предложения со следующими словами; 2. Найди и прочитай предложения со следующими грамматическими явлениями; 3. Найди и прочитай описание...; Более сложные примеры: 1. ответь на вопросы; 2. подтверди или опровергни высказывание; 3. вставь недостающие предложения; и т. д.

Контроль понимания, прочитанного и умений использовать полученную информацию в профессиональной деятельности можно проверить с помощью послетекстовых заданий. Такие задания предназначены для проверки понимания прочитанного, для контроля за степенью сформированности умений чтения и возможного использования полученной информации в будущей профессиональной деятельности. На этом этапе, который, несомненно, требует более высокого уровня подготовки, задания тоже можно и нужно дифференцировать. Примеры таких заданий: 1. Согласись или опровергни; 2. Выстрой предложения в логическом порядке; 3. Найди ключевые слова в тексте; 4. Напиши план текста и т. д. или: 1. Расскажи / напиши, насколько полезна в твоей профессии была информация, изложенная в тексте; 2. Вырази свое отношение; 3. Напиши аннотацию и т. д.

Важной задачей в работе над внеаудиторным чтением является пополнение словарного запаса курсантов за счет лексики, которую они встречают в текстах. Время, затраченное на этот вид работы, определяется преподавателем, оно зависит от индивидуальных особенностей и знаний курсантов. Для курсантов с низким уровнем владения ИЯ предлагаются такие задания как: 1. Выписать незнакомые слова в исходной форме; 2. Выписать интернациональные слова; 3. Найти и выписать неправильные глаголы, дополнить их недостающими формами; 4. Выписать незнакомые слова, о значении которых можно догадаться по контексту. В то же время другой группе курсантов можно предложить следующие виды работы с новой лексикой 1. Выписать незнакомые слова и заполнить таблицу с недостающими однокоренными частями речи; 2. Выписать незнакомые слова и подобрать к ним синонимы или антонимы; 3. Выписать незнакомые слова и объяснить их значение и т. д.

Задания по работе с лексикой необходимо планировать заранее, в начале семестра. Такие виды работы с лексикой развивают у курсантов способность выделять главные понятия темы и формулировать их.

Согласно программе в результате изучения дисциплины курсант должен владеть наиболее используемыми грамматическими навыками общекультурной и профессиональной речи (2, стр. 4). Работая с текстами для внеаудиторного чтения, курсанты могут выполнять как простые, так и более сложные упражнения по тем грамматическим конструкциям, которые преподаватель объясняет на занятиях. Лексико-грамматические упражнения помогают лучше усвоить и закрепить в сознании те или иные конструкции. Это могут быть такие задания как: 1. найти предложения с глаголами неправильной формы, 2. с модальными глаголами, 3. с глаголами в страдательном залоге, 4. причастиями и причастными оборотами и т. д. При этом большая часть упражнений может быть в виде тестов с выбором правильного ответа. В то же время курсантам с более высоким уровнем знаний можно дать больше упражнений с переводом с русского на английский.

Несомненно, в рамках работы над внеаудиторным чтением, не следует забывать о развитии навыков устной речи. Мы считаем, что задания для развития и совершенствования этого вида деятельности тоже необходимо дифференцировать. Это могут быть пересказы различных видов, обсуждение прочитанного, подготовка сообщений и презентаций по прочитанному.

У каждого преподавателя кафедры выделены еженедельные часы для консультаций, в том числе и для контроля внеаудиторного чтения. Система Moodle, которую использует Краснодарский университет МВД, также дает широкие возможности для управления любым видом работы, в том числе и внеаудиторным чтением. Преподаватель может создавать курс и управлять его работой, организовывая индивидуальную работу курсантов.

При этом следует отметить, что внеаудиторное чтение является частью комплекса мероприятий по иностранному языку и всегда скоординировано с другими видами работы. Использование для чтения текстов по направлению подготовки связывает изучение иностранного языка с общей подготовкой высококвалифицированного специалиста (3, стр. 93).

Литература

1. Северина В.Ф. Особенности организации внеаудиторного чтения в неязыковом вузе. Алтайский гос. аграрный ун-т. Журнал «Мир педагогики и психологии». № 11. 2019. С. 85–93.

2. Рабочая программа дисциплины иностранный язык для специальности 40.05.03 Судебная экспертиза специализация «Криминалистические экспертизы» Составитель: В.А. Гончарова, кандидат филологических наук (кафедра русского и иностранных языков Краснодарского университета МВД России).

3. Воронцова Ю.А., Хорошко Е.Ю. Внеаудиторное чтение как часть образовательной стратегии при обучении РКИ. Белгородский юр. ин-т МВД России имени И.Д. Путилина. Проблемы современного филологического образования / сб. науч. статей. Изд.: Московский городской педагогический университет. М., 2017. С. 90–94.

4. Вахрушева О.В. Виды самостоятельной работы курсантов в контексте формирования самостоятельности при обучении иностранному языку в военном вузе. С. 135. Иностранный язык как средство профессиональной коммуникации / сб. науч. трудов. Пермь. Изд.: ПВИ ВНГ, 2019. 219 с.

Добрыдина Алина Игоревна,
курсант 2 курса
факультета по подготовке
специалистов для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры
философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ»

Наверное, не будет преувеличением утверждать, что проблема определения причин, логики и основных целей поведения человека в обществе является одной из важнейших проблем всего социально-гуманитарного познания. В первую очередь это связано с тем, что предметом данной отрасли научного познания служит человек и общество, то есть феноменов, функционирование, которых в равной степени зависит как от внешней обусловленности, так и от способности к саморазвитию. Понятие жизненной стратегии в равной степени выражает эти две важнейшие характеристики человеческого бытия. Именно в силу данного обстоятельства процесс планирования и реализации человеком своих целей в социокультурном пространстве в том или ином срезе служит предметом практически всех дисциплин, принадлежащих к сфере социально-гуманитарного познания. Но в каком бы аспекте, и через призму какой бы концептуальной схемы, жизненная стратегия не становилась предметом социального познания, ее рассмотрение несет на себе отпечаток характера теоретико-методологического данной отрасли

научного знания в целом. Без учета этого характера не представляется возможным адекватным образом не только понять и оценить различные концепции жизненной стратегии, но и предложить какую-либо плодотворную концепции данного феномена невозможно вне раскрытия специфики социального познания как составной части социально-гуманитарных наук.

Социальное познание как составная часть социально-гуманитарных наук включает в себя следующие характерные черты синтетичность, конструктивность, ценностную нагруженность и полипарадигмальность. Рассмотрим данные характерные черты социального познания в их связи с проблемой исследования процесса объяснения логики создания и реализации человеком своих социально значимых жизненных планов.

Синтетичность социального познания заключается в том, что данная отрасль науки в отличие от трех других отраслей допускает соединение научного знания с философским знанием. Данное обстоятельство проявляется не только в том, что к числу социальных наук, как правило, относят целый ряд философских дисциплин и прежде всего социальную философию, но и то, что в ряде общественных наук философское знание используется в качестве теоретико-методологической базы. При этом в можно выделить три основных подхода к пониманию синтетического характера социальном познания.

Первый, сциентический подход к пониманию характера социального познания предполагает отрицательное решение данной проблемы. С точки зрения сциетизма, социальное познание является должно быть сугубо научным, а любые элементы философского знания из него должны быть устранены. В противоположность этому антисциентизм настаивает на том, что теоретико-методологическая база социальных дисциплин формируется посредством философского знания и потому научное знание в области познания социальных предметов, явлений и процессов играет вспомогательную роль. Сбалансированный подход к решению проблемы характера социального познания признает, что социальные науки могут успешно функционировать только в условиях равноправного взаимодействия научного и философского знания. Все три подхода могут оказывать непосредственное воздействие на организацию и проведение исследования процессов конструирования и реализации человеком своих жизненных планов.

Так, сциентический подход полагает, что такое исследование должно сконцентрироваться на обобщении конкретных примеров планирования и осуществления человеком своих социально значимых целей. При этом модели жизненных стратегий человека, предлагаемые сциентизмом, имеют ярко выраженный функциональный характер и принципиально избегают постановки вопросов о характере мира и смысле человеческого существования. Сильной стороной сциентических концепций жизненных

стратегий является их подтвержденность богатым эмпирическим материалом, тогда как их слабой стороной следует признать признание роли телеологических установок в жизни человека при одновременном отказе от учитывания их роли в процессе научного познания. В результате возникает ситуация, когда идеальная модель социального процесса изначально не соответствует характеру изучаемого объекта.

Антисциентистский подход к решению проблемы характера социального познания находит свое выражение в исследовании жизненных стратегий человека посредством создания антропоцентрических и телеологических моделей его поведения в природно-социальном мире. К числу достоинств антисциентистского понимания следует отнести создание теоретико-методологической конструкции имманентных предмету исследования. В свою очередь к числу отрицательных черт антисциентистского подхода, нужно отнести неоднозначность предлагаемых выводов. И действительно, модели жизненных стратегий, предлагаемые антисциентистским подходом, поражают своим многообразием и противоположностью представлений о характере человека и смысле его существования.

Сбалансированный подход предполагает инструментальное использование философских концепций. Такого рода использование связано с превращением философских конструктов в идеальные формы, позволяющие упорядочивать и осмыслять эмпирический материал, связанный с раскрытием логики мотивов и поведения человека в социальном пространстве. Благодаря этому философской составляющей социального познания удастся снять обвинения в своей непродуктивности. Однако сбалансированному подходу к пониманию природы социального познания не удастся привести выводы социального познания относительно природы и закономерностей к единому знаменателю. Так же как и антисциентизм, сбалансированный подход не может предложить единого образа жизненной стратегии, но вместе с тем, он с помощью принципа гносеологического прагматизма сокращает количество философских концепций, претендующих на роль объяснения социального поведения.

Для адекватного понимания конструктивного характера социального познания необходимо сопоставить его с соответствующей чертой другой отрасли научного познания – естествознания, предметной предзаданностью. Так, в естественных науках предмет познания – природа, всегда предзадана исследователю, существует до него, поэтому в его задачу входит отражение, а не конструирование предмета. Установка на отражение предметности предполагает, определенные выводы для организации исследовательского процесса. В естествознании исследователь нацелен на отражение вневременной, логико-математической структуры природы. По этой причине естествознание ориентирует исследователя на обнаружение в себе вневременное, чисто

логическое измерение. Целью этой познавательной установки служит отражение природы такой, какой она есть сама по себе.

В противоположность этому главной познавательной установкой социального познания служит исследование общества, но общество в отличие от природы неотделимо от человека и конструируется им в процессе в своей жизнедеятельности. По этой причине исследование социальной реальности предполагает ориентацию не на вневременное измерение в человеке, но на фиксацию исторического измерения в нем. В свою очередь, историчность представляет собой с одной стороны возникновение новых, не существовавших ранее явлений, а с другой, – наличие преемственности между вновь возникшим и существовавшим ранее. Таким образом, конструктивность является одним из неотъемлемых признаков социальности. Естественно, что раскрытие конструктивного характера социальной реальности требует особого понимания природы познающего субъекта. В противоположность естествознанию, социальное познание исходит не из вневременной, а напротив из временной природы человека. Вместе с тем, временность субъективного и объективного, социального человеческого бытия имеет различный характер и скорость измерения. Поэтому познание социальности возможно только посредством фиксации субъективной временности объективной. Именно поэтому Гегель определял характер философии как раскрытие квинтэссенции исторической эпохи. Сказанное Гегелем о философии вполне применимо к социальному познанию. Конструктивность же социального познания заключается в создании теоретических моделей, но при этом она может иметь различную направленность.

Первая установка имеет номологическую направленность, в процессе создания моделей социальных явлений, предметов и процессов в конечном итоге нацелена на раскрытие универсальных законов развития общества и культуры. Эта установка в философском и научном познании получила наименование историцизма. По своему характеру историцизм максимально приближен к теоретико-методологической базе естествознания. Так же как и естествознание, конструктивизм историцистского конструирования теоретического моделирования предполагает подведение единичного явления под общую закономерность. Отсюда можно сделать вывод о том, что по своему характеру историцизм представляет собой проекцию теоретико-методологической базы естествознания на социально-гуманитарные дисциплины.

В противоположность первой, вторая установка теоретического конструктивизма нацелена на фиксацию общностей имеющих в своем основании не закономерность, а какое-либо общее понятие или существенный признак, характерный для целого ряда предметов. По этой причине вторую теоретико-методологическую установку социального

конструирования можно определить как типологизм. В отличие от номологизма, типологизм нацелен на обнаружение не столько универсальных законов, сколько на выявлении тенденций в развитии конкретных, социальных и культурных предметов, процессов и явлений. Различные формы типологизма рассматриваются различными научными и философскими школами в качестве самобытной базы социального познания.

В области понимания планирования и поведения человека в обществе номологизм и типологизм предлагают различные способы объяснения. Так, номологизм для решения этой задачи предполагает искать общие закономерности развития общества, а также рекомендует людям при разработке личных стратегий учитывать эти закономерности. Сходным образом и типологизм, создавая определенный образ социального бытия, откладывает свой отпечаток на процесс конструирования выбора и реализации человеком своей модели поведения. С точки зрения типологизма сущность социальной реальности либо до конца не может быть прояснена, либо ее целостность следует искать в сознании самого исследователя. В обоих случаях, человек в процессе создания и воплощения своего плана в жизнь должен ориентироваться не логику развития социально реальности, но на собственные способности и внешние обстоятельства, т. е. на ситуацию. Совокупность и борьба различных социальных реакций людей и определяет по мнению типологизма, ход развития социокультурного целого. Отсюда следует, что социальная реальность в своем развитии не обусловлена внешними законами, ход ее существования не предопределен. Подобным же образом не предопределена и судьба человека. Она представляет собой не столько неизбежность событий, сколько наличие в них определенного сквозного смысла, заложенного в них самим человеком. Поэтому человек в процессе конструирования и реализации своей жизненной стратегии может быть признан кузнецом своего счастья, а не рабом или жертвой судьбы.

Третьей характерной чертой социального познания, оказывающей непосредственное влияние на создание и воплощение человеком своих жизненных планов, является его ценностная нагруженность. Данная характерная черта социального познания вступает в прямое противоречие с важнейшими принципами логико-математических наук и естествознания, для которых отражение связей и функциональных зависимостей между любого рода объектами, при этом вынесение каких-либо ценностных суждений об этих процессах и отношениях, признается нарушением идеала объективности научного знания, его независимости от субъективности исследователя. В социальном же познании подобная ценностная нейтральность в рассмотрении социальных процессов возможна, что нашло свое применение в математических методах исследования. Но превращение ценностной нейтральности в абсолют для

социального познания невозможно, поскольку в этом случае станет невозможно раскрытие качественного измерения человеческого бытия. В свою очередь решение этой задачи возможно только путем создания методологии, которая бы отражала бы природу познаваемого предмета, т. е. ценностно нагруженной методологии. Однако такого рода методология ни в коей мере не должна означать произвола со стороны субъективности. Поэтому в методологии социального познания принято отличать оценку от отнесения к ценности¹. Если оценка предполагает выражение частного интереса познающего субъекта, то отнесение к ценности позволяет выяснить соотношение между ценностными ориентирами теории и субъектов, выступающих в качестве объектов социального познания. Благодаря этому, социальному познанию удастся если не получить «чистое знание», то по крайней мере учесть ценностных ориентиров в научном познании.

Как и любая другая научно-философская проблема, проблема ценностной обусловленности социального познания не имеет однозначного решения. Так, в социальном познании можно выделить три основных подхода к решению данной проблемы: эмпирический, объективистский и трансценденталистский, каждый из которых оказывает непосредственное влияние на объяснение логики формирования и реализации человеком своих социально-значимых планов.

Согласно эмпирическому подходу ценности образуются в процессе обобщения результатов коллективного опыта по принципу социальной пользы или опасности. Аксиологический эмпиризм означает признание исторической изменчивости ценностей, как в социально-онтологическом, так и в познавательном аспектах. Данное обстоятельство означает, что социальное познание, стремящееся к раскрытию мотивов и целей поведения людей должно иметь дескриптивный характер, поскольку только подробное описание динамики изменения в ценностные ориентиры людей может установить основные тенденции в развитии общества.

В противоположность эмпиризму аксиологический объективизм признает существование ценностных ориентиров в себе, независимо от их осознанности человеком. С объективистской точки зрения социальный опыт представляет собой не формирование ценностей, а их открытие. По этой причине ценностная обусловленность социального познания рассматривается в объективизме не как ограничение, мешающее человеку познать сущность мира, а напротив как средство связи между объективным и субъективным бытием, как начало, постижение которого позволяет человеку выжить в мире.

По своему характеру аксиологический трансцендентализм занимает срединное положение между объективизмом и эмпиризмом. Согласно

¹ Соколов С.В. Социальная философия. М.: Юнити-дана, 2003. С. 55–56.

данному подходу ценности не существуют независимо от человеческого сознания, и вместе с тем они не формируются в процессе опыта, они представляют собой идеальные структуры общечеловеческого, трансцендентального сознания. С точки зрения аксиологического трансцендентализма важнейшим условием человеческого опыта служит проекция ценностных ориентиров на предметы, явления и процесса природного-социального мира. Отсюда следует, что стремление к объективному, ценностнонейтральному знанию в процессе познания общества и культуры является искажением их природы. Поэтому ценностная обусловленность социального познания рассматривается аксиологическим трансцендентализмом как выражением конструктивной сущности социокультурного целого.

Как уже было сказано, каждый из обозначенных способов понимания характера ценностей накладывает свой отпечаток на исследование процесса создания и реализации человеком своих жизненных планов. Так, эмпирический аксиологизм признавая принципиальную конструктивность ценностных ориентиров, их зависимость от интересов и условий существования людей, отстаивает наиболее гибкий образ процесса создания и реализации жизненных стратегий человека, делая упор на необходимость фиксации при изучении данного феномена социального, культурного и исторического контекста. В свою очередь аксиологический объективизм при рассмотрении жизненных стратегий носит ярко выраженный критический характер, при этом основанием для такого анализа служит определенная система ценностных ориентиров, которая рассматривается в качестве отражения ценностного среза бытия. Наконец, аксиологический трансцендентализм, признавая ценностями проектами на социальную реальность, нацеливает исследователя на раскрытие ценностных ориентиров определяющих социально значимую деятельность людей, при этом данная форма понимания аксиологической обусловленности социального познания предлагает раскрытие лишь определенного среза человеческой субъективности и не претендует на абсолютное постижение социального бытия. Другими словами, теории жизненной стратегии человека имеют в аксиологическом трансцендентализме осознанно схематический, абстрагирующий характер, они не обобщают фактический материал, связанный с реализацией жизненных планов человека и не относят его к универсальной системе ценностей, а лишь проясняют его существенные моменты.

Третьей характерной чертой характерной чертой социального познания, оказывающей прямое воздействие на исследование жизненных стратегий следует его полипарадигмальность. Вообще в современном научно-философском познании под парадигмальностью понимаются подчиненность научного мышления, какой-либо определенной схеме –

способу постановки и решению задачи. Эта схема, продемонстрировавшая свою действенность в какой-либо узкой области, и постепенно переносится на новые области познания. Благодаря такой экспансии теоретическая модель превращается в универсальную познавательную модель – парадигму, благодаря своей объясняющей способности находящую поддержку среди научного сообщества.

Литература

1. Соколов С.В. Социальная философия. М.: Юнити-дана, 2003.
2. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс Традиция, 2009.

Дубина Альбина Шагидулловна,
доцент кафедры

Экономическая теория и международные отношения
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет,
кандидат социологических наук

Кобоскина Олеся Сергеевна,
студентка кафедры

Экономическая теория и международные отношения
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

31 декабря 2019 года в Китае (г. Ухань) случилась неизвестная вспышка пневмонии, которая позже получила официальное название – COVID-19. О данной обстановке проинформировали Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ), она сразу же была признана чрезвычайной ситуацией международного значения. За исключением многочисленных попыток организовать карантин, пандемия имеет далеко идущие последствия – «**коронакризис**».

Основной экономический шок произошел в первой половине 2020 г. Еще до начала пандемии, рост реального мирового ВВП составил всего 2,3%. Но карантинные меры все меняют, и теперь ожидается, что мировой объем производства уменьшится на 2,5%. Если смотреть с одной стороны, они будут уменьшать спрос. С другой стороны, прекращение деятельности производств, повлечет за собой появление узких мест в поставках.

Начало эпидемии, падение цен на нефть и подрыв финансовых рынков разрушили все установки. Эксперты считают, что хоть эти

потрясения и произошли одновременно, это была не единственная проблема. Мировое хозяйство уже затянуло в очередной циклический кризис, который сопровождался огромной долговой нагрузкой, ведь развитые страны были нацелены на стремительный рост мирового хозяйства.

Пандемия COVID-19 считается одним из самых крупных и продолжительных экономических кризисов, который Россия будет преодолевать от 1 года до 4 лет. Сегодня складывается достаточно противоречивая ситуация – власти активно стараются избежать жертв от заболевания, приостанавливая работу всех общественных мест и заведений. Но при этом, они даже не предполагают, с какими последствиями и проблемами им предстоит соприкоснуться.

Россия, к сожалению, находится в самом центре «коронакризиса». Прежде всего, нужно предпринять меры для поддержания экспортного потенциала страны. Но при этом, необходимо регулировать систему производства и потребления товаров (услуг) внутри страны. При решении данных задач нужно использовать новые условия, ведь все производственные и логистические цепочки парализованы.

Главный вопрос, которым, задаются все, сколько, по итогу, денег потеряет экономика страны? По принципу домино, будут впадать в состояние комы одна сфера экономики за другой. Это объясняется тем, что, вымываемые из бюджетов домохозяйств денежные средства, больше не пополняются, как это было до начала пандемии. Стабильная концентрация денежных средств в экономике быстротечно истощается. Население страны кардинально меняет свой образ жизни и начинает перераспределять свои расходы. Малый и средний бизнес, недополучив необходимый оборотный капитал, спровоцирует уменьшение издержек, что повлечет за собой увеличение количества незанятого населения и, как итог, неплатежеспособность-строительный рынок понесет убытки, что также коснулась и промышленный сектор, в частности и без того неудовлетворенных работой промышленных рабочих [3, с. 3842]. В связи с оттоком мигрантов и уменьшением работников в торговой сфере, рынки аренды недвижимости будут на грани подрыва. Банковский сектор экономики уже испытал на себе влияние ограничительных мер: уменьшение количества банковских операций, сокращение кредитного спроса. Сфера туризма претерпела огромные убытки, так как произошел отток всех иностранных туристов. Индустрия красоты и здоровья, вовсе потеряла актуальность среди населения и оказалась за бортом (рис. 1).

Рис. 1. Список наиболее пострадавших отраслей экономики в России

Сегодня разбором отдельных секторов экономики заниматься достаточно сложно, так как мультипликативный эффект от ее падения, будет обнулять любую точечную поддержку. Однозначно, что экономика РФ находится в состоянии крупнейшего за четверть века кризиса.

Какие же меры нужно предпринять для того, чтобы страна смогла преодолеть последствия «коронакризиса»? Прежде всего, необходимо понимать, какие ресурсы и инструменты имеет страна. Во-первых, в начале 2020 года насчитывались значительные запасы денежных средств (фонды и резервы ЦБ России). Во-вторых, в стране имеются как финансовые, так и трудовые ресурсы. В-третьих, Россия имеет достаточно хороший потенциал. Остается только правильно и вовремя воспользоваться данными возможностями. Прежде всего, необходимо создать и сформировать новую структурную единицу, такую как антикризисный штаб. В его обязанности будет входить управление и регулирование работы государственных органов, принимающих участие в преодолении кризиса. Данное направление может привлечь внимание экспертного сообщества, начнут функционировать кадровые резервы, что значительно увеличит эффективность работы государственных органов.

В конце мая Минэкономразвития опубликовало обновленный макропрогноз с учетом низких цен на нефть и эпидемии коронавируса. Прогноз динамики ВВП был пересмотрен с роста в 1,9% до спада в 5% с восстановлением на 2,8% в 2021 г. (таб. 1).

Таблица 1

Официальные прогнозы экономических показателей

Этапы восстановления экономики	Цель этапа восстановления	Результат этапа восстановления
1-ый этап (2К-3К20)	Период сохранения карантинных ограничений. Не допустить распространения рецессии и стабилизировать ситуацию в наиболее пострадавших отраслях	Прекращение падения экономики относительно 2К20. В качестве ориентира учитывается месячное изменение ВВП на конец этапа, реальных денежных доходов населения, промышленного производства в обрабатывающем сегменте, оборота розничной торговли, оборота платных услуг не ниже 0% к предыдущему месяцу с учетом сезонного фактора
2-ой этап (4К20-2К21)	В этот период планируется частичное смягчение ограничений	Ориентиры: снижение уровня безработицы, месячные показатели ВВП на конец этапа, реальные доходы населения не ниже 98% к 2019 г., (а при условии полного снятия ограничений – 100% уровня 2019 г.)
3-ий этап (3К-4К21)	Ожидается полное снятие ограничений. Его целью является ускорение экономического роста до уровней выше среднемировых	Ориентирами плана на конец 2021 г. является рост ВВП не менее 2,5%

Прогноз ЦБ РФ подразумевает сокращение реального ВВП на 4–6% в 2020 г. По оценке ЦБ РФ, глубокий спад экономики в 2К20 сменится улучшением динамики в 2П20. Восстановление экономики будет зависеть от нормализации ситуации с распространением коронавируса и от смягчения ограничительных мер. По оценкам ЦБ РФ, ухудшение динамики в 2020 г. сменится ростом реального ВВП на 2,8–4,8% в 2021 г.

В заключении хочу сказать, что население страны, прошедший испытания войнами и голодом, диктатурой и анархией, уверенно стоит во весь рост перед лицом любой опасности. Несгибаемая воля, сверхчеловеческая сила, беспримерная стойкость, обостренное чувство справедливости и бесконечное желание жить в мире и согласии, на многие поколения вперед определили нашу судьбу.

Литература

1. Влияние коронавируса на мировую экономику в целом. – Режим доступа: URL: <https://ria.ru/20200302/1566873678.html> (дата обращения: 07.07.2020).

2. Дубина А.Ш. Социокультурные ориентации современных промышленных рабочих. Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 3939–3947.

3. Как коронавирус влияет на экономику. – Режим доступа: URL: <https://provirus.info/vliyaniye-koronavirusa> (дата обращения: 06.07.2020).

4. Кафедра «Экономическая теория и международные отношения». – Режим доступа: URL: http://dep_etme.pnzgu.ru (дата обращения: 04.07.2020).

5. О международных договорах Российской Федерации. – Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/9012279> (дата обращения: 04.07.2020).

Дубина Альбина Шагидулловна,
доцент кафедры
Экономическая теория и международные отношения
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет,
кандидат социологических наук

Сафронова Ольга Юрьевна,
студентка кафедры
Экономическая теория и международные отношения
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет

Черненко Елена Вячеславовна,
студентка кафедры
Экономическая теория и международные отношения
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет

КРИЗИС РОЛЬ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В РАЗВИТИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И АЗИИ

Современный этап общественной трансформации, сопровождающийся глобализацией и интеграцией, предполагает процесс слияния и пересечения культур в разных сферах жизни общества. В сложившихся условиях успех специалистов, работающих в области международного сотрудничества, зависит от качества их владения кросс-культурными компетенциями.

Кросс-культурная коммуникация (в переводе с англ. «cross cultural» – «пересечение культур») представляет собой совокупность разнообразных форм отношений между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. Особенно данная тема набирает актуальность в период возрастания мобильности российской молодежи и увеличения ряда возможности для расширения мировых границ [4, с. 88].

Внешнеэкономическая деятельность государства предполагает построение взаимоотношений с представителями разных государств, как следствие, разных культур, национальностей и конфессий. Из-за культурных особенностей регионов внешнего сотрудничества государства эффективность построения деловых взаимосвязей и партнерских отношений зависит от знания дипломатом кросс-культурных нюансов переговоров с иностранными представителями. Ошибки в организации кросс-культурных коммуникаций накладывают негативный отпечаток на отношениях с партнером, ведут к конфликтным ситуациям и препятствуют достижению поставленных целей.

В последнее десятилетие наблюдается активное экономическое развитие азиатского региона. Экономисты отмечают, что сложившийся

тренд сохранится и в перспективе. Например, Китай на современном этапе уже не рассматривается экономистами как развивающийся рынок, а является самодостаточной и динамичной системой, оказывающей влияние на внешний мир. Также эксперты Всемирного экономического форума прогнозируют, что в ближайшие 10 лет Индия станет третьей экономикой мира, объясняя это тем, что роль региона в мировой экономике растет; страна, в одном ряду с Китаем, становится стратегическим партнером США; происходит укрепление ее позиций в цепочке международных связей. Кроме этого стремительно развиваются страны Южной Азии: Пакистан, Шри-Ланка и Бангладеш. Они становятся сферой приложения китайского капитала, который используют в программа «Жемчужный пояс» и «Великий шелковый путь» [2].

В связи с этим, география международного сотрудничества и ВЭД приобретает новый вектор развития. Азиатский регион рассматривается индустриальными развитыми странами как катализатор экономического роста в мире. Очевидно, что также и России необходимо отходить от традиционных подходов в построении международных коммуникаций и формировать новые инструменты для укрепления российско-азиатских связей.

Одним из факторов экономической культуры азиатских стран является их экономическая модель. Рассмотрим отличительные черты модели развитых стран Азии:

1. Ведущая роль в процессе государственного развития исполняется государством, которое признает приоритет частного сектора и поддерживает его хозяйственную деятельность.

2. Ключевыми игроками в частном секторе являются конгломераты, принадлежащие целым семьям-основателям, они же осуществляют полный контроль над своими компаниями. «Внешние» же инвесторы почти не имеют влияния.

3. Для восточноазиатских конгломератов приоритетом деятельности является не максимизация прибыли и рыночной стоимости, а стабильность и расширение бизнес-империи, повышение своего влияния во многих отраслях экономики.

4. Трудовые отношения с соблюдением принципов «корпорация-семья», «лояльность», «гармония внутри организации». То есть, компании несут ответственность за стабильность найма работников и заботятся об их повседневной жизни. Со стороны кадров при этом наблюдается жесткая конкуренция, поэтому они уделяют много времени своему образованию и получению возможностей для карьерного роста.

5. В передовых секторах экономики азиатских стран делается ставка на привлечение прямых зарубежных инвестиций для активного развития собственной экономики [6, с. 11].

Проанализировав данные экономические факторы можно сказать, что для азиатских компаний важным аспектом является сотрудничество с иностранными представителями для развития собственного бизнеса и повышения влияния, но при этом они неохотно позволяют «внешним» партнерам влиять на свою хозяйственную деятельность, что показывает их некую закрытость и соблюдение дистанции с другими компаниями.

При проведении параллели с предприятиями России очевидно различие в целях сотрудничества. Русские компании придерживаются более открытого типа сотрудничества и предпочитают увеличивать прибыль в одной или нескольких выбранных отраслях. Важным фактором также является большая роль государства в экономике, так как многие предприятия находятся под контролем государства. Поэтому сотрудничество с зарубежными предприятиями выполняет две главные цели: удовлетворение государственных интересов и модернизация прибыли. В случае с азиатскими странами, их главная цель – стабильность и усиление влияния крупных конгломератов. Так, очевидное различие приоритетов накладывает определенные трудности для кросс-культурных коммуникаций, потому для взаимовыгодного сотрудничества необходимо учитывать данные особенности.

Россия в настоящий период времени активно развивает партнерские отношения с азиатским регионом, что в сложившейся ситуации в мировой экономике достаточно выгодно. Страны Востока активно развивают свою хозяйственную деятельность, что уже позволило им выйти в лидирующие позиции по многим направлениям. С другой стороны санкционная политика западных стран по отношению к России налагает ограничения для экономики. Данные два фактора способствуют активной переориентации России на азиатский рынок, что означает необходимость уделять большое внимание кросс-культурному аспекту для достижения обеими сторонами своих целей.

Культура Востока в корне отличается от российских и западноевропейских стандартов. Это отражается и во взаимоотношениях представительств государств между собой. Возрастает важность и значимость изучения особенностей культуры производства, ведения бизнеса и моделей поведения, характерных для азиатов. Своеобразие кросс-культурной психологии должны детально фиксироваться и просчитываться переговорщиками, так как они напрямую влияют на технологию и результат внешнеторговой сделки [2].

Ричард Льюс, британский ученый, руководитель Центра по изучению кросс-культурного взаимодействия, в концепции о деловых культурах и международном бизнесе выделяет следующие типы кросс-культурной психологии: моноактивная, полиактивная и реактивная. Последний – характерен для стран азиатского региона.

Народностям и нациям реактивного типа присущи вежливость и уважение. Их бизнес-поведение отличается неторопливостью и рассудительностью. Они предпочитают не спеша обсудить и оценить предложение, с осторожностью подходят к заключениям новых сделок. Отмечается также их длительный и всесторонний анализ любой торгово-экономической информации (любой, даже самый незначительный нюанс, может изменить важность рассматриваемой темы). Рассмотрим некоторые особенности азиатской культуры деловых бизнес-коммуникаций на примере Китая [5, с. 117].

Китай – эпицентр мирового бизнеса, но их недоверие к иностранцам требует от потенциальных внешних партнеров полное погружение в китайскую деловую культуру. Существует высказывание: «В Китае возможно все, но ничего не достанется Вам даром». Даже отличный и работающий проект может быть отклонен восточными соседями, если не освоить все тонкости их сложной системы взаимоотношений [3].

При посещении Китая внешнеторговому представителю необходимо руководствоваться следующими принципами:

- важность иерархии, формальности, статуса и уважение (молодые бизнесмены должны проявлять уважение к своим старшим коллегам и партнерам);

- в первую очередь – взаимоотношения, а уже потом контракт (принцип «гуанси» или установления связей. Поскольку китайские компании неохотно вступают в переговоры с незнакомыми людьми, необходимо заведомо установить контакт с интересующим лицом на официальной торговой миссии или через посредника);

- уход от экспрессивности и эмоциональности, внимательность к говорящему (шутки в начале презентации, невнимательность к выступающему китайцы считают несерьезным подходом к заключению сделки. Необходимо проявлять терпение и внимательно выслушать оратора);

- обмен подарками (соответствующий подарок, переданный двумя руками, способствует установлению гуанси);

- постоянный контакт (необходимо оставаться в постоянном контакте с китайскими партнерами для прочности деловых взаимоотношений) [1, с. 134].

Соблюдение данных принципов способствует достижению крепкого и доброжелательного сотрудничества со странами Азии.

Таким образом, кросс-культурный аспект внешнеэкономической деятельности в рамках глобальной системы взаимосвязей становится базисом для формирования новых партнерских отношений с внешним миром. Соблюдение определенного формата переговоров способствует укреплению имеющихся связей и успеху в запуске новых совместных проектов с иностранными коллегами.

Азиатская экономическая культура обладает специфическими и нетипичными для европейцев чертами. Достижение бизнесменами желаемого результата на азиатском рынке требует от них максимального изучения восточной этики. Правильный выдержанный диалог на уровне межличностных культурных коммуникаций служит катализатором межнациональной интеграции в ВЭД.

Литература

1. Гестеланд Ричард Р. Кросс-культурное поведение в бизнесе. – Днепропетровск, ООО «Баланс-Клуб», 2003. – 287 с.

2. Деловая культура Китая: почему вам придется играть по их правилам / RB. – URL: <https://rb.ru/opinion/delovaya-kultura-kitaya/> (дата обращения: 02.03.2021).

3. Деловой этикет в странах Азии / Selfmadetrip. – URL: <https://selfmadetrip.com/delovoy-etiket-v-stranah-azii/> (дата обращения: 03.03.2021).

4. Рожкова Л.В., Дубина А.Ш., Голубев И.А. Социокультурные особенности социального потенциала молодежи // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 3 (68). С. 88–99.

5. Севастьянова К.Д. Кросс-культурные проблемы в международном бизнесе. Грамота. – 2012. – № 12. – С. 116–118.

6. Целищев И.С. Восточная Азия: новая волна роста и структурная трансформация. – М: ИМЭМО РАН, 2012. – 118 с.

Зенин Константин Анатольевич,
докторант Невинномысского государственного
гуманитарно-технического института,
кандидат социологических наук, доцент

Сыпачев Сергей Владимирович,
начальник управления процессуального контроля
ГВСУ СК России,
кандидат социологических наук, доцент

Ишунин Владимир Андреевич,
соискатель ученой степени кандидата социологических наук

Тищенко Александр Викторович,
соискатель ученой степени кандидата социологических наук

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Конец двадцатого столетия ознаменовался возникновением и развитием большого количества разнообразных социальных процессов, во многом повлиявшими на становление современного мирового сообщества и трансформировавшими практически все сферы общественной жизни. Говоря «социальными», мы имеем ввиду не только процессы, затрагивающие социальную сторону жизни человека, но и тесно связанные с ней политику, экономику, культуру. С нашей точки зрения, любой процесс, в котором так или иначе участвует человек/общество/государство можно назвать социальным, так как его сущность состоит в интересах и потребностях человека, осуществляется он непосредственно силами индивида или социальной группы, а также влияет на дальнейшие возможные преобразования. Таким образом, мы можем назвать социальным и процесс выдвижения партии на выборах, и организацию общества меценатов, и экономический кризис в каком-либо секторе экономики.

Для конца XX века характерно развитием глобализационных процессов, которые тогда только набирали свой темп. Однако мы не можем говорить о том, что глобализация достигла своего зенита в настоящее время, но сам термин и сопутствующие ему процессы прочно вошли в повседневный обиход как деятеля науки, так и политика, экономиста, журналиста и т. д. Глобализация – процесс, характерный для всех сторон жизни общества. В каждой из его сфер мы можем наблюдать как положительные, так и отрицательные стороны

глобальных преобразований. В первую очередь, глобализация свидетельствует о сближении однородных сторон жизни стран мира. Следовательно, данный процесс требует не только реформации существующих социальных институтов, обслуживающих потребности общества, но и зачастую приводит к коренным преобразованиям в их структуре. Так или иначе глобализация приводит к образованию мирового сообщества и развитию международных правоотношений.

До появления СМИ как информационного агента его роль играло межличностное общение. С течением времени и развитием технических средств печатная пресса во многом заменила и усовершенствовала его. Его несомненным достоинством стала передача посредством гибкой вербальной знаковой системы событий из жизни общества. Далее развитие СМИ по пути технического прогресса привело к тому, что радиовещание сообщало события непосредственно в момент их совершения, что только усилило значение СМИ в жизни индивида. На современном этапе человек из слушателя превратился в зрителя и, благодаря телевидению и телевизионным СМИ, непосредственным очевидцем событий.

В связи с развитием глобализации и связанными с ней трансформациями сфер общественной жизни, в информационном процессе возникла необходимость освещения происходящих на мировом уровне событий экономической, политической, социальной и культурной областей, а также возрос интерес мирового сообщества к внутренним событиям государств, к принятым решениям влиятельных политиков. Ведь в взаимосвязанном глобализационном процессе, где каждая страна является неотъемлемым участником, ее внутренние дела становятся достоянием общественности по различным причинам, в том числе, опасением за собственную безопасность и спокойствие, если идет речь о негативных явлениях и событиях. Таким образом, в мировом обществе возросла роль средств массовой информации как инструмента распространения актуальных сведений. В связи с этим получило развитие международное право в области регулирования информационных процессов и СМИ как их основного агента. Основная их функция в данной случае – формирование у людей единого понимания мировых событий и их влияния на социальные процессы. Однако мы понимаем, что СМИ нельзя назвать объективным источником информации, как бы не настаивали на этом его учредители.

Производство информационного телевидения очевидно является наиболее затратным из всех разновидностей журналистики и телепроизводства как с точки зрения человеческих затрат, так и с материальной стороны. Большой штат сотрудников, транспортные, коммуникационные расходы, сжатые сроки производства, высокий уровень нагрузки, стрессовые ситуации, опасность для жизни и здоровья журналистов, необходимость перелетов и постоянный поиск актуальной

информации вынуждает владельцев средств информационного телевидения быть в зависимости от социальных настроений и так называемых «социальных заказов». Не секрет, что за информационным телепроизводством, принимая во внимание его очевидные достоинства как агента СМИ, описанные выше, зачастую стоит финансовая поддержка какой-либо влиятельной и финансово обеспеченной организацией. Как показывает практика, к сожалению, процент независимых массмедиа ничтожно мал.

До возрастания в современном обществе значения мирового информационного потока, применительно для нашего государства, мы можем с уверенностью говорить о том, что СМИ являлись инструментом воздействия на общество со стороны органов власти. СМИ использовались как инструмент пропаганды партийной идеологии, формировали в сознании населения определенную картину восприятия как внутренних, так и мировых событий.

С коренным изменением государственного строя России изменилось и правовое регулирование СМИ, выразившееся, в первую очередь, в возникновении большого числа СМИ, финансируемые частными лицами или организациями. Еще одним ярким проявлением стало установление свободы слова, гласности и свободы мнения как гарантируемые новыми политическими органами власти принципами осуществления СМИ своей деятельности и, следовательно, подачи информации. Таким образом, мы можем констатировать, что одно и то же событие в руках представителей различных СМИ может подаваться аудитории различными способами, иногда и противоположными.

Примерно такая же ситуация складывается и в мировом информационном потоке. Объем происходящих информативных событий возрастает с каждым днем. СМИ превратились не просто в средство их распространения, но и инструменту политического воздействия, которое может осуществляться посредством использования возможностей СМИ.

Например, влиятельный политик способен привлечь на свою сторону популярные газеты и телеканалы, чтобы с их помощью транслировать свое мнение по тем или иным событиям, уже произошедшими или прогнозируемыми. В средствах массовой информации, рассчитанными на мировую аудиторию, исчезло деление на внутригосударственные события, внешнегосударственные и мировые. Если обратится к любому мировому эфиру, мы увидим, что новости подаются в зависимости от степени их важности для общества или в контексте заинтересованности в них наибольшего числа зрителей/читателей/слушателей, а не ранжируются по областям, к которым они относятся.

Данный факт имеет непосредственное отношение как к геополитическим процессам, так и к сфере правового регулирования СМИ. Информация в условиях глобализации трансформировалась в деятельность

субъектов международного права, которые ведут ее в соответствии с согласованием правительственных интересов, делением сфер влияния, решения международных проблем обеспечения безопасности и поддержанию мира, а также стремлением урегулировать глобальные конфликты и проблемы. В целом международное право направлено на создание единого, благоприятного и, самое важное, справедливого мирового порядка и сосуществования людей различных менталитетов в условиях нормального сожительства.

Обратимся к примерам взаимодействия СМИ, мирового сообщества и органов власти различных государств. Например, конфликт вокруг Южной Осетии стал главной темой мировых новостей в августе 2008 г., «отодвинув» на второе место даже Олимпийские игры в Пекине, сообщила исследовательская группа Excellence in Journalism, базирующаяся в Вашингтоне и отслеживающая новостные потоки. По данным исследования, приведенным РИА «Новости», за неделю, с 11 по 17 августа, 26% времени в объеме всего эфира крупнейших мировых СМИ были посвящены конфликту¹.

Но именно в этот момент СМИ ощутило, что такое влияние власти. В данном конкретном случае СМИ не смогли оказать содействие политической элите в принятии решения. В разгар антироссийской пропагандистской кампании на Западе 21–24 августа 2008 г., касающейся позиции России в вопросе Южной Осетии, Москву посетил с рабочим визитом король Иордании Абдалла II, который косвенным образом поддержал позицию РФ, заявив, что «в политической, экономической и военной сферах сотрудничество между нашими странами развивается успешно, как никогда»². Если в целом проанализировать высказывания государственных и политических деятелей, а также публикации СМИ стран Арабского Востока в отношении действий России в связи с грузинской агрессией, то их можно определить как нейтрально-выжидательные с некоторой оглядкой на позицию США и ЕС.

Наибольшее внимание к конфликту на Кавказе арабская пресса проявляла в самом его начале и в пик обострения отношений РФ с США. В своем исследовании Б.Долгов указывает: «Это касается практически всех наиболее крупных и влиятельных информационных агентств – MENA (Египет), MENA-REUTER (Египет), SPA (Саудовская Аравия), APS (Алжир), а также наиболее известных в арабском мире изданий, таких как "Аль-Ахрам" (Египет) и "Аль-Муджахид" (Алжир). При внешней нейтральности, характеризовавшейся цитированием в равной степени заявлений Д. Медведева (Президента России), М. Саакашвили (Президента

¹ Освещение конфликта в Южной Осетии заняло четверть эфира мировых СМИ // Фонтанка.ру. URL: <http://www.fontanka.ru/2008/08/26/008>.

² Российская газета. 25 августа 2008 г. № 4735.

Грузии), руководителей США (Президента Д. Буша) и стран ЕС, в описаниях событий нередко можно было заметить симпатию к действиям РФ. Так, египетская "Аль-Ахрам" писала со ссылкой на интервью российского адмирала в отставке Балтина, что "российский Черноморский флот может за 20 минут уничтожить корабли НАТО, прибывшие к берегам Грузии". В этой же газете отмечалось, что "в своих заявлениях М. Саакашвили переходит границы и заходит слишком далеко в обвинениях против России". В алжирской прессе цитировалось заявление Д. Медведева о том, что "признание РФ независимости Абхазии и Южной Осетии было единственным способом спасти существование этих народов". Таким образом, можно отметить достаточно взвешенную и объективную позицию Арабского Востока по сравнению с позицией Запада, хотя сходство с последней, безусловно, ощущалось в повторении принципа "соблюдать территориальную целостность Грузии" и сетовании на "нежелание России выводить свои войска с грузинской территории"¹.

Информационное телевидение проходит в своем развитии стадию глобализации. Данный процесс можно назвать объективным в связи с его взаимным влиянием на революцию в технических средствах, которая началась после завершения противостояния между капиталистическими и коммунистическими строями. Благодаря этому стало возможно создание международных каналов телевидения и даже организация независимых международных редакций.

Средства массовой информации, как на международном, так и на внутригосударственном уровне подвергаются влиянию определенных инструментов управления органами государственной власти на аналогичных уровнях. В случае, когда государство в своей доктрине устанавливает демократический режим власти, СМИ должны в своей деятельности устанавливать следующие критерии для информации:

- 1) объективности;
- 2) истинность;
- 3) полнота.

В большинстве своем, данные критерии являются не только философскими, но и имеют утопический характер. При этом успешное существование демократии в условиях конкретного общества гарантируется при справедливом и полном распределении в нем разных точек зрения и соперничающих мнений при равном к ним уважении и поддержке. Аналогичные принципы мы можем отнести к распространению информации. Таким образом, в демократическом режиме, в отличие от авторитарного и тоталитарного, необходимо существование СМИ различной сущности, как государственных, так и

¹ Освещение конфликта в Южной Осетии заняло четверть эфира мировых СМИ // Фонтанка.ру. URL: <http://www.fontanka.ru/2008/08/26/008>.

частных, которые бы осуществляли равную возможность доступа населения, правящей элиты и оппозиции к информационным ресурсам. В области геополитики данное утверждение также является справедливым с естественным различием в масштабах.

В естественных условиях существования современного общества, СМИ как на государственном, так и на международном уровне испытывает на себе следующие ограничения своей деятельности со стороны органов власти и политической деятельности государств:

- прямая правительственная цензура или вмешательство;
- не прямые факты цензуры, давление или атаки на представителей прессы с целью помешать им выполнять свои законные обязанности по освещению событий;
- неспособность властей обеспечить журналистам и издателям необходимую защиту от давления со стороны политических экстремистов, цензура внутри самих средств массовой информации.

Таким образом, мы установили, что, несмотря на выход СМИ на сегодняшний день на мировой уровень осуществления своей деятельности, они продолжают испытывать на себе влияние органов власти как своего государства, так и политических решений зарубежных коллег, а также установленных норм международного права.

Литература

1. Никонов С. Б. Глобализация и СМИ. – СПб., 2006.
2. Российская газета. 25 августа 2008 г. № 4735.
3. Освещение конфликта в Южной Осетии заняло четверть эфира мировых СМИ // Фонтанка.ру. URL: <http://www.fontanka.ru/2008/08/26/008>

Ильницкий Александр Сергеевич,
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

**КРИМИНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ И СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИДЕОЛОГИИ «КОЛУМБАЙН»)**

Влияние криминальной идеологии в сети Интернет на индивидуальное и групповое сознание и поведение людей представляет серьезную опасность для общества, поскольку она оказывает негативное воздействие на психику пользователей, разрушает их нормальное духовно-нравственное развитие, прививает им искаженные ценности, навязывает преступные модели поведения и подталкивает к совершению общественно опасных деяний. Это свидетельствует о высокой государственной и общественной значимости противодействия криминальной идеологии в сети Интернет, что возможно лишь при выработке качественных теоретических положений, определении понятия, ее характерных признаков, основных форм проявления в виртуальном пространстве для последующего формирования мер противодействия и их внедрения в антикриминальную практику.

Под криминальной идеологией в сети Интернет предлагается понимать совокупность идей и представлений, транслируемых в интернет-пространстве и оказывающих криминогенное воздействие на формирование ценностных ориентиров и мировоззренческих установок пользователей.

Основная цель криминальной идеологии в онлайн-пространстве – это осуществление криминогенного воздействия, направленного на формирование преступных идей, мнений, мотивов, жизненных установок и их воплощение в преступную деятельность.

Механизм реализации криминальной идеологии в сети Интернет основывается не только на полученных лицом или группой лиц криминальных понятиях и представлениях посредством воздействия интернет-контента (содержания), но и на основании сформированных в результате иных средств воздействия криминальной онлайн-идеологии ценностях и мировоззренческих ориентирах. На основе полученных знаний и ценностей формируются убеждения, представляющие веру человека в правильность своих преступных идей. Убеждения активизируют субъект на реализацию своих активных действий. Определяющим элементом выступает волевой компонент – способность и готовность воплотить акт преступного поведения на практике.

Важнейшей составляющей криминальной идеологии в сети Интернет выступают методы и средства воздействия, бóльшая часть из которых, непрерывно развиваясь и совершенствуясь превратилась в сложные технологии информационно-психологического давления¹. Основными средствами воздействия выступает информация (контент) в форме аудио-, визуально-, аудиовизуальных и иных материалов.

Криминальная идеология в сети Интернет, будучи системным явлением, имеет свои формы проявления, которые были определены в предыдущих работах². Для наглядности содержания отдельных форм проявления криминальной идеологии онлайн-пространства и используемых средств воздействия на сознание и поведение граждан рассмотрим их на примере идеологии «Колумбайн».

Идеология «Колумбайн» сформировалась после трагических событий в штате Колорадо в старшей школе «Колумбайн», где двое учеников Эрик Харис и Дилан Клиболд организовали нападение на образовательное учреждение, в ходе которого погибло 12 учеников и 1 учитель³.

Центральной темой идеологии «Колумбайн» выступает идея о никчемности человеческой расы, задушенной обществом, работой и школой, как институтами истощения людской природы. Последняя, в свою очередь, играет особую роль – укрощения человека, в связи с чем, учащиеся, не понимающие подобных механизмов, достойны смерти.

Концептуальные идеи рассматриваемого феномена нашли свое отражение в личном дневнике одного из преступников, именуемого в кругах «колумбайнеров» как «Дневник Бога»⁴. Впоследствии они стали активно распространяться в информационно-телекоммуникационных ресурсах сети Интернет.

Основными средствами влияния идеологии «Колумбайн» в онлайн-пространстве являются мемы, фанфики, фан-арт и другая фото- видео информация, транслируемая в сети Интернет.

Термин «мем» был введен эволюционным биологом Ричардом Докинзом в 1976 году и подразумевает под собой идею, символ, манеру

¹ См.: Макаренко С.И. Информационное противоборство и радиоэлектронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. – СПб., 2017.

² См.: Ильницкий А.С. Криминальная идеология в сети Интернет: теоретические и социально-правовые предпосылки криминологического познания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 49–53.

³ См.: Культ «Колумбайна». Как два американских подростка задали моду на бойню в школах. URL: <https://life.ru/p/1079738> (дата обращения: 17.02.2021).

⁴ См.: Telegram-канал «Колумбайн – возрождение» URL: https://t.me/@school_shooting_columbine (дата обращения: 01.03.2021).

или образ действия, осознанно или неосознанно передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов¹.

В свою очередь, «интернет-мем» представляет собой медиаобъект, содержащий определенную идею, как правило, юморную или ироническую, имеющий определенную популярность и распространяемый посредством информационных ресурсов сети Интернет (социальные сети, блоги, мессенджеры и т. д.).

Распространяемые мемы, посвященные идеологии «Колумбайн» (рис. 1), способны изменять устоявшиеся убеждения и нормы в индивидуальном (групповом) сознании людей, оказывать влияние на формирование преступного поведения.

Рис. 1. Средство воздействия криминальной идеологии в сети Интернет – мем

Следующим средством воздействия криминальной идеологии в сети Интернет является фанфик, который можно определить как жаргонизм, обозначающий любительское сочинение по мотивам популярных оригинальных литературных и кинематографических произведений, комиксов, компьютерных игр и т. д. Авторами подобных сочинений, как правило, становятся поклонники оригинальных произведений². Фанфики, связанные с идеологией «Колумбайн» (рис. 2) несут в себе скрытое значение, направленное на героизацию акторов вооруженных нападений на образовательные учреждения, поддержку идейного течения и поощрение массовых убийств в образовательных организациях.

¹ См.: Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н.О. Фоминой. – М.: Мир, 1993. 318 с.

² См.: Черняк В.Д., Черняк М.А. Фанфик (фэнфик), Фанфикшн // Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. 2-е издание, стереотипное. М.: Флинта, 2015. С. 174–176.

Рис. 2. Средство воздействия криминальной идеологии в сети Интернет – фанфик

Фан-арт представляет собой разновидность творчества поклонников популярных произведений искусства, основанное на каком-либо оригинальном произведении, использующее его идеи сюжета и (или) персонажей. Фан-арт может представлять иллюстрацию, пародию, карикатуру, кроссовер, «переплетение» нескольких произведений и т. д.¹

Фан-арты, посвященные идеологии «Колумбайн» (рис. 3), как правило, героизируют акторов вооруженного нападения на образовательные учреждения, изображая их в качестве «праведников», отличных от части общества и поддерживающих рассматриваемое идеологическое течение, создавая новые тенденции его развития.

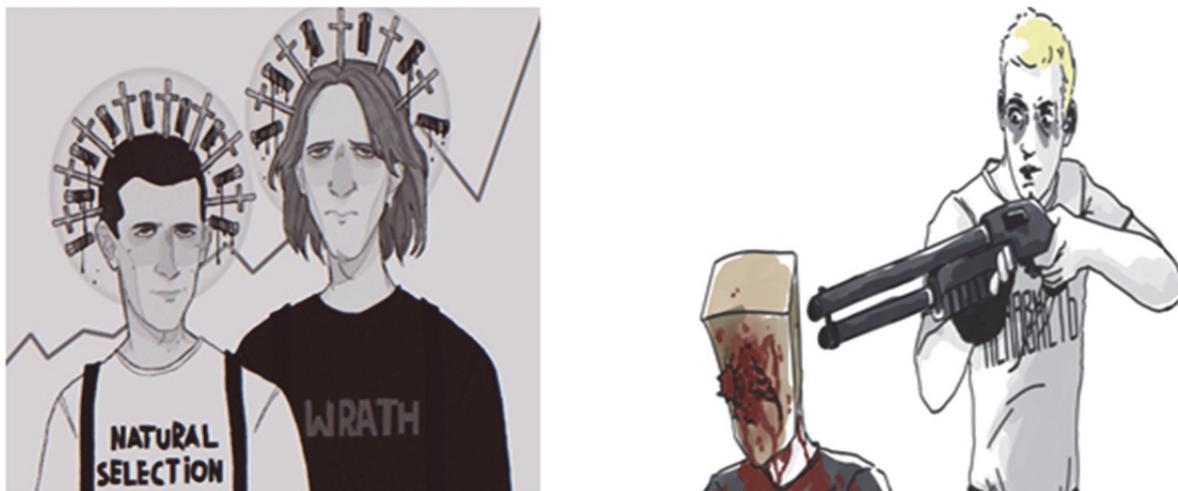

Рис. 3. Средство воздействия криминальной идеологии в сети Интернет – фан-арт

¹ См.: Материал из Википедии: Фан-арт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фан-арт> (дата обращения: 01.03.2021).

Возвращаясь к вопросу о содержании идеологии «Колумбайн», следует указать на то, что взаимосвязь идеи о никчемности человеческой души и необходимость протестов травле, социальной изоляции и общественных обрядов унижения сверстников, активно поощряет и, как следствие, детерминирует массовые убийства в образовательных организациях. «Мы собираемся начать революцию», – говорит Харрис, – революцию обездоленных, – «мы будем призраками, преследующими выживших, создавать воспоминания о том, что мы делаем»¹.

Впоследствии рассматриваемая форма проявления криминальной идеологии оказала огромное влияние на процессы детерминации массовых убийств в образовательных организациях по всему миру. Всестороннее освещение подробностей совершенного преступления в старшей школе «Колумбайн», активизировало массовую волну нападений в Канаде, Швеции, Боснии, Австралии, Аргентине, Германии, Финляндии, России.

Таким образом, феномен криминальной идеологии в сети Интернет сегодня позиционируется как новое явление, имеющее свою структуру и особенности. Среди последних важно выделить специфическую среду ее распространения, уникальные средства воздействия на сознание и поведение пользователей, а также способность к динамическому изменению тенденций ее развития и содержания. Отсюда формируется потребность в качественном получении научной информации о представленном феномене на стыке криминологических, философских, социологических и психологических отраслей научного знания.

Литература

1. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н.О. Фоминой. – М.: Мир, 1993. 318 с.

2. Ильницкий А.С. Криминальная идеология в сети Интернет: теоретические и социально-правовые предпосылки криминологического познания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 49–53.

3. Макаренко С.И. Информационное противоборство и радио-электронная борьба в сетевых войнах начала XXI века. – СПб., 2017.

4. Черняк В.Д., Черняк М.А. Массовая литература в понятиях и терминах: учебный словарь-справочник. 2-е издание, стереотипное. М.: Флинта, 2015. С. 174–176.

5. Культ «Колумбайна». Как два американских подростка задали моду на бойню в школах URL: <https://life.ru/p/1079738> (дата обращения: 01.03.2021).

¹ См.: Gibbs N., Roche T. Special report: The columbine tapes. Time. 1999. P. 40–51.

6. Telegram-канал «Колумбайн – возрождение» URL: https://t.me/@school_shooting_columbine (дата обращения: 01.03.2021).

7. Материал из Википедии: Фан-арт. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фан-арт> (дата обращения: 01.03.2021).

8. Gibbs N., Roche T. Special report: The columbine tapes. Time. 1999. P. 40–51.

Карабут Надежда Владимировна,
студент 3 курса
филологического факультета
Кубанского государственного университета

ОБРАЗЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРИХА МАРИИ РЕМАРКА И ЭРНСТА ЮНГЕРА

Без преувеличения можно сказать, что Первая мировая война была воспринята художественной интеллигенцией как катастрофа, как кризис человечества и человечности. Огромное количество жертв войны превратило человеческую смерть из трагедии в обезличенную тотальность, статистику, равнодушную к человеческой индивидуальности и человеческим ценностям, но при этом обладающей абсолютной властью над ними. Символом этой бездушной тотальности, убивающей не только людей, но и все человеческое в человеке, стала картина Каземира Малевича «Черный квадрат», которая была воспринята с одной стороны как апофеоз смерти, а с другой – как акт дегуманизации искусства, раскрытие иллюзорности эстетических ценностей как таковых и возвращение человека в первобытное состояние. Другими словами, «красота не спасла мир», она оказалась бессильна перед лицом смерти.

Апофеоз безличного начала, проявившегося в феномене массовости жертв войны, не мог не вызвать ответную реакцию со стороны искусства и философской мысли. Этим ответом стало обращение к темам человеческой индивидуальности, личности и ценности их существования. Во многом этот поворот к индивидуальности явился протестом против различных форм коллективистских философий, в том числе позитивизма, марксизма, поздней философии жизни, в которых социальная реальность рассматривалась в качестве силы, обуславливающей смысл и ценность существования отдельного человека. В наиболее яркой форме поворот к индивидуальности проявился в философии экзистенциализма, оставшийся, пожалуй, самым ярким явлением интеллектуальной жизни 20–40-х годов XX века, оказавшим сильное влияние на искусство в целом и на литературу в частности.

Говоря о философии экзистенциализма, необходимо подчеркнуть, что она, несмотря на свой протестный характер, осталась в рамках модернистской парадигмы европейской культуры XIX–XX веков. Одной из характерных черт философии модернизма является отрицание трансцендентного плана бытия, к которому относится как сверхъестественная, так и идеальная предметность. Существование идеального в большинстве направлений философии модернизма допускается при условии его помещения в человеческое бытие. Экзистенциализм как философия модернизма в его атеистической версии предполагает понимание мира в целом как безличностного начала, как «Оно». Но, в противоположность различным направлениям теории авангарда, экзистенциализм не сводил человека к комбинации различных первоэлементов, то есть к безличностному началу (не видел в «Я» «Оно»). Человеческая индивидуальность рассматривалась как неделимое начало. При этом в оппозиции «Я» - «Оно» для экзистенциализма «Я» обладало безусловным авторитетом. Важнейшей особенностью понимания «Я» в философии экзистенциализма явился отказ от его сведения к идеальному всеобщему и необходимому «Я», то есть к трансцендентальному сознанию. Для данного направления философии модернизма «Я» – это только человеческое и принципиально множественное «Я». Переживание индивидуальным «Я» другого «Я» и «Оно» социально-природного мира оформилось в понятие экзистенциала, сформулированного основоположником экзистенциальной философии Мартином Хайдеггером. Для него экзистенциалы – это фундаментальные характеристики человеческого способа существования, переживаемые каждой человеческой индивидуальностью вне зависимости от мировоззренческих установок национальности, уровня образования и т. д. Это то, что чувствует каждый человек, живя в мире. В качестве важнейших экзистенциалов Хайдеггер называет «заброшенность», «заботу», «понимание», «страх», «ужас». Само человеческое существование разворачивается между двумя крайними полюсами – дасманом и подлинной экзистенцией, то есть между коллективистским и индивидуальным полюсами человеческого сознания. При этом человек никогда не может полностью слиться ни с одним из них, являясь индивидуальным и коллективным началом одновременно.

Данная концептуальная схема окрашена у Хайдеггера в яркие эмоциональные тона, которые получили дальнейшее развитие в философском литературном творчестве Жана Поля Сартра и Альбера Камю. Литературными манифестами экзистенциальной философии стали романы данных писателей: «Тошнота» (1938 г.) и «Посторонний» (1942 г.), в которых рисуются образы человека, живущего в принципиально бессмысленном мире и потерявшего связь с другими индивидами. Абсолютизация человеческой индивидуальности, характерная для философии экзистенциализма в целом привела к постановке проблемы

социальной коммуникации как средства преодоления изолированности индивидуального человеческого сознания. Данная проблема нашла свое решение в творчестве писателей, не имевших прямого отношения к философии экзистенциализма, но испытавших на себе его воздействие: Эриха Марии Ремарка и Эрнста Юнгера.

Судьбы и творчество обоих писателей имеют зеркальный характер. Так, Ремарк имел склонность к левым политическим взглядам, Юнгер был одним из идеологов правой по своему характеру (консервативной) революции. Основным жанром Ремарка являлся роман, Юнгера – эссе. Ремарк был убежденным пацифистом, Юнгер, не являясь милитаристом, создает культ войны. Красной нитью через творчество Ремарка проходит идея значимости для человека морали и гуманизма, а для Юнгера особым смыслом обладает эстетизм и индивидуализм. Отношение Ремарка к нацистскому режиму было резко отрицательным, что выразилось в его эмиграции из Германии, тогда как Юнгер, несмотря на восхищение Гитлера его творчеством, во время войны служил в Вермахте, но реализовывал при этом социально-политическую стратегию «внутренней» эмиграции.

Несмотря на диаметрально противоположность взглядов и различие литературного творчества, между Ремарком и Юнгером можно обнаружить целый ряд общих черт: оба были участниками войны, были тяжело ранены, литературная слава обоих началась с произведений, посвященных военной тематике. У Ремарка это был роман «На западном фронте без перемен», у Эрнста Юнгера – мемуары «В стальных грозах». Знание творчества обоих писателей стало неотъемлемой частью правого и левого немецкого политического мировоззрения соответственно. И, наконец, для творчества обоих характерно стремление к преодолению экзистенциального кризиса так называемого «потерянного поколения».

Одной из форм преодоления этого кризиса явилась тема дружбы в произведениях обоих писателей. При этом для Ремарка дружба является одной из центральных тем творчества, по своей значимости, превосходящей даже любовь. Дружба в творчестве Эрнста Юнгера носит ярко выраженный дистанционный аристократический характер и нуждается в реконструкции. Несмотря на такое разное отношение к теме дружбы, данное понятие играет в творческой судьбе обоих существенную роль. Но, прежде чем анализировать образ дружбы в произведениях рассматриваемых немецких писателей, необходимо установить специфику понимания данной категории в философии экзистенциализма.

Как уже говорилось выше, понятие дружбы следует рассматривать в контексте проблемы коммуникации, актуальной для философии экзистенциализма. Погруженный во внутренние переживания индивид, рассматривающий внешний мир и другое «Я» как нечто чуждое, нуждается в установлении связи с внешним социально-природным миром.

Необходимость установления такой связи обусловлена изначальной встроенностью индивидуальности в структуру бытия. Так, Хайдеггер принципиально избегает говорить о понятии «сознание», заменяя его понятием «Dasein» («Дазайн»), под которым понимает человеческий способ существования, заключающий в себя как объективный, так и субъективный полюс, как социальность, так и индивидуальность. Однако превращение индивидуального сознания в своеобразный абсолютизм не снимает проблемы установления связи с другими индивидуальностями. В рамках близкой к экзистенциализму феноменологической философии эта проблема решалась путем конструирования одного сознания в другом сознании. И на первый взгляд данная достаточно надуманная и сложная процедура оказалось достаточно плодотворной как в социальном, так и в художественном отношении.

Ее своеобразной литературной иллюстрацией является роман Ремарка «Возвращение», в котором описываются сложности адаптации ветеранов Первой мировой войны в «мирную» послевоенную жизнь Веймарской республики. При этом одним из средств решения данной проблемы герои романа видят в возвращении в армию под влиянием идеала «фронтowego товарищества». Большое место в романе занимает описание попыток героев понять мотивы и логику поведения других людей, причем в большинстве случаев их попытки наладить контакт с другими «Я» терпят неудачу.

Данная коммуникативная проблема является главной темой и для социологического эссе Альфреда Щюца «Возвращающийся домой», в котором разрабатывается методика адаптации участников войны к мирным условиям существования. При этом Щюц рисует картину сознания родителей, ждущих своих детей с фронта, и картину сознания молодых ветеранов войны, а также разрабатывает методику совмещения обоих сознаний.

В экзистенциализме проблема коммуникации получает несколько иное звучание, нежели в феноменологии. Отсутствие замкнутого «Я», имеющего место в трансцендентальной феноменологии Эдмунда Гуссерля, привело к тому, что проблема преодоления изолированности индивидуального «Я» заменяется проблемой единства экзистенциального опыта. Другими словами, для того, чтобы два индивида друг друга поняли, они должны иметь общий опыт переживания какой-либо ситуации. Именно наличие этого опыта открывает экзистенциал понимания, лежащий в основании дружеских отношений.

В творчестве Ремарка и Юнгера роль такого общего экзистенциального опыта играет опыт войны, служащий основой как для взаимопонимания героев, так и для поддержания ими дружеских отношений. Но одного лишь единства экзистенциального опыта недостаточно для установления дружеских отношений. Наиболее

показательно в этом отношении творчество Ремарка, иллюстрирующее, что далеко не все сослуживцы устанавливают между собой дружеские отношения. Наоборот, негативное наблюдение за сослуживцем в экстремальных условиях приводит к формированию стойкого негативного отношения к нему. Поэтому подлинным основанием дружбы служит единство ценностных ориентиров литературных героев Ремарка. Ценностный мир его героев, прошедших войну, имеет специфический характер и раскрывается экзистенциальным понятием «пограничной ситуации», под которой в экзистенциалистской традиции понимают опыт переживания состояния жизни и смерти.

Обычно пограничную ситуацию иллюстрируют творчеством М.Ф. Достоевского, которого очень ценили философы и писатели-экзистенциалисты. Но более подходящим автором, раскрывающим данное явление, представляется все тот же Мартин Хайдеггер, у которого понятию «пограничной ситуации» соответствует экзистенциал «ужас» – беспредметный страх, показывающий бессмысленность всего существующего и отбрасывающий человека к самому себе. Если человек выживает после опыта переживания «ужаса» и ничтожества человеческого бытия, то он обретает свой неповторимый способ существования, тот образ жизни, ради которого он готов умереть.

Выбранный им способ существования может быть ориентирован как к Дасману, так и к подлинной экзистенции. Ориентация на один из полюсов человеческого способа существования предоставляет интересную возможность для сравнения образов дружбы в творчестве Ремарка и Юнгера.

Представляется возможным считать образ дружбы, создаваемый Ремарком, дасмановским, поскольку он сопряжен с созданием определенной общности людей, единства в их поведении, мышлении, стремлении опереться друг на друга.

В противоположность этому творчество Юнгера ориентировано на создание образа дружбы, связанного с ориентацией на индивидуалистический полюс Дазайна – подлинную экзистенцию. Этот образ дружбы можно назвать аристократическим в сценах дружеских отношений, рисуемых в произведениях Эрнста Юнгера «В стальных грезах», «На мраморных утесах». Дружеские отношения здесь всегда еле заметны, носят подчеркнуто дистанционный характер. Эта дружба аристократов, которые не склонны к сентиментальному выражению своих чувств, но внутренне признающих ценность друг друга.

В свою очередь признание ценности вытекает из идеи верности идеалу. Эти идеалы могут быть различными, но степень воплощения их в повседневной жизни человека должна быть совершенной. Другими словами, другом для Юнгера может быть не только тот, кто имел общий с тобою экзистенциальный опыт и не только тот, кто нашел собственный

путь в жизни, но только тот, кто постоянно следует по пути самосовершенствования.

Вместе с тем, возвышенность образа дружбы, создаваемого Юнгером, – существенный недостаток. Эстетизм дружбы его героев носит холодный характер. В их отношениях ощущается нехватка сочувствия, и, напротив, дружба героев Ремарка, неотрывными чертами которой является юмор, комичность и приземленность жизненных ситуаций, в которых она разворачивается, обладает ярко выраженным моральным характером, и поэтому часто вызывает у читателя большую симпатию, нежели аристократическая дружба героев Юнгера.

Приведенный выше анализ образа дружбы в произведениях Э.М. Ремарка и Э. Юнгера во многом является проекционным, что с одной стороны может вызывать некоторое несоответствие между схемой анализа их творчества и предоставляемым ими литературным материалом, но с другой – позволяет рассмотреть их произведения в контексте духовной ситуации их исторической эпохи.

Литература

1. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2015.
2. Камю А. Посторонний. М., 2003.
3. Камю А. Миф о Сизифе. М., 2011.
4. Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. Рига, 1929. Источник: <http://www.em-remarque.ru/library/aforizmy-remarka23.html>
5. Ремарк Э.М. Возвращение // Собр. соч.: В 8 т. М., 1997. – Т. 1. – С. 187–398. URL: <http://www.em-remarque.ru/library/aforizmy-remarka23.html>
6. Сартр Ж.-П. Тошнота: Избранные произведения. М., 2001.
7. Философия экзистенциализма: Философия существования / Отто Фридрих Больнов. СПб., 1999.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002.
9. Шюц А. Возвращающийся домой // Мир, светящийся смыслом. М., 2004.
10. Юнгер Э. В стальных грозах. СПб., 2000.
11. Юнгер Э. На мраморных утесах. М., 2009.

Карамышева Дарья Александровна,
курсант 3 курса
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

УСТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ МИРА В ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

С объективно-идеалистической метафизикой Платона тесно связана реалистическая метафизика Аристотеля, обосновавшей переход теоретического мышления от содержания идеальных объектов к познанию чувственно-наглядных процессов и явлений. Если Платон был убежден, что достоверное знание можно получить только о неподвижном и неизменном бытии (таковы у Платона идеи и числа), то Аристотель утверждал, что и относительно вещей изменчивых и движущихся тоже может быть создана наука, и притом вполне достоверная – таковой он считал физику. Вместе с тем, этот переход ни коим образом не означал возврата к простому собиранию фактического материала или к натурфилософским умозрениям.

Объективность этого метода могла быть обеспечена только признанием чувственных вещей в качестве обладающих подлинным, а не иллюзорным бытием.

Поэтому исходным пунктом новой объединяющей установки сознания стала разработка теории новой теории предметности, неразрывно связанной с критикой платоновской концепцией идей. Рассмотрим основные возражения Аристотеля, направленной против концепции идей и выявляющие главные онтологические условия осуществления научного объяснения реальности. Первое возражение связано с тем, что учение об идеях не выполняет поставленной им же самой задачи: облегчить процесс познания путем сокращения множества предметов в обозримое число классов. Вместо этого произошло неправомерное увеличение числа сущностей. Так, в силу наличия чего-либо общего между двумя предметами, их следует признать причастными к чему-либо третьему, а именно к идее. В свою очередь, наличие общего между двумя идеями требует введения еще одной идеи и так до бесконечности.

Таким образом, концепция идей не облегчает, а напротив, затрудняет объяснение вещей. Отсюда Аристотель делает вывод, что одним из

важнейших моментов объяснения вещей является требование исходить из них самих, а не искать причину их возникновения в чем-то другом. Признание вещей в качестве самоценного и самодостаточного предмета познания привело Аристотеля к необходимости введения понятия сущности. Второе возражение Аристотеля имеет своей целью недопущение гипостизации понятий. Так, сторонники существования идей полагают, что идеи имеют место быть, поскольку мышление обладает знанием об общем. Но в этом случае любому содержанию сознания будет соответствовать определенная форма бытия. По мнению Аристотеля, последовательная реализация данного принципа приводит к парадоксу: если в нашем мышлении существуют понятия о зле, небытии или о мусоре, грязи, то должны существовать и соответствующие им идеи. Но такого рода идеи отрицают основные характеристики идеального бытия – полноту существования, совершенство и благость. Отрицая возможность рассмотрения гипостизированных понятий в качестве подлинного предмета научного познания, Аристотель тем самым подчеркивает, что объяснение осуществляется только при четком разграничении вещей и мыслей. При этом данность в мышлении еще не означает данности в реальности. Тем самым мышление занимает по отношению к вещам подчиненное положение и потому знание всегда должно проходить проверку опытом.

Отсюда следует, что объяснение представляет собой раскрытие причинно-следственных отношений, существующих в реальном мире. С этим во многом связан эмпирический характер аристотелевской теории понятия, согласно которой образ вещи запечатлевается в сознании подобно оттиску перстня на воске. Третье возражение против концепции идей направлено на опровержения платоновского учения о причастности вещей идеям. Согласно Аристотелю, наличие общих моментов между единичными вещами еще не означает существования идеального образца, к которому они причастны. Такой образец, если он действительно существует, должен быть реальным объектом, но поскольку органы чувств доказывают его отсутствие, то и причастность – это отношение не между реальными объектами, но между вещами и мышлением. Отказ от понятия «причастность» имеет для отстаиваемого Аристотелем эмпирического объяснения принципиальное значение. Исходным условием научного отношения к действительности служит наличие предметов, не нуждающихся для своего определения в чем-то другом. Такими самодостаточными предметами Аристотель признает единичные вещи, тогда как идеи, по его мнению, не имеют опоры в самих себя и постоянно «сказываются о чем-то другом», т. е. о вещах. Но если идеи – это не реальные вещи, а отношения между вещами или их свойства, то они не могут выступать в качестве реального начала, объясняющего мир. Поэтому понятие «причастность», используемое осмысляющей установкой

сознания, относится к поэтическому, а не является бессмысленным, поскольку он может отражать отношение человека или вещи к мыслимому образу, но смысл событий, процессов и явлений, раскрываемый таким образом, носит символический характер. Но основании сказанного, учение о существовании отдельного мира идей также следует признать осмысленным, но ложным, поскольку оно, во-первых, не отражает структуры реальности, а во-вторых, не объясняет существования вещей.

Четвертое возражение Аристотеля, направленное против допущения существования отдельного мира идей, также связано с понятием сущности. Если, как утверждают платоники, идеальное составляет сущность вещи и делает ее доступной мышлению, т. е. позволяет ему выявить ее форму, назначение, степень совершенства, отнесенность к тому или иному классу предметов, то тогда идеальное не может существовать вне своего выражения в чувственном материале. Поэтому удвоение мира, допущение наряду с чувственно-наглядным бытием существование сверхчувственного бытия представляется неправомерным. Такого рода допущение следует признать проявлением желания человека обрести более совершенный мир, нежели тот, с которым он имеет дело в действительности.

В противоположность религиозному, художественному и идеалистическому мышлению научное сознание не отрицает реального мира, более того, оно обнаруживает в нем идеальное бытие, представленное, прежде всего, в виде самой структуры вещей. Именно присутствие идеального в вещах позволяет Аристотелю дать онтологическое обоснование объяснения. Мышление может постигнуть сущность бытия, если оно обратится не во внутрь себя, но к самим предметам, поскольку подлинным существованием обладает не чистая мысль, но мысль воплощенная – идея, которая может пребывать только в вещах. Поэтому объяснение, ориентирующееся на мир вещей, является наиболее адекватной формой мышления, поскольку с одной стороны, оно застраховано от мифопоэтического вымысла, а с другой, в силу своей направленности на раскрытие закономерностей наблюдаемых процессов, избегает бессмысленности чистой эмпирии.

Таким образом, главным результатом аристотелевской критики концепции идеи служит обретение предмета научного объяснения – сущности, в роли которой выступили единичные вещи. Раскрывая значение термина «сущность», П.П. Гайденко отмечает: «Главное же, важное для нас в аристотелевском определении сущности – это то, что сама сущность ни о чем не сказывается (и ни в чем не находится); на этом определении основано и деление Аристотелем сущностей на «первичные» и «вторичные». Вторичные сущности – это те, которые сказываются о первичных, а первичные – те, которые уже ни о чем не сказываются. В этом смысле вид – более сущность, чем род, а отдельный индивид – более сущность, чем вид: «животное» (род) сказывается о «человеке», но

«человек» о «животном» – нет, говорит Аристотель. Что же касается самих первичных сущностей, то ни одна из них, по словам Аристотеля, не является в большей мере сущностью, чем любая другая: «Отдельный человек является сущностью несколько не в большей степени, чем отдельный бык». Именно в этом смысле к сущности, по Аристотелю, неприменимы определения «большее» и «меньшее», и все сущности, поскольку они первичные сущности, подлежащие, совершенно равноправны: ни одна сущность не имеет привилегированного положения по сравнению с другой. Отсюда, собственно говоря, происходит аристотелевский интерес ко всем явлениям природы в равной мере: к движению светил, так же как и к строению червя, к гражданскому устройству полиса, так же как к пищеварительной и дыхательной системе пресмыкающихся. Здесь следует искать обоснование того – совершенно нового по сравнению с платоновским – пафоса науки в ее аристотелевском понимании, науки, которая не знает предпочтений, для которой нет предметов, не достойных ее интереса».

Избрание сущности в качестве предмета научного объяснения потребовало от Аристотеля отказа от построения замкнутой философской системы, в которой каждый из элементов имел бы обоснование. В отличие от идеалистической установки сознания, ориентирующей мышление на включение того или иного факта уже в имеющуюся систему понятий, научное сознание в лице Аристотеля предпочло ориентироваться на саму реальность. Поэтому одним из важнейших моментов формирования эмпирической науки стало признание начал, которые не нуждаются в доказательстве. Тем самым философское конструирование смысла путем движения мысли по кругу было заменено линейным движением от одного чувственного предмета к другому.

Исходным пунктом критики Аристотелем осмысляющей установки сознания, представленной, прежде всего, диалектикой. Стало обвинение Платона в том, что его метод не позволяет дать определение предмета, исходя из него самого, он постоянно рассматривается через свою противоположность. Например, единое определяется через многое, многое через единое. Отсюда Аристотель делает вывод, что диалектический метод исходит не из первичности предмета, но из первичности отношений. Но противоположности не есть нечто самодостаточное, их существование возможно только при наличии некоего субстрата, о котором они высказываются. Осмысление действительности продолжало рассматриваться Аристотелем в качестве одной из главных задач, стоящих перед наукой, но при этом ее решение всецело зависело от объяснения принципов и закономерностей функционирования природных процессов и явлений. Следует особо подчеркнуть, что отказ Аристотеля от осмысляющей установки сознания и переход к установке объясняющей связан с изменением самого предмета познания. Если для Платона он имел

ярко выраженный логический характер, то для Аристотеля он носит принципиально физическую природу. Так, критикуя платоновское учение о переходности противоположности друг в друга и выдвигая понятие субстрата как основы изменений, Аристотель стремится доказать реальность природы. Для идеалистической установки сознания, разделяемой элейцами, пифагорейцами и Платоном, было свойственно понимание иллюзорности чувственно-наглядного бытия. Одним из важнейших моментов этого учения являлось утверждение о тождестве материи и небытия. Тем самым окружающий мир не имел внутреннего основания, а представлял собой взаимопереход бытия и небытия.

Утверждая наличие субстрата, выступающего основной для различного рода предикатов, Аристотель отрицает возможность возникновения сущего из несущего. По его убеждению, «ничто из ничего не возникает», появление чего-либо нового означает переход из возможного бытия в действительное. Отсюда вполне логичным выглядит положение о невозможности отождествления небытия и материи. Но тогда материю следует понимать не в качестве пустоты, но в виде неопределенного, но все же вещества. Подчеркивая различие между понятиями материи у Платона и Аристотеля, П.П. Гайденок отмечает: «В полемике с платониками Аристотель «расщепляет» платоновское понятие «иноного» на два понятия: лишенность и материя. Лишенность – это противоположное сущего, а материя – среднее между этими двумя противоположностями – сущего и не-сущего...»

Главной функцией аристотелевской материи служит обоснование изменений, происходящих в природе, доказательство их реальности и принципиальной мыслимости. Напомним, что для многих представителей греческой философии и науки, в частности, для Зенона Элейского, движение выступало как нечто иллюзорное и немислимое. В противоположности им, для Аристотеля, по словам Б.Г. Кузнецова, «превращение и изменение материи является одним из самых важных понятий онтологии... В материи может изменяться «что», иначе говоря, изменяться сам субъект изменений, он может исчезнуть, перейти в иной. Далее, может измениться не сама сущность, а другие свойства; это будет изменение «какой», изменение качества. Наконец, может измениться «где» – место рассматриваемого тела. Соответственно движение состоит в уничтожении и возникновении определенных тел, в их росте или уменьшении, в качественных изменениях и в перемене места. Аристотель различал:

- 1) субстанциональное движение – возникновение и уничтожение субстанции;
- 2) количественное движение – увеличение и уменьшение;
- 3) качественное движение;
- 4) местное движение – перемещение».

Таким образом, Аристотель, превращая движение в предмет научного анализа, заменяет категориальную интерпретацию материи эмпирическим пониманием.

Теперь попытаемся взглянуть на различие в понимании материи у Платона и Аристотеля через призму полемики научной и философской установок сознания. Так, у Платона четко прослеживается взгляд на материю как на логическое понятие, занимающее определенное место в его диалектической системе категорий. Данная точка зрения предполагает осмысляющее отношение к действительности. В первую очередь, это утверждение подтверждается лишенностью у платоновской материи каких-либо вещественных характеристик, она представляет собой практически «чистое» небытие. Уже на основании этого можно с уверенностью говорить о материи как о понятии, связанном с осмысляющей установкой сознания. Но самое главное – система категорий, в которую включено понятие «материя», базируется на предпонимании чувственно-наглядного мира в качестве брэнного. Но, оценивая реальный мир как брэнный и выводя соответствующее понятие материи, Платон устанавливает смысл чувственного бытия, а затем уже дает объяснение его возникновению с помощью мифологических образов (бог-демиург) и философских категорий. Аристотель поступает противоположным образом: он использует понятие материи в использовании данных процессов, в частности, указанных выше формах движения. Таким образом, субстратное понимание материи изначально имеет эмпирическую и объясняющую направленность. В свою очередь, объясняющая установка сознания основывается на повседневном опыте, признающем реальность окружающего мира. Именно связь объясняющего отношения к действительности с обыденным сознанием позволила Аристотелю раскрыть непригодность платоновской трактовки материи для познания природных процессов. Если же самому Аристотелю было указано на различие целей, стоящих перед научным и философским пониманием того или иного предмета, то он, возможно, бы ответил, что вопрос о смысле того или иного предмета или бытия в целом нельзя решать вне учета данных опыта.

Рассмотрение конструирования научной предметности в контексте полемики установок сознания было бы неполным без анализа различий в понимании идеального у Платона и Аристотеля. Важность этого анализа для критики научной установки сознания заключается в том, что превращение идеального в структурный элемент реального бытия во многом снимал необходимость выделения особого философского предмета познания, отличного от предмета науки. Конечно же, сам Аристотель, будучи преимущественно философом, а не ученым, не мог разделить этой точки зрения, о чем свидетельствует наличие в его системе особой дисциплины – первой философии или метафизики, посвященной чисто

философским проблемам, прежде всего, проблеме сущего как такового. Вместе с тем, аристотелевское сближение идеального и реального миров явилось началом отрицания существования предмета философии и замены философской установки сознания научной.

Как известно, Платон выделял пять основных значений идеального: идея как общее понятие; идея как форма вещей – эйдос; идея как принцип единства; идея как принцип совершенства; идея как принцип блага. Аристотель, будучи реалистом сконцентрировал свое внимание на анализе идеи как формы вещей и смягчил замыкание идеального в особого рода сферу бытия. Это смягчение выразилось в том, что принципы блага и совершенства стали рассматриваться в качестве телеологических начал – конечных причин, придающих направленность естественным процессам. Воздействие конечных причин, начал и категорий на реальность осуществлялось с помощью таких структурных элементов, как форма предметов и действующие причины.

Раскрывая отношение данных понятий к платоновским идеям, Б.Г. Кузнецов подчеркивает: «Форма превращает материю из возможного в действительное, в субстанцию. Эту функцию формы Аристотель... назвал «энергией». Далее Аристотель включает в субстанцию мира его энтелехию, обозначающую целесообразную деятельность. Эта платоновская идея, которая стала деятельностью, которая включает цель. Но цель представляется внепространственным, нефизическим, психическим актом, и в этом смысле энтелехия кажется изменой тому принципу, который вытекает из аристотелевой трактовки материи как неотъемлемой основы и самой возможности субстанции. Но... прежде следует указать на связь понятий, действующих причин, выражающих необходимость, и конечных причин, выражающих целесообразность, с еще более общей коллизией отдельного и общего. У Аристотеля действующие причины – близко действующие причины. Напротив, конечные причины – отдаленные причины, сохранившие это название... но, потерявшие связь с необходимостью, однозначной определенностью бытия, охватывающей его целиком. Поэтому целесообразность энтелехия, энергия – все, что характеризует форму, все это рисует воздействие общего А на частное α . Напротив, сила воздействия одной локальной ситуации на другую выражает активность индивидуального, частного, воздействия α на А».

Итак, идеальное у Аристотеля выступает как в телеологической, так и в каузальном виде. При этом возникает проблема согласования конечных и близкодействующих непосредственных причин. Решая данную проблему, Аристотель делает предположение, что нормальному телеологическому развитию природных процессов мешает несовершенство земного мира, привносящее в них механистические коррективы. Например, если в надлунной космической сфере все подчинено конечным причинам, то в мире живой природы нормальное протекание процессов

сталкивается с необходимостью организмов приспособляться к условиям внешней среды. Но каким бы образом – телеологическим или каузальным – не рассматривался процесс развития мира и в каком бы виде – цели или силы – не представало идеальное бытие, они всегда выступают лишь в качестве определенных элементов в онтологической структуре мира. Отсюда можно сделать вывод, что идеальное у Аристотеля играет роль не совершенного и самоценного начала, но только роль средства объяснения чувственно-наглядных явлений.

Поэтому Аристотель в принципе не приемлет идеалистический пафос философии Платона. Для него открытие идеального бытия имеет сугубо практическое значение, если под практикой понимать процесс опытного постижения мира. И вообще, установки сознания Платона и Аристотеля диаметрально противоположны. Если для Платона знание о мире идей сопоставимо по значимости с божественным откровением, и в конечном итоге, нацеливает индивида на преодоление земного существования, то для Аристотеля самым ценным предстает исследование именно чувственно-наглядного мира. Эта противоположность в последствии послужит исходным моментом разграничения науки и философии. Философия, даже сциентическая, всегда стремится перешагнуть рамки реального мира, часто это принимает форму утопических социальных программ, тогда как наука всегда удовлетворена тем, что есть и довольствуется его изучением. В этом отношении наука ближе к обыденному сознанию и здравому смыслу, нежели к философии, часто тяготеющей к религии, если не содержательно, то по форме изложения мыслей. Отмечая близость нарождающейся установки сознания к обыденному мышлению, П.П. Гайденко пишет: «Для Аристотеля научное мышление отнюдь не противостоит обычному здравому смыслу, аккумулировавшему весь человеческий опыт, а лишь проясняет и просветляет здравый смысл, подытоживает человеческий опыт и осмысляет его с помощью понятий. Наука, как ее понимает Аристотель, призвана постигнуть мир в его целостности, не абстрагируясь при этом от всего разнообразия и богатства его проявлений: понимание целого должно служить направляющим ориентиром при рассмотрении всех отдельных вещей и явлений, а последнее, в свою очередь, должно корректировать общую картину целого. При этом существенно, что научное познание мира отнюдь не предполагает, с точки зрения Аристотеля, абстрагирования от изучающего этот мир сознания и опыта человека, стремящегося к постижению мира «с ничейной точки зрения», как в свое время сформулировал тенденцию науки Нового времени неокантианец Э. Кассирер. Мир, как его изучает парипатетическая физика, есть мир, в котором живет человек. Он вполне соразмерен человеку, соответствует ему, а потому и опыт человека о мире вполне достоверен: его не надо отбрасывать, достаточно его лишь проконтролировать критически

подытожить и прояснить с помощью категорий. Человеческий опыт относительно мира не является по Аристотелю чем-то ложным; субъективное не есть нечто принципиально несоизмеримое с объективным, опыт всего лишь недостаточен и не всегда правильно сознает то, чем располагает¹. Как следует из вышеприведенного фрагмента, именно опора Аристотеля на показания органов чувств и здравый смысл, то есть на составляющие обыденного мышления, привели к отказу от идеалистического пренебрежительного отношения к реальности. Результатом этого явилось критика идеалистического способа решения важнейшей для греческого мышления проблемы соотношения единого и многого. Если Платон признавал приоритет единого над многим, что означало подчинение физического начала идеальному, то Аристотель, рассматривая единое в качестве меры, отводил идеальному началу роль принципа, регулирующего реальные процессы.

Поэтому критика Аристотелем умозрительного отношения к действительности никогда не переступало известных границ и не впадало в крайний эмпиризм. Отсюда следует важный вывод о том, что размежевание философской и научной установок сознания, какими бы мотивами оно не было продиктовано, протекало в рамках решения метафизических проблем. Так, Платоном и Аристотелем были предложены идеалистический и реалистический варианты метафизики, послужившие теоретической базой для формирования осмысляющей и объясняющей установок сознания. породив научное сознание, метафизика со временем превратилась в главный объект его критики, но первоначально необходимость метафизического обоснования не вызывало сомнений, речь шла только о его правильном осуществлении.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002.
2. Арон Р. Избранное: Введение в философию истории. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.

¹ Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб.: Алетейя; Киев: Эльга, 2002.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
начальник кафедры
теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России,
доктор исторических наук, профессор

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В РОССИИ КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА

Государство – ключевой социальный институт, характеризующийся уникальным положением в социуме. В системе социального контроля институт государства выполняет ряд критически важных функций, обеспечивая соблюдение социальных норм, прежде всего, норм права. Как полагают исследователи, «государство представляет собой сложнейший инструмент политико-правовой организации общества. Государство является высокоразвитой формой организации совместной жизни людей на определенной территории, располагает специальным аппаратом, осуществляет в отношении населения, проживающего на определенной территории, власть, основанную на праве и поддерживаемую принудительной силой»¹.

С точки зрения Н.И. Грачева, при анализе государства как социального института необходимо позиционировать его как «системное, целостное явление, органическое единство сущности, материи, формы и содержания всех его элементов (территория, народ, власть) и сторон жизни (социальной, экономической, политической, правовой, культурной, религиозной и т. д.)»².

Государство – это социальный институт, обеспечивающий социальный порядок, стабильность, законность, справедливость в обществе. Как полагают исследователи, «внутренние и внешние идеальные (метафизические) цели государства тесно взаимосвязаны. Самостоятельное и независимое существование государства невозможно без реализации в общественной жизни базовых ценностей образующего его народа, выраженной в организации хотя бы минимально справедливого политико-правового порядка во всех сферах его жизни – экономической, социальной, духовной, культурной и т. д.»³.

В обществе XXI в. государство, под воздействием масштабных трансформационных процессов, испытывает воздействие ряда рискогенных факторов. Каждое государство формирует свое позиционирование в глобальном мире в зависимости от того, в какой мере

¹ Бошно С.В. Государство // Право и современные государства. 2013. № 6. С. 64–79.

² Грачев Н.И. Сущность государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4. С. 11–24.

³ Там же.

оказывается способным противостоять возникающим рискам и угрозам. Наряду с глобальными рисками, которые, так или иначе, затрагивают любое государство, существует и множество локальных, по своим последствиям зачастую не уступающих глобальным.

В частности, для современной России важное значение имеет правовой нигилизм, укоренившийся в сознании значительной части граждан. Правовой нигилизм составляет сущность системной проблемы искаженного восприятия гражданами государства, власти, права. В основе данной проблемы – системные дисфункции процессов социализации и воспитания, кризисное состояние институтов, семьи, образования на фоне интенсивного агрессивного воздействия индустрии массовой культуры. Несмотря на то, что в научном, экспертном, управленческом сообществах иногда озвучиваются мнения о том, что правовой нигилизм представляет собой субъективный, частный случай взаимоотношений современного государства и граждан, все-таки большинство исследователей отмечают негативные аспекты правового нигилизма.

Ш.Г. Утарбеков обращает внимание на множество толкований понятия «правовой нигилизм» в научной литературе. В частности, речь идет о «подсознательной категории, отрицающей значимость права»; «негативном направлении общественной мысли, выражающей равнодушное отношение к закону»; «превратной форме автономии, самодостаточности индивидуальной и общественной воли, направленной против регулятивного действия норм права»; «разновидности социального нигилизма, характеризующейся юридическим невежеством, правовой невоспитанностью основной массы населения»¹.

Правовой нигилизм – одновременно и фактор риска, и явный негативный эффект социализации, воспитания, социального развития подрастающего поколения. Распространение правового нигилизма представляет собой угрозу институту государства, в аспекте формирования специфических взаимоотношений с гражданами на основе добровольности, осознанности, инициативности. Правовой нигилизм подрывает веру в справедливость государства, в его эффективность, способность решения проблем обычных граждан. Одно из наиболее опасных последствий укоренившегося в сознании граждан правового нигилизма – системные угрозы правомерному поведению, в результате чего государство может столкнуться с массовыми правонарушениями со стороны значительной части граждан. В результате правоохранительная система рискует не справиться с данной угрозой, что, в свою очередь, может привести к сложному положению института государства.

¹ Утарбеков Ш.Г. Правовой нигилизм и его преодоление: аналитический обзор подходов к пониманию // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1. С. 24–30.

М.В. Огриня полагает, что «правовой нигилизм можно характеризовать как отрицательное и во многом неуважительное отношение к законам, обусловленное различными причинами и имеющее определенные формы. Последствия, которые порождает данное социальное явление, есть не просто отрицательные, а опасные для существования общества. Поэтому борьба с правовым нигилизмом – задача, которая должна стоять у государства в числе первостепенных»¹.

Вместе с тем, борьба государства с проявлениями правового нигилизма не должна провоцировать возникновение определенного круга проблем, связанных с искаженным восприятием института государства частью населения. В социокультурной основе правового нигилизма не просто отрицание норм права; речь идет о специфической картине мира граждан, для которых государство выглядит как неэффективный, предвзятый непрофессиональный институт, который посредством норм права добивается не стабильности и социального порядка, а реализует политику, чуждую интересам и потребностям «обычных граждан».

А.Н. Зрячкин справедливо полагает, что «процесс преодоления правового нигилизма требует переосмысления значения многих государственно-правовых институтов. Необходимо, в частности, устранить споры о понятии, сущности, социальном назначении самого права, по-иному оценить такие категории как свобода, демократия, законность, дисциплина, ответственность, правовая защищенность, права и обязанности граждан, правопорядок»².

Однако на практике преодоление правового нигилизма сталкивается с рядом серьезных проблем, которые обусловлены глубокой вовлеченностью обычных граждан в сферу криминальной субкультуры. Для иллюстрации данного противоречия рассмотрим актуальный пример. Так, в г. Краснодаре 19 марта 2021 г. произошел конфликт. Водитель остановился на придомовой территории около частного дома, а хозяину это не понравилось. Между водителем, остановившим машину на придомовой территории частного домовладения, и владельцем этого жилища произошел словесный конфликт, переросший в драку. Впоследствии собственник дома, используя молоток, стал бить по машине оппонента (сломал левое зеркало бокового вида). После этого водитель резко тронулся и сбил мужчину, протаранив железные ворота. Позже пострадавшего госпитализировали в больницу с различными травмами. Будет решаться вопрос о возбуждении уголовного дела или административного производства в отношении водителя иномарки. Также следствию предстоит выяснить, действовал ли он умышленно или нет.

¹ Огриня М.В. Феномен правового нигилизма // Контентус. 2017. № 4. С. 67–72.

² Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 3–4.

Кроме того, рассматривается вопрос и о возбуждении дела в отношении владельца дома по статье об «умышленном уничтожении или повреждении чужого имущества»¹. Становится очевидным, что оба участника конфликта оказались вовлечены в противоправные действия, продемонстрировали агрессию, а их сознание во многом опиралось на конструкты правового нигилизма. Подобная проблема периодически проявляется в различных населенных пунктах субъектов РФ.

В целях верификации полученной на общетеоретическом уровне анализа, был осуществлен анкетный опрос населения Краснодарского края в возрасте от 18 до 70 лет. Общий объем выборки – 1287 человек, хронологический период: ноябрь-декабрь 2020 г. По итогам исследования, в частности, была получена такая информация. При ответе на вопрос: «Каково Ваше отношение к законам?» мнения участников исследования распределились следующим образом. Принимают во внимание существование законов, но при необходимости могут их проигнорировать 46,3% участников исследования. Лишь 24,6% респондентов отмечают, что всегда и во всем следуют требованиям закона. В то же время стараются действовать без оглядки на законы 13,9% опрошенных. Вариант «другое» отметили 15,2% респондентов.

Анализируя ответы на вопрос: «Насколько современное российское законодательство эффективно в борьбе с преступностью?», стоит отметить, что мнения респондентов фактически поровну разделились. В частности, 49% считают, что законодательство в целом неэффективно в борьбе с преступностью (ответы неэффективно и скорее неэффективно). Напротив, 48,7% участников исследования ответили, что законодательство эффективно (ответы эффективно и скорее эффективно вместе). Затруднились ответить на этот вопрос 2,3% респондентов.

При ответе на вопрос «Если в отношении Вас будут совершены противоправные действия, что Вы сделаете?» чуть больше половины респондентов (51,1%) указали, что постараются решить вопрос самостоятельно, не обращаясь в правоохранительные органы – это выступает одним из явных индикаторов правового нигилизма. Только 22,8% респондентов ответили, что обратятся в правоохранительные органы. Также 19% участников исследования заметили, что их действия будут зависеть от ситуации. Тревожным фактом является то, что 4,3% участников исследования в подобной ситуации обратятся к представителям криминалитета. Затруднились дать ответ на этот вопрос 2,8% опрошенных. Как показал опрос, у большинства респондентов в предложенной им гипотетической ситуации возникают риски нарушения норм права вследствие эксплицитных или имплицитных установок

¹ URL: <https://kuban24.tv/item/v-krasnodare-voditel-sbil-muzhchinu-kotoryj-molotkombil-po-ego-mashine> (дата обращения: 22.03.2021).

правового нигилизма – зачастую граждане не представляют четко, где грань между правомерным и преступным поведением.

Респонденты ответили и на вопрос: «Как Вы относитесь к случаям самосуда граждан над предполагаемыми преступниками?». Голоса распределились следующим образом: нейтрально – 43,8%, положительно – 28,4%, отрицательно – 24,7%. Кроме того, затруднились ответить 3,1% участников исследования. Ответы на данный, как и предыдущий вопросы, показали наличие индикаторов правового нигилизма. На фоне бытовой агрессивности для института государства актуализируются угрозы социальному порядку.

Кроме того, исследование мнений населения показало, что респонденты поддерживают в целом восстановление смертной казни. Как они полагают, это поможет в борьбе с преступностью – 72,7% (ответы «да» и «скорее да»). Лишь 24,6% скептически воспринимают эту меру (ответы «нет» и «скорее нет»). Это тенденция в целом отвечает усиливающейся жестокости, агрессивности, особенно на бытовом уровне, в межличностном и межгрупповом общении. В результате создается благоприятная среда для правового нигилизма и криминализации сознания. Затруднились ответить 2,7%.

И, наконец, в ходе исследования была получена информация о том, что большинство респондентов на оскорбление незнакомого человека ответят оскорблением в ответ – 47,5%. Кроме того, в этой ситуации применяют физическую силу – 19,3% (почти каждый пятый респондент). При этом обратятся в правоохранительные органы лишь 22,3% участников исследования. Также поступят в зависимости от ситуации – 5,9% респондентов, а другие варианты ответа предложили 5% участников исследования.

Проведенное эмпирическое исследование показало наличие ряда рисков и угроз, связанных с деформацией правового сознания немалой части респондентов. У некоторых граждан (доля которых колеблется при ответах на вопросы, но составляет не менее одной пятой части от всех опрошенных) наблюдаются явные признаки наличия правового нигилизма, склонности к нарушению норм права, отрицательное отношение к законам, стремление к волюнтаризму на фоне эгоистических установок. Подобная ситуация, по-видимому, стала следствием кризисного состояния процесса социализации. В частности, обеспокоенность вызывает такой элемент социализационного процесса, как правовая социализация. Семья и школа как основные агенты социализации в силу различных причин оказались неэффективны в аспекте построения у подрастающего поколения непротиворечивой картины правовой реальности. Кроме того, нарастают и негативные эффекты стихийной социализации посредством интернет-коммуникаций и электронных СМИ.

Таким образом, правовой нигилизм представляет собой фактор риска и угроз для института государства, так как в данном случае речь идет не просто о «маргинальном» социокультурном явлении, а об определенном сегменте в сознании граждан государства, которые негативно относятся к праву, не воспринимают его как эффективный регулятивный механизм. Правовой нигилизм постепенно разрушает общественное сознание, формирует ложные цели и установки граждан в отношении законов, права в целом, противопоставляя их эфемерную «свободу» государственному механизму. Противодействие правовому нигилизму возможно лишь в опоре на глубинные, социокультурные регулятивные механизмы общества. Особенно важно оптимизировать процесс воспитания и социализации подрастающих поколений, обратить внимание на институты образования, семьи, массовых коммуникаций, которые формируют личностный облик человека, передают ему социальный и духовный опыт предшествующих поколений. И, наконец, эффективное решение проблемы правового нигилизма невозможно лишь волонтаристическим путем – ключевое значение имеет обратная связь управленческих структур с носителями правового сознания. Так достигается объективность при принятии ключевых решений и осуществлении управленческих действий.

Литература

1. Бошно С.В. Государство // Право и современные государства. 2013. № 6. С. 64–79.
2. Грачев Н.И. Сущность государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4. С. 11–24.
3. Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. – 187 с.
4. Огрина М.В. Феномен правового нигилизма // Контентус. 2017. № 4. С. 67–72.
5. Утарбеков Ш.Г. Правовой нигилизм и его преодоление: аналитический обзор подходов к пониманию // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1. С. 24–30.
6. URL: <https://kuban24.tv/item/v-krasnodare-voditel-sbil-muzhchinu-kotoryj-molotkom-bil-po-ego-mashine> (дата обращения: 22.03.2021).

Коляго Петр Владимирович,
старший преподаватель кафедры
физической подготовки и спорта
Краснодарского университета МВД России

СБАЛАНСИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ПРЕПОДАВАНИЯ БЛОКА СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В КОНТЕКСТЕ ИДЕАЛЬНЫХ ТИПОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В сфере профессионального образования термин «специальная подготовка» в сфере сотрудников ОВД может употребляться в широком и узком значениях. Данный термин выступает как синоним тактико-специальной подготовки, в рамках которой у обучающихся формируется знание умение и навыки проведения различных специальных операций. В противоположность этому широкое значение термина «специальная подготовка» включает в себя комплекс дисциплин, связанных с физической, огневой, морально-психологической и тактико-специальной подготовкой курсантов и слушателей, в рамках которой у обучающихся формируются навыки и способности поведения в экстремальных ситуациях.

При рассмотрении понятия «специальная подготовка» в широком значении данного термина перед организаторами образовательного процесса неизбежно возникает проблема согласования ее разнородных по своему характеру элементов. И действительно, в самом общем виде, структура специальной подготовки в своем широком понимании включает в себя три основных элемента:

- физический;
- психологический;
- когнитивный.

Выделение данных уровней часто приводит к их неправильному отождествлению с различными учебными дисциплинами. Например, существует опасность отождествления физического уровня со специальной физической подготовкой, психологического – с различными психологическими дисциплинами, когнитивного – с тактико-специальным разделом.

Такого рода отождествление связано с тем, что каждая из указанных дисциплин концентрирует внимание на соответствующем уровне сознания человека, но данное обстоятельство не исключает необходимости включения помимо акцентирующего уровня и других психосоматических способностей организма человека. По этой причине проблема соотношения физической, психологической и когнитивной составляющих в сфере специальной подготовки обучающихся образовательных

организаций МВД России предполагает различные способы решения, важнейшими из которых являются:

- изолирующий;
- смешанный;
- сбалансированный.

Изолирующий способ предполагает акцентирование специальной подготовки на определенном виде человеческих способностей: когнитивной, психологической или физической. В свою очередь, смешанная модель предполагает акцентирование на каких-либо двух способностях, например, психосоматической или когнитивно-психологической. Наконец сбалансированная модель исходит из необходимости привлечения всех трех уровней сознания человека к формированию профессиональных знаний, умений и навыков.

Можно с уверенностью сказать, что в современном профессиональном образовании сотрудников ОВД реализуется преимущественно сбалансированная модель. Доказательством этого служит совмещение теоретических и практических занятий, акцентирующих внимание когнитивном и физическом уровнях соответственно. При этом при реализации ряда дисциплин возникает определенные сложности с определением места той или иной составляющей в образовательно-воспитательном процессе. Например, при осуществлении занятий по специальной физической подготовке локализация когнитивного и физического компонентов фиксируется однозначно, чего нельзя сказать о психологическом компоненте. Последнее обстоятельство свидетельствует не об отсутствии данного компонента, но о возможности его проявления только в процессе образовательно-воспитательной рефлексии. По этой причине в рамках теоретических занятий по специальной физической подготовке учащимся доводятся как формы воздействия физической культуры на индивидуальное и коллективное сознание, так и важность когнитивных и психологических установок при осуществлении различных видов физических упражнений.

Так психологическое воздействие специальной физической подготовки на индивидуальное сознание проявляется в:

- формировании уверенности индивида в самом себе;
- развитии целеустремленности;
- повышении стрессоустойчивости индивидуального сознания;
- раскрытии способности индивида к мобилизации как физических, так и психологических способностей;
- интеграции сил основных возможностей индивида в процесс формирования целостной личности.

В статье «Физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России с учетом их психологических особенностей»

Герасимова Н.В. отмечает такой важный аспект индивидуального развития сознания индивида, как функции памяти и мышления: «Кроме того, в развитии профессиональных качеств курсантов особую роль играют функции памяти и внимания, которые, наряду с мотивацией, организуют другие познавательные процессы - ощущения, восприятия и мышления. Однако практически не исследована взаимосвязь этих функций с физической подготовленностью курсантов вузов юридической системы»¹.

В свою очередь психологическая составляющая специальной физической подготовки в области коллективного сознания проявляется в:

- формировании социальной группы, нацеленной на решение профессионально-важных проблем;

- в постепенной структурализации группы посредством выявления в ней членов, специализирующихся на решении определенных задач, стоящих перед коллективом в целом;

- определении лидера группы и ее актива, в экстраординарной ситуации способного осуществить выполнения коллективом стоящих перед ним задач;

- создании жизнеспособного коллектива на основе формирования у индивидов социально-коммуникативных способностей, выражающихся в взаимовыручки и взаимопомощи;

- в формировании коллективного самосознания, без которого невозможно эффективное функционирование любой социальной группы.

Для правильного понимания роли когнитивной составляющей в воспитательно-образовательном процессе в ходе проведения занятий по специальной физической подготовке необходимо помнить, что она проявляется как в организации процесса преподавания данной дисциплины, так и в формировании у обучающихся когнитивных способностей, таких как:

- осознавать и формулировать проблему, возникающую в процессе формирования профессионально значимых навыков;

- конструировать и реализовывать модели поэтапного решения возникающих проблем;

- преодолевать трудности, возникающие в процессе реализации выбранной стратегии решения проблемы;

- обобщать теоретический и практический опыт, формируемый в процессе решения различного рода образовательных и профессионально-значимых проблем;

¹ Герасимова Наталья Владимировна Физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России с учетом их психологических особенностей // Вестник КРУ МВД России. 2014. № 4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-podgotovka-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii-s-uchetom-ih-psihologicheskikh-osobennostey> (дата обращения: 12.03.2021).

– разрабатывать модели трансляции полученного профессионального опыта;

– на основе полученного опыта формировать и корректировать профессиональное самосознание.

Необходимость реализации сбалансированной модели профессионального образования в процессе преподавания специальных дисциплин объясняется самим характером профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Несмотря на имеющиеся устойчивые социальные стереотипы, сформировавшиеся в социальном сознании касательно профессии полицейского, последнее, несомненно, носит интеллектуальный характер, поскольку связано с реализацией в первую очередь не карательной, а воспитательной функции государства. Предельной целью правоохранительных органов в деле противодействия различным видам преступности является не уничтожение противника, поскольку им является гражданин страны и член общества, а его исправление. Решение данной задачи возможно только посредством не только силового, но и интеллектуального, морально-нравственного воздействия на сознание правонарушителя. Данное обстоятельство налагает на сотрудника правоохранительных органов обязанности по постоянному интеллектуальному, культурному и профессионально-этическому совершенствованию.

Реализацию интеллектуального идеального типа сотрудников правоохранительных органов не следует понимать как предельно общую и не осуществимую в повседневности задачу. Основные требования, предъявляемые к сотруднику правоохранительных органов, заложенные в сформулированном выше идеале, должны реализовываться в его повседневной профессиональной деятельности. И действительно доказательный интеллектуальный, нравственный, гуманистический характер профессии полицейского проявляет себя на каждом этапе противодействия преступности, а именно в профилактике, предупреждении, пресечении, расследовании и раскрытии различных видов противоправных деяний.

Для того чтобы раскрыть специфику интеллектуального идеала профессиональной деятельности сотрудника полиции, необходимо помнить, что он не является единственно возможным идеалом. Например, достаточно долгое время профессиональным идеалом полицейского являлся технократический тип, который предполагал узкую направленность профессиональной деятельности и исключение из сферы подготовки будущего защитника правопорядка целых областей знания, которые оценивались как бесполезные для будущей профессиональной деятельности.

Как показала практика, реализация технократического идеала профессиональной деятельности приводит к потере сотрудниками

духовно-нравственного начала, делающего его беззащитным перед процессами профессиональной деформации. Кроме того, несмотря на, казалось бы, строго прагматический характер, формирования основных целей подготовки будущего сотрудника полиции, технократический идеал, в силу своего строго функционального характера, не способен ответить на вопросы ценности и смысле профессиональной деятельности в личном, а не социальном измерении. Данное обстоятельство приводит к потере сотрудником личной значимости своей профессиональной деятельности. По этой причине именно интеллектуальный, а не технократический тип профессиональной деятельности является более соответствующим основным задачам, стоящим перед правоохранительной системой в целом и органами внутренних дел в частности.

Реализация интеллектуального интерпретации профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел возможна только при условии наличия соответствующего образовательного идеального типа. Можно с уверенностью сказать, что современный компетентностный подход, реализуемый в сфере профессионального образования полицейского, основан именно на этом идеале, поскольку включает в себя идею тесной взаимосвязи знаний, умений и навыков в основных сферах профессиональной деятельности.

Адекватная реализация интеллектуального образовательного типа требует от профессионального образования соответствующей стратегии преподавания всех основных модулей учебного плана. Если у социально-гуманитарного и юридического блоков образовательной программы реализация такой стратегии не вызывает особых затруднений, то блок специальных дисциплин требует существенных изменения в характере формирования знаний, умений и навыков. Разработка такого рода стратегии, основанная на единстве и взаимодействии соматической, психологической и когнитивной способности обучаемого должна стать предметом отдельного исследования.

Литература

1. Герасимова Наталья Владимировна Физическая подготовка курсантов образовательных организаций МВД России с учетом их психологических особенностей // Вестник КРУ МВД России. 2014. № 4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-podgotovka-kursantov-obrazovatelnyh-organizatsiy-mvd-rossii-s-uchetom-ih-psihologicheskikh-osobennostey>

2. Баркалов С.Н. Профессионально-прикладная физическая подготовка сотрудников ОВД: основные понятия, направления совершенствования, образовательные технологии // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник статей. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2016.

Комаровская Ольга Александровна,
курсант взвода 0319
факультет по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Куликов Евгений Михайлович,
профессор кафедры
философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук, профессор

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ КАК ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Современное общество не случайно носит название «информационное». С точки зрения Е.И. Сухова, «термин информационное общество характеризует общество с новым укладом социальной, политической, экономической и других сфер жизни. В таком обществе на первый план выходят наукоемкое производство, информационная и коммуникационная индустрия. Основным капиталом предыдущих обществ - люди и предметы труда – вытесняются наукой и информационно-коммуникационными технологиями»¹.

На протяжении последних десятилетий мы стали свидетелями информационно-компьютерной революции, а глобальная сеть Интернет с каждым годом становится все более распространенным медиа, отодвигая на второй план электронные СМИ, а также прессу.

Как полагает О.С. Бурякова, «сегодня особую роль во всех сферах жизни приобретает информация, поэтому сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как информационную революцию, которая стала возможной благодаря активному развитию информационных технологий. Информационная революция представляет собой часть научно-технической революции, которая начала свое движение с середины XX в.»².

В информационном обществе компьютерные игры становятся все более популярными. И, прежде всего, в настоящее время темпы компьютеризации превышают темпы развития всех других отраслей. Без компьютеров, социальных сетей, компьютерных развлечений современный

¹ Сухов Е.И. Информационное общество как новое общество // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 101–103.

² Бурякова О.С. Информационная и знаниевая революции: сравнительный анализ концепций: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 8.

человек уже не сможет обойтись, он взаимодействует с компьютером постоянно – на работе, дома, в машине и даже в самолете. Компьютеры стремительно внедряются в человеческую жизнь, занимая свое место в нашем сознании.

Индустрия компьютерных игр (разработка, издание и продвижение игр) – это, пожалуй, одна из самых быстро развивающихся отраслей компьютерных технологий и одновременно глобального сектора развлечений.

Существует три основных подхода к компьютерным играм, согласно первой позиции, сфера игровой индустрии включает в себя досуговую область, где вредное граничит с бесполезным. Миллионы людей, а чаще всего подростки проводят сотни и тысячи часов в несуществующей реальности и таким образом теряют драгоценное время собственной жизни. Проводится ряд исследований, показывающих развитие различных психических и физиологических отклонений, в том числе таких как: слабоумие, ожирение, нервное и физическое истощение, а также другие нервные расстройства, вызванные излишней увлеченностью компьютерными играми.

Существует и другая позиция, согласно которой игровое пространство – это такое же пространство для коммуникации и социального взаимодействия, как и любое иное. Игры, таким образом, являются формой общения, временем проведения, а также способом получить эмоциональную разрядку. Сторонники такого подхода выступают за то, чтобы освободить мир виртуальной реальности от ярлыков социального блага или зла и показать, что это нейтральная сфера, являющаяся расширением привычной коммуникативно – досуговой среды.

Также, существует позиция, согласно которой сферы компьютерных игр обладает значительными преимуществами и нуждается в разработке и усовершенствования, адепты этой теории утверждают, что игра как явление была свойственна людям с незапамятных времен, но используя ресурсы виртуальной реальности человек может получить по истине невероятные возможности, существует ряд игр, которые, способствуют не только развитию фантазии стратегического и пространственного мышления, но и реально вырабатывают навыки необходимые в практической жизни (современное летное учебное заведение предполагает управление самолетом по типу игрового джойстика и симуляции реального полета).

На настоящий момент игры становятся культурными феноменами и признаются произведениями искусства. Число геймеров растет (2,5 млрд игроков в 2019 г.), а сам гейминг становится высокооплачиваемой профессией, 2020–2021 гг. для развития увлеченности компьютерными играми стал революционным (ситуация с пандемией и необходимостью самоизоляции повысило возможности и потребность людей в геймификации сферы досуга).

Рассмотрим подробнее влияние компьютерных игр.

Во-первых, существует множество компьютерных игр, которые дают возможность человеку расслабиться после трудового дня. К сожалению, многие сейчас придерживаются такого режима как: «дом → работа → дом», поэтому у таких людей не остается ни сил, ни времени, ни желания куда-то выйти за пределы дома, например: в кинотеатр, на прогулку в парк и так далее. Именно поэтому они предпочитают поиграть в видео игры, потому что этот вид отдыха не вынуждает их выходить куда-либо и способен преподнести им такие же эмоции, как и любом просмотре интересного фильма или сериала.

Во-вторых, большинство людей могут избавиться от раздражительности, гнева и неприятных мыслей, а также других деструктивных эмоций, благодаря таким жанрам игр, как шутеры и файтинги. Чтобы было понятней приведу пример: допустим, что в вашей жизни случилась очень неприятная ситуация, которая смогла вызвать в вас чувство злости, то вместо того, чтобы срывать ее на своих родных и близких, или кто попадется «под горячую руку» - вы можете зайти в любой шутер и пострелять в вымышленных персонажей, выпустив свой пар. Таким образом, можно избавиться от гнева, оставив его в компьютерной игре и успокоится.

В-третьих, видеоигры способны развивать у детей богатое воображение. Получается, что виртуальная реальность – это своего рода сказочная вселенная, которую можно исследовать, не выходя из дома. В таком месте дети начинают развивать этот мир, совершают героические поступки, сражаясь с врагами. Можно сказать, что многие подростки могут стать отважными храбрецами, которые защищают свою страну, что оказывает положительное влияние на мышление и фантазию.

В-четвертых, большинство игр содержат глубокий смысл, например: смысл о добре, справедливости и других качествах, которыми должен обладать каждый человек. Можно обратить внимание, что значительную часть всех современных видеоигр, где главный смысл заключается в спасении мира и борьбе со злом. Есть, конечно, исключения из этого правила, но такую же закономерность можно заметить и, например, в кинематографе. Поэтому, здесь нет ничего необычного, негативные и положительные стороны можно найти у любой сферы деятельности.

В-пятых, компьютерные игры могут формировать у людей положительные умения и навыки:

– Шутеры развивают реакцию, хитрость и способность работать в команде.

– Стратегии развивают тактичность, логику и умственную координацию.

– РПГ развивает фантазию и способность принятия сложных решений.

– Онлайн-игры развивают коммуникабельные способности.

– Хорроры помогают преодолеть страх.

Многие игры развивают навыки решения проблем, улучшают когнитивную память и реакцию, стимулируют творческий процесс, что доказано учеными через магнитную томографию.

Почему в деструктивном поведении подростков винят компьютерные игры? В чем же суть данной проблемы? Одна из актуальных проблем подростков в этой сфере – это повышенная агрессия, а главной причиной повышенной агрессии является отсутствие внимания и должного воспитания со стороны родителей, которые же в свою очередь будут винить во всем компьютерные игры. Любой адекватный ребенок, которые растет в благополучной и любящей семье, не будет тратить все время свое время на видео игры, засиживаться перед компьютером, ухудшая свое зрение и осанку, и подвергаться негативному влиянию со стороны видео игр и интернета. Кроме того, если у здорового подростка регулярно проявляются приступы агрессии, то в этом виноваты только его родители, потому что не удосужились заранее выявить и предотвратить эту проблему.

Часто встречаются такие случаи, когда молодая пара, не имеет собственного жилья и стабильной зарплаты, задумываются о рождении ребенка. Такие родители в дальнейшем не смогут принимать должного участие в жизни и развитии своего ребенка, так как у них не будет хватать на это времени и сил, и многие другие не менее важные причины. А потом именно от таких семеек часто слышишь, что во всех бедах их ребенка виноваты игры, фильмы, песни и тому подобное, но не они. Виноваты все, но не родители.

Игры способны негативно повлиять на психику и характер людей в том случае, когда это переходит границы разумного. Также игры могут отрицательно сказаться на нашем здоровье, если человек чрезмерно засиживается перед компьютером или игровой приставкой. Поэтому нельзя сказать, что видео игры – это хорошо или плохо, и можно играть сколько хочется. Как и нельзя сказать, что компьютерные игры – это плохо и нужно отказаться от них, запретить в них играть. Влияние игр неоднозначно, кто-то развивает свою реакцию, логическое мышление, а кто-то забывает про окружающий мир, даже начинает деградировать. Тут нужна «золотая середина» и придерживаться принципа – «не навреди». Нельзя забывать про важные дела, которые существуют в реальном мире и про живое общение.

Компьютерные игры стали частью реальности в информационном обществе. Этот факт необходимо принимать во внимание и корректировать действия управленческих структур, исходя из неизбежности происходящих изменений. Как представляется, в настоящее время необходимо осуществлять больше эмпирических исследований данной проблемы, чтобы лучше понять механизмы и последствия воздействия компьютерных игр на сознание людей.

Литература

1. Бурякова О.С. Информационная и знаниевая революции: сравнительный анализ концепций: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011.
2. Индустрия компьютерных игр. URL: <https://docviewer.yandex.ru> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Сухов Е.И. Информационное общество как новое общество // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 101–103.
4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/videoigry-v-kontekste-globalizatsii-esse>. (дата обращения: 15.03.2021).
5. URL: <https://ria.ru/20101203/304069995.html> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Видеоигры и киберспорт. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2020-2024/videoigry-i-kibersport.html> (дата обращения: 15.03.2021).

Коротких Виктория Николаевна,
заместитель начальника
научно-исследовательского отдела
Краснодарского университета МВД России

ФАКТОРЫ РОСТА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России специалисты отмечают тенденцию сохранения относительно постоянной доли женских преступлений в общем количестве. Однако ее поведение более чувствительно к трансформациям криминогенной обстановки, чем преступность в целом. Существенное влияние на женскую преступность оказывает такой внешний фактор, как негативная экономическая обстановка внутри страны, которая деформирует нравственную и идеологическую сферы сознания, приводит к личностным изменениям и влияет на склонность отдельных субъектов к совершению преступной деятельности. В последние несколько лет исследователи отмечают рост доли женских преступлений в общей преступной структуре¹.

Тем не менее, стоит отметить тот факт, что сама доля женщин в преступности значительно меньше доли мужчин. На это есть ряд причин.

¹ Состояние преступности в России: статистические отчеты ГИАЦ МВД за период с 2005 по 2021 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 10.03.2021).

В первую очередь это физиологические особенности: женщины не обладают достаточной физической силой, чтобы подавить сопротивление жертвы без использования оружия. Также необходимо обозначить тот факт, что из-за господствующих в обществе гендерных стереотипов жертвы мужского пола считают постыдным обращаться в правоохранительные органы в случае совершенного женщиной против них преступления: «62% опрошенных мужчин не стали бы обращаться с заявлением в полицию в случае причинения им вреда супругой (сожительницей), а 77% указали, что обращение в правоохранительные органы с подобными заявлениями постыдно для мужчины»¹, отмечают исследователи.

Относительно малый процент женской преступности также можно объяснить гендерными надстройками личности. Социумом транслируются более просоциальная направленность и конформность женщин, их лучшая адаптация к нормам общества. Это формирует меньшую склонность к девиантному поведению и следовательно низкую криминальную активность. Однако не всегда гендерная модель воспитания присутствует в жизни женщины. Бывают случаи, когда женщины в отсутствие женской модели воспитания формируются в рамках мужского гендера. Такие женщины более склонны к проявлению в преступной среде.

Существенное влияние на повышение доли женщин в преступности оказывает тенденция формирования гендерного равенства, что приводит к ослабеванию гендерных стереотипов поведения и соответственно к повышению доли исторически несвойственного проявления женщин в преступной структуре.

В структуре женской преступности специалисты выделяют два основных типа: общекриминальная и «беловоротничковая» женская преступность. Так называемая «беловоротничковая» преступность – термин, который был предложен Э. Сатерлендом и обозначающий преступников из представителей государства и бизнеса². Для женской преступности характерна тенденция роста именно в этом сегменте.

К общекриминальным преступлениям можно отнести такие, как кража, мошенничество, незаконный сбыт наркотических и психотропных веществ, организация занятия проституцией, насильственная преступность. «Беловоротничковые» преступления – это преступления, связанные с использованием служебного положения в целях получения личной выгоды.

¹ Тимко С.А., Кузнецова И.А. Женское насилие в отношении супругов: особенности проявления и возможности профилактики органами внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4 (71). С. 50–54.

² Dodge M. Women and White-Collar Crime. Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. URL: <http://oxfordre.com/criminology> (дата обращения: 04.03.2021).

Исследователи выделяют ряд факторов, влияющих на рост «беловоротничковой» женской преступности. В первую очередь это такое социальное явление, как тенденция к эмансипации. В современном обществе мобильность женщин значительно повышается, что ведет к потере связи с родственниками и к снижению их влияния (в первую очередь речь идет о родителях). Также повышение возраста вступления в брак и рождения детей уменьшает функцию социального регулятора поведения женщин таким социальным институтом, как семья.

Вторым важным фактором выступает изменение гендерной модели поведения женщины. Если раньше превалирующей была роль «женщина-домохозяйка», то в современном мире эта роль смещается к роли «женщина-работник». Исследователи отмечают, что «женщины становятся более активными в профессиональной деятельности, отдают предпочтение потенциально высокооплачиваемым направлениям обучения, выстраивают карьеру, стремятся занимать высокопоставленные должности, несмотря на сохраняющуюся дискриминацию женщин в сфере труда по половому признаку»¹.

Еще один фактор, изменивший состояние женской преступности, это роль женщины как «единственного кормильца в семье». Для современного мира характерной становится тенденция, когда женщина и ее дети зависят исключительно от ее способности зарабатывать. Материальная обеспеченность тем более значима, чем более нестабильна экономическая ситуация в стране. Это оказывает негативное влияние на нравственные устои и повышает вероятность использования такого инструмента удовлетворения материальных потребностей, как противоправное действие².

Также немаловажен тот факт, что женщины зачастую занимают самые малооплачиваемые должности (в современной России это здравоохранение, педагогика, низшие звенья муниципальной службы, сфера торговли и т. д.). Необходимость содержания семьи и в то же время невозможность найти более высокооплачиваемую должность часто становится причиной женской преступной деятельности, потому что женщины начинают искать дополнительные возможности «заработка» в рамках осуществляемой ими деятельности.

Согласно исследованиям, наиболее часто женщины совершают такие преступления, как преступления против личности, экономические,

¹ Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 1 (80). С. 105–112.

² См. подробнее: Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социально-экономические детерминанты преступности в современном российском обществе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 795–805.

нарушение общественного порядка, против государственной власти и общественной безопасности.

По объему совершаемых преступлений в сегменте женской преступности преобладают хищения (кража, мошенничество, в том числе в сфере кредитования, при получении выплат (в первую очередь связанных с материнским капиталом), с использованием электронных средств оплаты). Также для женской преступности характерно такое преступление, как присвоение и растрата (в том числе с использованием служебного положения).

Корысть выступает мотиватором не только при совершении женщинами преступлений против собственности, но также и против госвласти и госслужбы. Высока доля женщин, злоупотребляющих должностными полномочиями. В то же время характерные для женщин осторожность и стремление к безопасности диктуют предпочтение женщин-преступниц совершать незаконные действия, не выходя за пределы своих должностных полномочий.

Традиционно высока доля женщин в преступлениях, связанных с вовлечением в проституцию и организацией занятий проституцией. В то же время вопреки стереотипу, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, не являются характерными для женщин.

Среди насильственных преступлений, совершенных женщинами, можно выделить следующие: «убийство матерью новорожденного ребенка, оставление в опасности, убийства, совершенные в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны, причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, истязание в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»¹.

Исследователи отмечают, что существенное влияние на тенденции в сфере женской преступности оказывают трансформации криминогенной обстановки в социуме. Когда преступность растет в целом, то и женский сегмент значительно повышается, в то же время тенденции женской преступности проявляются значительно интенсивнее.

Таким образом, можно говорить о том, что преступления, совершаемые женщинами, определяются особенностями женского гендера. Женщины в больше склонны к совершению так называемых «беловоротничковых» преступлений, а в сегменте общекриминальных преступлений их доля значительно меньше.

¹ Алексеева Е.А. Указ. соч. С. 105–112.

Литература

1. Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 1 (80). С. 105–112.
2. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Социально-экономические детерминанты преступности в современном российском обществе // Всероссийский криминологический журнал . 2018 . Т. 12, № 6 . С. 795–805.
3. Состояние преступности в России: статистические отчеты ГИАЦ МВД за период с 2005 по 2021 г. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 10.03.2021).
4. Тимко С.А., Кузнецова И.А. Женское насилие в отношении супругов: особенности проявления и возможности профилактики органами внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4 (71). С. 50–54.
5. Dodge M. Women and White-Collar Crime. Oxford Research Encyclopedia of Criminology and Criminal Justice. URL: <http://oxfordre.com/criminology> (дата обращения: 04.03.2021).

Кузьменко Ирина Сергеевна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук

СООТНОШЕНИЕ МЕХАНИСТИЧЕСКОЙ И ОРГАНИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Процесс существования общества – это, одновременно, процесс его развития и структурного изменения. Трансформации подлежат масштабы социального взаимодействия, его интенсивность и динамика. Точно так же можно отметить важную тенденцию усложнения общественной структуры. Как результат – возникают условия для возникновения самых разных форм социальной определенности и, соответственно – способов социального самоопределения. В этих условиях приобретает высокую значимость вопрос о том, что дифференциация общества и его усложнение актуализируют значение консолидирующего социального принципа, способствующего преодолению различий и объединению социальных акторов в единую систему конструктивного социального взаимодействия. Рассматривая современную практику развития общественных отношений, следует отметить, что наблюдаются тенденции развития межгрупповых конфликтов (по критериям различий в материальном положении, этнической маркированности, культурной определенности, политических

взглядов и т. д.), что таит в себе серьезные социальные риски. Таким образом, в современном обществе обнаруживается недостаток консолидирующих социальных механизмов, что пагубно сказывается на общей социальной практике.

Важным моментом в данном случае является то, что процесс формирования межгрупповых конфликтов опирается на две предпосылки: консолидацию внутри социальных групп, объединяемых по определенному маркирующему признаку, и конфронтацию представителей данных групп по отношению к отличным от них членам общества. Особенность обоих условий состоит в том, что они имеют непосредственное отношение к категории социальной солидарности, причем, в первом случае наблюдается четко выраженное проявление солидарности (на групповом уровне), в то время как во втором – нехватка солидарности, проявляющаяся на уровне межгрупповых отношений. Это тот аспект, который позволяет рассматривать солидаризм в качестве адекватного теоретико-методологического основания для осмысления проблем развития межгрупповых конфликтов в современном обществе.

Прежде всего, следует отметить, что, обращаясь к теории солидарности, мы, преимущественно, ориентированы на применение теоретического подхода к анализу социальной интеграции, разработанному Э. Дюркгеймом. В рамках гуманитарного познания сформировалось множество определений и трактовок солидарности, что является причиной серьезных затруднений для однозначной трактовки данного понятия¹. Это связано с тем, что понятие солидарности применялось в социологии, риторике, политологии и даже религиозной мысли, будучи наделенным при этом различными смыслами. В настоящем исследовании мы придерживаемся дюркгеймовской трактовки солидарности и, в частности – обращаемся к введенному Дюркгеймом типологическому делению форм солидарности на механистическую и органическую. В рамках теоретического подхода, сформированного Э. Дюркгеймом, солидарность выступает в качестве основного консолидирующего социального механизма, определяющего общность взглядов и интересов членов общества, а также их склонность к осуществлению конструктивного взаимодействия. Дюркгейм выделяет две основные формы солидарности: механистическую и органическую². Под механистической солидарностью понимается общность членов общества, наделенных сходными социальными признаками (например, включенных в

¹ Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. – С. 97–167.

² Дюркгейм Э., Гофман А.Б., Сапов В.В. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – 572 с.

одну семейную группу, или проживающих на одной местности). Критерии выделения однородной социальной группы, в рамках которой действуют принципы механистической солидарности, могут быть различными – профессиональная определенность, расовая принадлежность, социальное положение, этническая определенность, религиозная принадлежность и т. д. Ключевым в данном случае является то, что осознание сходства между собой и другими людьми, выделяемыми по определенному признаку, влечет за собой осознание общности с ними и, через это – признание значимости их целей и интересов. Как отмечает Э. Дюркгейм, по мере развития общества от его первобытного состояния и вплоть до современной эпохи обнаруживается устойчивая тенденция дифференциации социальных ролей и форм определенности, в результате чего механистическая солидарность утрачивает возможность объединять всех членов общества. В связи с этим французский исследователь отмечает актуализацию в ходе исторического процесса органической солидарности, основанной на осознании совместной включенности в систему общества и, соответственно, взаимозависимости людей, в том числе – обладающих различными социальными признаками. Так, примером органической солидарности является понимание важности других профессий, нежели та, к которой относится человек, и через это – уважительное отношение к их представителям.

Органическая солидарность как консолидирующий принцип тем актуальнее для общества, чем более сложным и разветвленным оно становится в структурном плане. И, если рассмотреть общую специфику межгрупповых конфликтов, развертывающихся в общественной среде, налицо чрезмерная актуализация механистической формы солидарности на фоне недостатка органической солидарности в общественной среде. Рассмотрим данное положение на примере конфликта между представителями различных этнических групп. На уровне каждой из рассматриваемых групп, участвующих в конфликте, присутствует обостренное самоопределение через этническую группу, что определяет стремление человека следовать интересам своей этнической группы, а также поддерживать других ее представителей. Это – одно из явных проявлений механистической солидарности, в рамках которой консолидация членов общества производится по определенному признаку (в данном случае – по признаку этнической принадлежности). При этом, следует отметить, что на фоне повышенной актуализации групповой идентификации наблюдается недостаточная общесоциальная идентификация, в рамках которой признаются права других людей, относящихся к другим этносам, как представителей того же общества, к которому относится субъект социального отношения. Отметим, что нередко преобладание механистической солидарности влечет за собой деактуализацию на фоне интересов группы интересов общества в целом,

что проявляется в склонности к насилию и иным формам нарушения правовых норм того общества, в которое человек включен. Все это свидетельствует о том, что смещение баланса консолидирующих механизмов в сторону механистической солидарности представляет собой основание серьезных социальных нарушений.

Вместе с тем, сказанное выше не означает, что механистическая солидарность деструктивна сама по себе. Речь идет скорее о социальных рисках, связанных с ситуациями, когда механистическая солидарность преобладает над органической.

Литература

1. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. – С. 97–167.

2. Дюркгейм Э. Гофман А.Б., Сапов В.В. О разделении общественного труда. Метод социологии / пер. с фр. – М.: Наука, 1991. – 572 с.

Кунина Мария Николаевна,
доцент кафедры русского и иностранного языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат филологических наук, доцент,

Кулинская Светлана Валерьевна,
доцент кафедры русского и иностранного языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат филологических наук, доцент,

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Проблема юридического дискурса в настоящее время характеризуется высокой степенью актуальности для гуманитарного знания, что связано с необходимостью выстраивания конструктивных социально-правовых отношений, в связи с чем подвергаются детальному анализу основные их аспекты¹. Ранее одной из популярных в исследовательской среде проблем была проблема языка права, что связано с функциональными особенностями правовой системы, выраженной на уровне существующих законодательных норм. Известное противоречие

¹ Мазнева Ю.А. О юридическом дискурсе и его функциях // Философия права. 2015. № 5 (72). – С. 68–72.

между «духом закона» и его «буквой» является непосредственным свидетельством того, что далеко не всегда тот смысл, который закладывается в конкретную формулировку закона, соответствует последующим способам его интерпретации и практического применения. Родственная проблема в данном случае – это проблема правоприменительной практики, по сути, отражающая реальный аспект действия законов в той редакции, в которой они были приняты¹. Если проблема языка права – это, прежде всего, проблема выстраивания символической системы, не допускающей превратного толкования выражаемых на ее уровне норм, то проблема правоприменения отражает уже практический аспект взаимодействия носителей правовой активности с выраженными посредством языка права и имеющими законную силу нормами. Объединение данных вопросов необходимо для целостного осмысления проблематики выстраивания конструктивных правовых отношений и, соответственно, эффективной реализации правовой функции. В рамках исследования правового дискурса становится возможным именно такое, целостное осмысление правовой проблематики.

Для начала следует определиться с категорией дискурса. Понятие «дискурс» отражает расширенную область языкового взаимодействия, в которую включены одновременно автор сообщения и его адресат, при этом, а также совокупность факторов, влияющих на способ понимания заложенного в сообщении смысла. Если постановка вопроса о языке права рассматривает норму как текст, взятый сам по себе и наделенный определенным смыслом (в идеале – терминологически определенный таким образом, чтобы данный смысл был выражен четко и однозначно), то рассмотрение правового дискурса должно учитывать процессуальность обращения к правовым нормам и, в частности, обусловленность субъектов правового взаимодействия разнообразными внешними факторами (что может включать в себя степень компетентности участников правового процесса, их область интересов, способность к корректной интерпретации правовых норм и т. д.). Правовой дискурс, тем самым, выходит за рамки текста, будучи процессуально определенным; по сути, категория дискурса заметно шире категории текста, поскольку она включает в себя, в том числе, совокупность факторов и условий, определяющих способ отношения к данному тексту, широту вариантов его интерпретации и т. д. В отдельных ситуациях немаловажно учитывать то, что интересы субъектов правовой практики могут быть диаметрально противоположными, при этом, они будут стремиться к обоснованию своих позиций с опорой на существующие законодательные акты. Это тоже важная составляющая общего контекста трактовки правовых норм,

¹ Гаврилова Ю.А. Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). – С. 46–55.

поскольку в отдельных случаях может иметь место их намеренная трактовка в том ключе, который отвечает интересам участника социально-правовых отношений.

В свете обозначенного выше, юридический дискурс представляет собой сложное явление, включающее в себя три основных составляющих элемента:

- юридический текст, представляющий собой вербальное отражение правовых норм;
- дискурсивные практики, определяющие формирование и интерпретацию выраженных в концептуальной форме юридических норм;
- особенности социальной среды, в рамках которой реализуются правовые нормы.

Традиционно тематика юридического дискурса рассматривается через призму анализа особенностей формального взаимодействия в юридической сфере, что определяет акцентуацию на моменте институциональности правовых отношений¹. Это включает в себя следующие аспекты юридического дискурса:

- формальный характер суждений;
- наличие специфической юридической терминологии, призванной реализовать принцип однозначности трактовки правовых текстов;
- реализация, помимо информативной, также предписывающей формы высказывания (что обеспечивает нормативность отдельных законов, решений и т. д.);
- необходимость владения специфическими знаниями и навыками для включения в юридические дискурсивные практики.

В основном, исследования юридического дискурса ориентированы на раскрытие его аспектов, связанных непосредственно с включенными (в функциональном плане) в институциональную среду права членами общества – юристами, адвокатами, судьями и т. д. Однако серьезная проблема в данном случае состоит в том, что юридический дискурс имеет предписывающее значение, а также определяет возможности членов общества и их защищаемые государством права. И это создает определенную двойственность в его рассмотрении: дискурсивные практики, связанные непосредственно с правовой сферой, реализуются не только в среде непосредственных носителей правовой функции, но и среди рядовых членов общества, действия и поведение которых нормируются правовой системой. Здесь мы приходим к пониманию того, что вне понимания норм права проблематично следовать им, а без знания на достаточном уровне специфики собственных прав, проблематичным

¹ Крапивкина О.А., Непомилов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 02.03.2021).

становится уже сам по себе момент защиты личных законных прав и интересов. Существенная доля социальных проблем и злоупотреблений имеют место ввиду недостатка правовой грамотности населения – и это одна из тех серьезных проблем, вне решения которой проблематично установления высокого уровня правопорядка в обществе.

Здесь мы подходим к вопросу о том, что проблема развития правосознания – это, по сути, также один из прикладных аспектов тематики юридического дискурса, связанный с рассмотрением проблемы с точки зрения противоречия между институциональным характером ряда аспектов юридического текста и ограниченными способностями к их восприятию со стороны гражданского населения. На наш взгляд, рассмотрение проблематики юридического дискурса именно в таком ключе, как социокультурного феномена, имеющего значение, в том числе, на уровне обыденной практики нормирования социального поведения, имеет большое значение для понимания предпосылок формирования конструктивных отношений в обществе.

Литература

1. Гаврилова Ю.А. Правоприменительная практика: особенности смыслообразования // Журнал российского права. 2018. № 5 (257). – С. 46–55.

2. Крапивкина О.А., Непомилов Л.А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения: 04.03.2021).

3. Мазнева Ю.А. О юридическом дискурсе и его функциях // Философия права. 2015. № 5 (72). – С. 68–72.

Кунина Мария Николаевна,
доцент кафедры русского и иностранного языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат филологических наук, доцент

Кулинская Светлана Валерьевна,
доцент кафедры русского и иностранного языков
Краснодарского университета МВД России,
кандидат филологических наук, доцент,

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ И ИНОЯЗЫЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Современное общество пребывает на стадии глобализации, что означает, в том числе, интенсификацию предпосылок развития функциональных процессов, участники которых являются гражданами разных государств. В наибольшей степени данное положение применимо к области экономического взаимодействия, в рамках которого реализуется сотрудничество компаний, локализованных на уровне разных стран. В современных условиях нередким явлением становится найм иностранных специалистов, реализация международных организаций экономического, культурного, политического, информационного плана. Еще одна область реализации коммуникативных контактов между представителями разных стран возникает в рамках образовательной среды, а также на уровне сферы научной коммуникации, для которой открытость информации об исследовательских разработках является одним из важных условий эффективного продвижения исследовательского процесса. Общим для всех указанных примеров становится то, что современные общественные институты зачастую функционируют на международном уровне, либо возникают ситуации профессиональной миграции, в рамках которой специалисты в определенной области переезжают в другую страну в результате осуществления трудоустройства¹.

В условиях, когда профессиональная деятельность нередко оказывается сопряжена с взаимодействием людей, относящихся по происхождению к разным странам, говорящих на разных языках и выступающих носителями различных культурных традиций, проблема коммуникативного взаимодействия в рамках иноязычной профессиональной коммуникации приобретает высокую степень актуальности. Настоящая статья посвящена исследованию данного вопроса

¹ Толаметова З.А., Хошимов П.З. Особенности международной трудовой миграции // Экономика и финансы (Узбекистан). 2019. № 3. – С. 34–42.

и, в частности, определению основных принципов реализации иноязычной коммуникации в профессиональной сфере, а также проблем, которые в данной ситуации возникают.

Для начала следует охарактеризовать такой аспект, как сущность и особенности профессиональной коммуникации. В данном случае речь идет об осуществлении речевого (а также текстового) взаимодействия, обусловленного институциональными особенностями профессиональной сферы, в рамках которой разворачивается коммуникативный акт. Институциональный аспект взаимодействия в данном случае является одним из важнейших факторов, поскольку он задает:

- общее смысловое поле, в рамках которого осуществляется коммуникативная деятельность;
- совокупность функциональных потребностей и задач участников коммуникативной деятельности;
- набор специфических лексических единиц, используемых представителями конкретной профессии;
- элемент формализации взаимодействия, связанный с институциональными особенностями конкретной профессиональной среды.

Рассмотрим каждый из обозначенных аспектов более подробно. Прежде всего следует обратиться к такому вопросу, как специфика общего смыслового поля, в рамках которого осуществляется профессиональная коммуникация. В него входит следующее:

- объект профессиональной активности;
 - совокупность инструментов и методов воздействия на объект профессиональной активности;
 - совокупность значимых качеств и вариативных характеристик объекта деятельности;
 - общая и специальная теория, определяющая знание профессии.
- Последнее включает в себя теоретические знания, используемые в процессе профессиональной деятельности, специфическую терминологию и т. д. В качестве примера можно привести область строительной деятельности, в рамках которой знание характеристик материалов, разновидностей агрессивных внешних воздействий, которые необходимо учитывать, норм и технологий строительства – все это представляет теоретические знания, которые в совокупности определяют профессиональную компетентность работника.

Что касается функциональных потребностей и задач участников профессиональной деятельности, следует отметить, что они носят институционально обусловленный характер и, следовательно, не зависят от их языковой, этнической, культурной принадлежности. Исключение составляют профессиональные сферы, имеющие непосредственное отношение к культурной тематике, а также ситуации, в рамках которых осуществление определенных профессиональных функций

регламентируется локальными обычаями, нормами морали и правовыми установлениями.

Моменты формализации взаимодействия в профессиональной среде также имеют универсальный характер. Наибольшую сложность в рамках установления профессиональной коммуникации представляет терминологический аспект коммуникативного взаимодействия, причем речь идет не столько о языковом барьере, сколько о совокупности устойчивых неформальных терминов и фразеологизмов, формирующихся в профессиональной среде локального общества и с трудом подлежащих изучению для представителей иного языка и культуры. Следует отметить, что профессиональный жаргон – развитое и широко распространенное в профессиональной среде явление¹, что определяет, в том числе, сложности в международной профессиональной коммуникации.

Рассматривая влияние менталитета на осуществление профессиональной деятельности и, в частности, сложности, которые могут возникнуть у представителя другого локального общества при включении в иностранную профессиональную среду, следует отметить значимость такого аспекта трудовой деятельности, как трудовой этос. Трудовая культура определяет моменты отношения к профессиональной деятельности, способы расстановки приоритетов в ее осуществлении, мотивирующие факторы, основы взаимодействия с коллегами и т. д.² Причем, если институционально определенные аспекты профессиональной деятельности могут иметь формализованный и, соответственно, универсальный характер, то неформальные аспекты взаимодействия, а также способы формирования и определения социального статуса в профессиональной среде могут существенным образом отличаться, что может стать серьезным основанием для нарушения взаимодействия работников в коллективе. В частности, речь идет о моментах индивидуальных и коллективных ценностей, которые в различных обществах имеют разную представленность, а также о негласных традициях, нарушение которых может повлечь за собой неприятие работника в коллективе. В качестве примера можно взять такой момент рабочего взаимодействия, как взаимовыручка в профессиональной среде: в рамках обществ, ориентированных на индивидуалистические ценности, выполнение трудовых обязанностей другого человека, равно как и помощь ему, может быть рассмотрено как непрактичное, неразумное поведение, препятствующее достижению личного успеха. В свою очередь, в

¹ Минаева В.В. Особенности и сферы функционирования профессионального жаргона (на материале английского языка) // Вестник МГУКИ. 2014. № 6 (62). – С. 251–254.

² Шаталова Н.И. Культура в трудовом поведении работника // Дискуссия. 2014. № 7 (48). – С. 94–102.

социальной среде, в которой преобладают коллективные ценности, карьеризм может стать одной из причин негативной оценки работника коллективом, что в дальнейшем может сказаться на характере его взаимодействия в профессиональной среде.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в современных условиях выстраивание рабочих отношений в профессиональной среде (при условии сотрудничества носителей разных языков и разных культур) существует стабильный институционально определенный аспект профессионального взаимодействия, который делает возможным его эффективное осуществление носителями разных языков и культур, а также вариативный неформальный аспект трудовой деятельности, выраженный на уровне специфического неформального профессионального языка, а также культурных предпосылок выстраивания неформальных отношений в профессиональной среде. Последнее представляет основание для возникновения сложностей понимания и, в том числе – нарушения характера взаимодействия в коллективе.

Литература

1. Минаева В.В. Особенности и сферы функционирования профессионального жаргона (на материале английского языка) // Вестник МГУКИ. 2014. № 6 (62). – С. 251–254.

2. Толаметова З.А., Хошимов П.З. Особенности международной трудовой миграции // Экономика и финансы (Узбекистан). 2019. № 3. – С. 34–42.

3. Шаталова Н.И. Культура в трудовом поведении работника // Дискуссия. 2014. № 7 (48). – С. 94–102.

Лапсарь Маргарита Владимировна,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О ПАРАДИГМАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Существуют три основных подхода к решению вопроса о парадигмальности социально-гуманитарных наук. Первый подход предполагает, что в социально-гуманитарном познании существует единая парадигма, адекватным образом выражающая его природу. Как правило, сторонники монистического решения проблемы парадигмальности социального познания являются радикальными сторонниками либо натуралистической, либо гуманистической программ развития социально-гуманитарного знания. При этом правомерность реализации какой-либо иной программы рассматривается ими либо как посягательство на научность, либо как искажение природы познаваемого предмета. В противоположность монистам, представители дуалистического подхода к решению данной проблемы полагают, что в социально-гуманитарном познании в целом, и в социальном познании в частности сосуществуют две основных парадигмы – натуралистическая и гуманистическая, которые находятся в диалектическом единстве. Наконец, плюралистический подход настаивает на наличии в социальном познании нескольких парадигм, соответствующих основным направлениям теоретико-социологической и социально-философской мысли. Каждый из указанных подходов к решению проблемы парадигмальности социального познания накладывает свой отпечаток на процесс теоретико-методологического конструирования жизненных стратегий человека.

Так, монистический подход признавая истинность только одной парадигмы социального познания, полагает, что существует какой-либо одна адекватная предмету исследования теоретико-методологическая база рассмотрения процессов планирования и реализации человеком. При этом какая-либо иная программа исследования жизненных стратегий отвергается. Сильной стороной монистического подхода к конструированию концепций и моделей планирования и поведения человека в социальном пространстве является то, что ему удается создать

теоретическую конструкцию способную рассмотреть исследуемый процесс, через призму определенного принципа, позволяющего зафиксировать тот или иной срез социальной реальности или общественного сознания. Закономерно, что слабой стороной данного варианта решения проблемы парадигмальности заключается в том, что предлагаемый им образ жизненной стратегии не способен отразить все важнейшие аспекты исследуемого феномена.

В свою очередь представители дуалистического подхода, создавая теоретические конструкции жизненных стратегий на базе определенной парадигмы, учитывают при составлении собственной программы исследования, достижения представителей противоположного направления. Поэтому можно утверждать, что в теоретико-методологическом отношении дуалистический подход к решению проблемы парадигмальности социального познания является более открытым. Сильной стороной данного подхода служит сочетание теоретико-методологической строгости в процессе проведения исследования в сочетании с отказом от догматизма. Данное обстоятельство позволяет с одной стороны зафиксировать специфику той или иной методологии исследования процесса конструирования и реализации человеком своих жизненных планов, а с другой – выявить ее смысловые границы. Среди слабых сторон дуалистического подхода к решению проблемы парадигмальности социального познания, имеющих прямое отношение к исследованию процессам создания и реализации человеком жизненных стратегий следует отнести невозможность использования методологических приемов противоположной парадигмы, поскольку это не минуемо привело бы к отклонению от собственных теоретико-методологических установок.

Плюралистический подход к решению проблемы парадигмальности рассматривает различные теоретические концепции жизненных стратегий человека в контексте их принадлежности к основным направлениям социального познания. Данное обстоятельство позволяет с одной стороны осуществить анализ всех основных аспектов исследуемого феномена, а с другой особо остро ставит вопрос о создании целостного образа жизненной стратегии. Наиболее приемлемой формой решения данного вопроса служит создание не содержательной, а структурно-функциональной модели жизненной стратегии человека. Такая модель должна выявить общие черты характерные для любых концепций процессов планирования и реализации человеком своего поведения в социальном пространстве.

На наш взгляд из всех способов решения проблемы парадигмальности социального познания именно плюралистический способ представляется для исследования выбранной темы исследования наиболее перспективным. Во-первых, это связано с тем, что

плюралистический подход в большей степени, нежели другие подходы к решению проблемы парадигмальности, позволяет исследовать и систематизировать основные достижения теоретико-методологической мысли социального познания в выбранной области. Во-вторых, с его помощью становится возможным фиксация не только содержания различных социально-психологических, социологических и социально-философских подходов к исследованию феноменов планирования и реализации жизненных стратегий человека, но и сохранение их теоретико-методологической специфики.

В-третьих, плюралистический подход позволяет рассмотреть понятие жизненной стратегии в качестве категории социального познания, находящую свое применение во всех основных направлениях социального познания. В-четвертых, идея полипарадигмальности одновременно объединяет две другие характерные черты социального познания – конструктивность и аксиологичность, а с другой, выражает плюрализм социального и теоретического конструирования и реализации жизненных стратегий человека. В-пятых, признание полипарадигмальности социального познания неразрывным образом связано рефлексией данной отрасли науки, т. е. с осознанием ею своей специфики своего характера и отношения к предметности. Это позволяет теоретическому конструированию жизненных стратегий человека не только исследовать и создавать идеальные модели рассматриваемого феномена, но и определять и их место в структуре познавательной деятельности в целом.

По нашему мнению, полипарадигмальность является важнейшей чертой социального познания, вбирающую в себя все его остальные характеристики – синтетичность, конструктивность, аксиологичность. И действительно, в социальном познании нельзя выделить чисто научные парадигмы, которые бы не заключали в себе значительной философской составляющей. В свою очередь конструктивность предмета социального познания предполагает наличие определенных способов конструирования, которые и представляют собой важнейшую составляющую парадигм. Наконец, аксиологический плюрализм социального познания, представляет собой основание для его полипарадигмальности. Признание полипарадигмальности важнейшей чертой социального познания, а также непосредственное воздействие данного гносеологического феномена на процесс конструирования жизненных стратегий человека, позволяют рассмотреть его в качестве отправной точки исследования процесса планирования и реализации человеком своих социально значимых целей.¹

Теперь необходимо представить целостную программу предстоящего исследования. По нашему мнению, такая программа должна

¹ Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером // Избранное: Трудная свобода. М.: РОСПЭН. 2004. С. 235.

быть разделена на три основных этапа: метатеоретический, теоретический и эмпирический. На первом, метатеоретическом этапе решается проблема соотношения философского и научного знания в предстоящем исследовании, а также раскрывается характер исследования и формулируется отношение к исследуемой предметности. На втором, теоретическом этапе происходит конструирование идеальных моделей исследуемого процесса, и выявляются основные закономерности или тенденции его развития. На заключительном, эмпирическом этапе исследования происходит подтверждение выводов теоретического конструирования эмпирическим материалом. Теперь рассмотрим содержание данных этапов.

Метатеоретический этап исследования жизненных стратегий предполагает, признание того факта, что полноценный теоретический анализ процесса планирования и реализации человеком своих социально значимых целей предполагает скрытую или осознанную постановку о смысле человеческого существования в целом, а потому предполагает понимание социального познания синтез научной и философской методологии. В свою очередь научно-философский характер исследования предполагает отказ от дескриптивного рассмотрения жизненных стратегий. Рефлексивная природа философского знания требует исследователя определения отношения используемых им теоретико-методологических средств познания к реальному процессу планирования людьми своего поведения в повседневной жизни. По этой причине рассмотрению жизненных стратегий человека должно предшествовать строгая фиксация идеальных конструкций, с помощью которых оно осуществляется. Такой же кротеоретической конструкцией в исследовании социального поведения человека должны быть признаны парадигмы социального познания. В данном случае парадигмы социального познания являются метатеоретическими конструкциями т. е. они направлены на установление связей между различными научными и философскими конструкциями исследующими и осмысляющими поведение человека в социуме. Благодаря этому удастся представить конструирование жизненных стратегий в качестве процесса, обусловленного логикой развития идеальных конструкций более высокой степени общности. И действительно, парадигмы социального познания, будучи формой проявления способов научно-философского мышления в сфере исследования общества, интегрируют теории жизненных стратегий человека в определенные системы рационального мировоззрения. К числу таких предельно-общих мировоззренческих систем следует отнести две формы идеализма, натурализм и реализм.

Каждая из указанных форм мировоззрения представляет собой постоянно развивающуюся идеальную структуру, стремящуюся к постижению всех сфер и аспектов реальности, к разработке предельно

точной теоретико-методологической базы познания и ответу на все социальные и мировоззренческие вопросы. Естественно, что в каждой из парадигм предлагаются свои решения онтологических, гносеологических, социальных и антропологических проблем. Наличие различных интерпретаций природно-социальной реальности с одной стороны, позволяет совершенствовать процесс познания, а с другой отражает свободу человека в выборе социально значимой модели поведения.

Особо следует подчеркнуть, что в процессе исследования жизненных стратегий парадигмы социального познания рассматриваются не как социальные феномены – реальные научно-философские сообщества разделяющие единство взглядов по целому комплексу проблем, а как теоретико-методологический конструкт позволяющий выявить общую направленность мысли характерную для представителей различных эпох, философских и научных школ. Таким образом, понятие «парадигмы социального познания» используемые в процессе исследования жизненных стратегий человека следует рассматривать в строго методологическом значении. Данное обстоятельство потребовало на теоретическом этапе исследования жизненных стратегий разработать особого рода метод – метод парадигмального анализа.

Разработка и применение метода парадигмального анализа представляет собой важнейшую составляющую теоретического этапа исследования жизненных стратегий. Основными задачами теоретического этапа являются: во-первых, создание идеальных моделей способных раскрыть общие и специфические черты различных концепций планирования и реализации человеком своих социально значимых целей, а во-вторых, конструирование предмета исследования – категории «жизненная стратегия». При этом методологические и предметологические конструкции теоретического уровня исследования по степени общности значительно уступают метатеоретическим конструкциям.

Так, на метатеоретическом уровне находят применение такие понятия как парадигмы рационального познания и парадигмы социального познания. В противоположность этому на теоретическом уровне исследования жизненных стратегий необходимо создать конструкции раскрывающие условия формирования того или иного отношения к социальной реальности. В качестве такой конструкции могут быть признано понятие «парадигмы социальной онтологии», генетически связанное с категориями «парадигмы рационального познания» и «парадигмы социального познания». Рассмотрение понятия парадигм социальной онтологии в качестве идеальной модели через призму, которой возможен анализ способов объяснения выбора человеком социально значимых целей своего поведения и средств их реализации, объясняется тем, что планирование человеком своей жизни невозможно вне определенного представления о характере социального мира. В свою

очередь, определенный образ мира, как в повседневном, так и в теоретико-методологическом плане неразрывно связан с тем или иным решением важнейших онтологических и гносеологических вопросов. Таким образом, парадигмы социальной онтологии с одной стороны, раскрывают процесс объяснения поведения человека в контексте предельно общих мировоззренческих и теоретико-методологических проблем, а с другой позволяют выявить эмпирические причины того или иного поведения, связанные с обобщением и осмыслением коллективного и индивидуального социального опыта.

Непосредственным предметом применения метода парадигмального анализа служит категория «жизненная стратегия», которая призвана раскрыть цели и характер человеческого поведения исходя из обнаружения связей различных понятий, описывающих поведение человека в социальном мире с пониманием характера социальной реальности и бытия в целом. Парадигмальный анализ категории жизненная стратегия должен включать в себя следующие пять этапов.

На первом этапе осуществляется раскрытие природы социального бытия, характерное для той или иной парадигмы социальной онтологии. Необходимость данной методологической процедуры объясняется тем, что каждая социально-онтологическая парадигма: во-первых, предлагает собственное решение проблемы соотношения части и целого, а во-вторых, исходит из специфического понимания сущности социальных процессов и явлений. Данные обстоятельства непосредственным образом влияют на определение характера и целей поведения человека в социальном пространстве. Например, для планирования человеком своего поведения в социальном пространстве большое значение имеет то, каким образом он мыслит общество, как совокупность индивидов или как целое, проявляющее себя в деятельности отдельных людей. Не менее важно и понимание характера общества, последнее может мылиться и как идеальное и как материальное начало, каждый из выбранных вариантов окажет прямое воздействие на выбор целей и методов поведения индивида или социальной группы в социуме.

На втором этапе применения метода парадигмального анализа, осуществляется определение приоритетной формы отношения индивида или социальной группы к нему социально ориентированного сознания. Можно выделить три основных формы отношения человека к социальной реальности ее поддержание, преобразование и разрушение. В зависимости от выбора какой-либо одной из указанных установок, индивид или социальная группа, формулируют свои конкретные социально значимые цели. При этом каждая парадигма социальной онтологии предлагает свою интерпретацию конформизма, реформизма и революционности. Метод парадигмального анализа как раз и позволяет зафиксировать многообразие подходов к объяснению причин выбора той или иной линии социального поведения.

На третьей стадии применения парадигмального метода к анализу жизненной стратегии происходит выявление сущности человека, которое происходит посредством раскрытия специфики объяснения в той или иной парадигме механизма выбора индивидом или социальной группой конкретных целей и моделей поведения. Например, Маркс как представитель натуралистической парадигмы социального познания полагает, что человек имеет социально-биологическую природу, что проявляется в том, что вся система его поведения, включая его причины и цели, носит социально-экономический характер. В противоположность этому, Вебер защищая принципы субъективно-идеалистической парадигмы настаивал, что сознание имеет в поведении человека имеет определяющее значение, поскольку выбор им ценностных ориентиров обуславливает его отношение к социально-экономическому миру. Поэтому Вебер полагал, что человек, прежде всего, идеальное существо.

На четвертом этапе применения метода парадигмального анализа имеет место раскрытие особенностей объяснения механизма реализации человеком своих социально значимых планов в основных парадигмах социальной онтологии. Этот механизм раскрывается путем установление адекватных социальной реальности целей, ценностных ориентиров, а также средств их достижения. Данный этап является завершающим, поскольку на нем обобщаются рекомендации индивиду и социальным группам, даваемые основными направлениями социального познания, касающиеся поведения в современном социальном пространстве. И действительно, каждая теоретически развитая социально-философская или социологическая концепция предлагает собственную модель жизненной стратегии человека, претендующую на адекватность реальным социальным условиям. По этой причине одним из достоинств рассматриваемого метода является то, что он позволяет установить общие большому числу философских и научных концепций выводы.

Если в задачу метода парадигмального анализа входит выявление общих и специфических черт в объяснении выбора и реализации социальных целей в различных концепциях, то в задачу метода теоретического моделирования входит непосредственное конструирование жизненных стратегий. Важнейшими элементами категории жизненная стратегия служат такие понятия как социальное действие, социальное взаимодействие, образ жизни и смысл жизни. Естественно, что соединение данных понятий, имеющих в различных дисциплинах социального познания многочисленные, часто противоположные интерпретации в целостную категорию может быть осуществлено только на основе их структурно-функционального понимания, позволяющего рассмотреть указанные понятия в качестве средств элементов единой конструкции, каждый из которых выполняет определенную роль в поддержании социального целого.

Успешное применение метатеоретических конструкций и теоретических методов в процессе исследования жизненных стратегий невозможно без применения важнейших методов эмпирического познания. Главной особенностью применения эмпирической методологии в данном исследовании следует признать, то, что они применяются не к фактам социальной жизни, а к историко-философскому, историко-социологическому и историко-психологическому материалу. Однако данное обстоятельство не оказывает существенного влияния на применение эмпирических методов, из них наибольший интерес для исследования теорий жизненных стратегий имеют дескриптивный и сравнительно-сопоставительный методы. Если первый позволяет раскрыть различные стороны той или иной концепции или теории реализации человеком своих социально-значимых планов, но второй устанавливает черты сходства и различия имеющие быть между различными пониманиями и объяснениями жизненных стратегий человека.

В целом метатеоретический, теоретический и эмпирический уровни исследования жизненных стратегий следует рассматривать как взаимосвязанные и взаимодополнимые.

Поведение индивида в обществе является одним из традиционных предметов социально-философского и теоретико-социологического познания. Наличие большого числа теоретических подходов, методологических приемов и методов социального познания привело к возникновению большого числа идеальных конструкций призванных выразить сущность данного предмета или раскрыть его различные аспекты. Важнейшими категориями социального познания, раскрывающими специфику поведения человека в обществе, следует признать такие социально философские и социологические понятия, как социальные действия, социальное взаимодействие, и образ жизни. Каждое из перечисленных понятий несет на себе конкретную смысловую нагрузку и связано с определенными теоретико-методологическими установками. Рассмотрим каждую из них более подробно и попытаемся установить их познавательные предназначения и ограничения.

Понятие социального действия представляет собой одно из фундаментальных понятий социологической науки. Ведение данного понятия связано с особым направлением социального познания получившего наименование социального или социологического номинализма. Основная идея данного направления заключается в рассмотрении индивида и совершаемых им социально значимых действий в качестве простейшего элемента социальной реальности. Избрание индивида в качестве формообразующего начала социальной реальности означало признание вторичности по отношению к нему разнообразных социальных предметов, явлений и процессов. Сведение многообразия форм социальной жизни к социальному действию опиралось на

эмпирическую традицию философского и научного познания, которая ставит перед собой задачу исследовать любого рода предметность исходя из фактов и опыта, а не из умозрительных допущений. Стремясь избежать понимание социальной жизни как арены борьбы надындивидуальных, а, следовательно, метафизических сил эмпирическая традиция в целом и социальный номинализм в частности ставит перед собой задачу показать, что социальная реальность формируется человеком и прежде всего рационально действующим человеком.

Подчеркивая принципиальную эмпиричность социального познания и бытия один из крупнейших представителей социального номинализма М. Вебер писал: «Социология рассматривает определенного индивида и его действия как первичную единицу, как “Атом” (Если считать допустимым это само по себе сравнительное сравнение)... Такие понятия как “Государство” “Сообщество” “Феодализм” и т. п. в социологическом понимании означают – если выразить это в общей форме – категории определенных видов совместной деятельности людей и задача социологии заключается в том чтобы свести их к понятному “поведению”, а такое сведение всегда означает только одно – сведение к поведению участвующих к этой деятельности отдельных людей».

Выбор социального действия в качестве исходного момента социального познания и социальной реальности потребовал от М. Вебера и других представителей номинализма обращение к внутреннему миру человека и обнаружения в нем импульсов и мотивов, заставляющих его взаимодействовать с другими индивидами и порождать материальные и духовные предметы. Вместе с тем обращенность социального номинализма к внутреннему миру человека принципиально отличается от интересов к нему со стороны психологии и религии. Первое в лице психоанализа стремится к раскрытию бессознательных причин поведения человека, тогда как вторая в лице теологии дает мистическое объяснение действий индивида как выражения его выбора между светлыми и темными силами действительности, как в реальном, так и в потустороннем мире. В отличие от психологии религии социальный, номинализм обращается не к бессознательному и не к духовному, а, прежде всего, к ценностному началу в человеке. Но при этом он интересуется ни ценностным миром как таковым, а его воздействием на его повседневную жизнь, прежде всего на экономическую, социальную и политическую деятельность человека.

Литература

1. Левинас Э. Открывая существование с Гуссерлем и Хайдеггером // Избранное: Трудная свобода. М.: РОСПЭН, 2004.
2. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб., Наука, 2003.

Плотников Валерий Валерьевич,
доцент кафедры философии
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат философских наук

МИФ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ПЛАТОНА

Космогоническая мифология является неотъемлемым компонентом раннего этапа развития антично-греческой культуры. Греческая мифология выполняла сложный комплекс функций, но в первую очередь способствовала репрезентации культурного наследия, выступала в роли живой традиции и обеспечивала относительное единство и преемственность мировоззрения. Молодое поколение воспитывалось на классических мифологических сюжетах и воспринимало базовые модели поведения. В античной культуре миф обнаруживает себя еще и в качестве особого жанра в искусстве и повседневной коммуникации. Таким образом, можно говорить о формировании общего мировоззренческого контекста восприятия реальности, посредством приобщения к относительно единому мифологическому наследию.

Богатство греческой мифологии и многообразие форм ее проявления определяют необходимость конкретизации способов ее исследования. Прежде всего, встает вопрос о разграничении понятий «миф» и «мифология». Известно, что в ряде случаев они взаимозаменяемы, то есть выступают в роли синонимов, однако подобная не критичность исчезает, по мере дифференциации предмета исследования и возникновении необходимости проведения терминологического различия между формой сознания, относящейся к мифу, с одной стороны, и феноменом мифа, с другой. Понятие «миф» происходит от греческого «μῦθος», что означает речь, слово, сказание, предание. Миф обнаруживает сходство с историческим повествованием, но в отличие от истории (ἱστορία – «исследование, знание, история») менее конкретен: свободен от требования фактичности и от хронологической определенности. Это позволяет вести речь о таких событиях, которые выходят за пределы обозримой истории, а также о событиях, имеющих вневременной статус (это, прежде всего парадокс космогонической мифологии: время вне космоса не мыслится, но космос возникает). Понятие «мифология» содержит в себе корень «λόγος», слово, высказывание, рассуждение,

учение, основание, мера¹. Это уже позволяет говорить о более высокой степени опредмеченности мифа, его осознанности, выраженности в культуре, благодаря которой открывается перспектива выхода за пределы мифа как способа отношения к миру и формирования какого-либо отношения к самому мифу. Таким образом, за понятием «миф» закрепляется значение сказания, предания, а также формы сознания, для которой сказание и предание выступает в качестве самой реальности. Мифология – это сказание и предание, воспринятое с позиции логоса – более высокой рациональной формы сознания. Поэтому мифология предполагает уже некоторую целостность и системность в мифе. Таким образом, мифология какой-либо культуры – это комплекс мифов, как культурологический факт, а также сама содержание, некоторая идея, положенная в основание этих мифов.

Однако особый культурологический статус миф как форма отношения к реальности, воплощенная в мифологии, приобретает в контексте мифогенной концепции возникновения философского познания. Согласно этому взгляду, философия возникает на основании мифологии, является формой развития и конкретизации мифологического содержания². Эта концепция базируется на диалектическом подходе к культуре, усматривающем некое единство в преемственности сменяющихся друг друга форм общественного сознания. Миф, как одна из таких форм, зарождается в глубокой архаике, претерпевает развитие, и требует своего преодоления. По мере своего развития миф становится мифологией и дает отправную точку для рационального теоретического отношения к миру.

Переход «от мифа к Логосу», таким образом, проходит через мифологическую стадию. Мифология формируется благодаря выразительной силе искусства. Существенную роль в опредмечивании мифа в античной культуре сыграла эпическая поэзия, которая, по сути, дает яркое выражение основным и в некотором смысле архетипическим мифологическим сюжетам, а также формирует относительно целостную пока еще мифологическую космологию (космогонию и теогонию). Благодаря этому формируется интерсубъективный контекст для теоретического осмысления мифологической картины мира: размышление о космосе, о богах, о первоначале всего сущего одного из мыслителей способно находить отклик в сознании других мыслителей в силу единства

¹ Доброхотов А.Л., Можейко М.А. Логос / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 22.03.2021). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6893>

² Кудряшев А.Ф., Потапова С.В. Мифогенная концепция философии и ее альтернативы // Вестник МГУКИ. 2008. № 1. С. 20–24.

предметной сферы, поскольку она доступна и может быть выражена приемами искусства¹.

В античной культуре на ранних этапах развития философии наблюдается специфическая жанровая трансформация – меняется способ изложения философских воззрений. Данный переход был реализован в историческом промежутке между феноменом «семи мудрецов» и антропологическим поворотом в философии (Сократ, софисты). Первая философия в общих чертах созвучна с мифологией, основные идеи излагаются некритически, а их убедительность напрямую связана с авторитетом мыслителя. Авторитарный способ изложения философских интуиций характерен для милетской школы, пифагорейцев, Гераклита Эфесского, элеатов.

В оформлении общей позиции, ориентированной на преодоление мифологической формы познания существенную роль сыграл ряд фундаментальных философских идей. Это, прежде всего идея единства всего сущего, по принципу первоначала, или принципу бытия, послужившая онтологическим основанием концепции единства знания о мире. Теоретический принцип единства знания о мире сталкивается с фактической ситуацией множества мнений. Критическое отношение к мнению, как форме отображения и выражения реальности закрепляется в концепции противопоставления истины и мнения.

Критическое отношение к мифам характерно для многих представителей античной философии. Как таковая критика мифологии проявляется в таких аспектах как опредмечивание мифа в качестве мифа, в проведении общей для всей ранней греческой философии концепции разграничения истины и мнения, в критике Гомера и Гесиода, как выразителей античной мифологической картины мира.

Критика мифологической картины мира, и мифологической достоверности вообще, выходит на новый уровень в период деятельности Сократа и старших софистов. В центре внимания философии того периода находятся категории знания и добродетели. Критическое отношение к знанию, радикальное противопоставление истины и мнения и сократическая скромность с одной стороны, а также утверждение принципа человекоразмерности знания и принципа относительности истины у софистов, с другой, неминуемо сказывается на эпистемологическом статусе мифа.

Отсюда можно сделать вывод о том, что к периоду творчества Платона античная мифология в достаточной мере опредметила себя в культуре, вследствие чего в философии укрепилось опосредованное

¹ Васильева А.С. Фиксация онтологической иерархии в древнегреческом эпосе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 913–924.

скептическое отношение к ней. Философский скепсис к мифологическим сюжетам, однако, еще не означал десакрализацию мифа в культуре, что нередко трагически сказывалось на судьбе самих философов. Далее, можно предположить, что в философии Платона реализовано достаточно зрелое и осознанное отношение к мифу, которое можно назвать инструментальным. При таком ракурсе известная «мифологичность» философии Платона (в сравнении с аналитическими философскими трактатами Аристотеля) может быть понята не как следствие погружение в культуру своего времени и некоторая недоработка философской рефлексии, и даже не как жанровый прием философствования, сформировавшийся случайным образом, а как особая методология воздействия на аудиторию, реализованная сознательно.

Обозначенный способ прочтения платоновской философии, на наш взгляд, предполагает специальное рассмотрение мировоззренческой и познавательной функции мифа. Здесь следует отметить, что в древних культурах миф обнаруживает себя как дорефлексивную форму приобщения к идеальным объектам. В платоновской же философии особую роль играет проблема познавательного перехода от чувственно-воспринимаемой конкретной реальности к сверхчувственному миру идей. Концепция «знание – есть припоминание» (кстати, тоже выраженная при помощи мифа об опыте встречи души с миром идей до рождения человека) в сухом остатке означает, что рациональное познание идей на основании изучения конкретного мира (мира вещей) возможно только в том случае если душа их уже знает. Но знание это является смутным и дремлющим, что, по меньшей мере, странно. Если допустить вслед за Платоном, что чувственный опыт аффецирует воспоминание о сверхчувственных идеях, то это означало бы, что воспоминание об идеях еще не обладают самостоятельной силой, для того чтобы актуализироваться в сознании. Можно предположить, что дело не в степени присутствия идеи в содержании познания (поскольку в изначальном воспоминании идея присутствует в большей степени, нежели в отражении воспринятой посредством опыта вещи или ситуации, которая побуждает вспомнить саму идею), а в некотором ином принципе. Также, навряд ли можно допустить, что опыт сам по себе дает толчок к познанию, поскольку это означало бы признание за материальным миром активного начала, или наряду с идеальным, или даже в противовес ему. Подобные взгляды присутствуют в шопенгауэровском прочтении Платона, а также при описании соотношения идеального бытия и воли у Шелера¹, например, но в контексте платоновской философии активная сила сохраняется за идеями. Скорее речь идет о том, что при помощи опыта и размышления мы познаем идеи в другом отношении, нежели при непосредственной встрече

¹ Шелер М. Избранные произведения. – М., Гнозис, 1994. С. 165.

с ними. Таким образом, важно то, что мы знаем идеи дважды и в различных отношениях, при этом осознавая единство общего содержания познания. При таком подходе обнаруживается, что познание идей предполагает единство непосредственного и опосредованного знания. Но непосредственной формой сознания реальности является миф, и через миф тоже возможно приобщение к идеальным объектам. Непосредственность мифа, его неосознанность здесь является не недостатком, а достоинством, благодаря которому возможно формирование некоторого знакомства с идеями, подобного тому, что возникает при встрече души с идеей до рождения. Развивая данное предположение, можно сделать вывод, что миф является необходимым этапом познания идеального бытия. Не является ли миф о душе, знавшей идеи до рождения, метафорой? Рождение будет соответствовать возникновению самосознания и рационального познавательного отношения к действительности, до которого существует длительный этап непосредственного приобщения к реальности посредством мифа.

Исследование мифа как специфической формы реальности и приобщения к ней предполагает соотнесение мифологической реальности и мифологического сознания. Здесь не ставится вопрос о соотношении субъекта и объекта, поскольку подобная дихотомия свидетельствует о некоторой, относительно устойчивой линии демаркации между ними. Скорее речь идет о соотношении содержания мифологической реальности и той формы, которую ей придает сознание. В этом смысле возможны две противоположные позиции на то, что такое миф по своему существу, которые следует учитывать. Первая, назовем ее «формальной» позицией абсолютизирует роль мифологического сознания. Здесь «мифологичность» мифа заключается не в содержании повествования, не в особенностях объектов и событий мифологической реальности, а в специфической форме функционирования субъекта. То есть все дело именно в носителе мифологического сознания, его настройке, а не в той предметности, которую он воспроизводит. Вторая, «содержательная» позиция склонна усматривать природу мифа в специфике самих мифологических объектов, которые вводятся в нашу картину мира, каким-то образом обходя критическое рациональное восприятие (в раннем возрасте, через искусство, через практику повседневности и т. д.). Снятие односторонности формальной и содержательной трактовки мифа мы находим в диалектике мифа А. Ф. Лосева. Одно из финальных определений мифа звучит так: «миф есть в словах данная чудесная личностная история»¹. Таким образом, в мифе присутствует единство реальности и отношения к ней. Лосев описывает миф как дорефлексивную форму общественного сознания. Отсутствие рефлексии объясняется тем,

¹ Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. С. 169.

что здесь еще нет индивидуального сознания, миф существует в первую очередь по отношению к родовому субъекту. Человек потому не способен осознать миф, что он еще не обладает самосознанием, он не единичный субъект, а часть родового. Только высвобождение единичного субъекта, а также его кардинальное перестроение открывает дорогу для преодоления мифа. Существенную роль в этом играет формирование философии как формы сознания.

Эта концепция получает развитие и трансформацию. Если в радикальной версии речь идет о культурно-историческом событии, где миф как форма сознания сменяется философией и наукой (от мифа к Логосу), то более осторожный взгляд склонен усматривать сосуществование в культуре всех форм сознания, в том числе и мифа. Неискоренимость мифа, налично присутствующая в культуре, а также концепт дорефлексивности мифологического сознания, и надындивидуальной (родовой) субъектности мифа указывает на то, что «мифологичность мифа» коренится в его непосредственности. То есть базовый слой субъекта – это не декартовское «когито», или кантианское единство апперцепции, а непосредственное продуктивное, надындивидуальное мироощущение, та общая почва, из которой произрастает субъективность, в том числе, принимающая индивидуализированную форму. Одним из перспективных направлений развития формальной концепции мифа является аналитика языковой структуры мифологического отражения действительности. Здесь речь идет об исследовании коммуникативных принципов, реализуемых на уровне родового мифологического субъекта, а также о языковых механизмах репрезентации мифа в культуре.

Интерпретация мифа, с позиции его содержания допускает выход на уровень онтологической и гносеологической проблематики, поскольку речь идет уже не о специфике отражения (преломления) реальности, а о специфике самой реальности, которая раскрывается, в том числе и в мифе. На каком уровне сознания открывается объективная реальность, и открывается ли вообще – вопрос открытый. Но именно этот вопрос, а вернее проект ответа на него, репрезентируемый в культуре, становится основанием оценки мифа по критерию достоверности отражения действительности. В целом, общий диапазон определения онтологического статуса мифа простирается от оценки в качестве продукта культуросозидающей деятельности человечества, до понимания мифа в качестве формы трансценденции, где через миф, на непосредственном уровне открываются метафизические объекты. С последним вариантом частично согласуется символическая концепция мифа. Предельная онтологизация этого подхода приводит к пониманию особой роли мифа в контексте разграничения сакрального и прафанного бытия. Согласно концепции дихотомии сакрального и прафанного времени (Кесседи),

мифологические события существуют на уровне сакрального времени, в качестве матрицы исторической действительности¹. То есть это вечные сюжеты, и в этом смысле их существование диалектично. С одной стороны, описываемых событий фактически никогда не было, если под их существованием понимать историческое существование, привязанное к конкретной эпохе, конкретной культуре и конкретным историческим лицам. С другой стороны, они существуют идеально, а идеальное бытие носит более высокий онтологический статус, нежели бытие временное, изменчивое². В этом смысле мифологические события обладают неисчерпаемым репрезентативным потенциалом, они воплощаются, в том числе и в исторической реальности. Это значит, что только они и существуют в действительности, в отличие от временного и изменчивого существования случайных событий. Поэтому вопрос о реальности мифа, рассматриваемый в данном контексте, упирается в вопрос онтологического статуса идеального бытия.

Неслучайно, на наш взгляд, то, что миф выступает в качестве одного из важнейших выразительных приемов у виднейшего представителя идеалистической философии – Платона. Через Платона мы знаем «миф об Атлантиде», «миф об андрогинах», а для того чтобы по аналогии привести к пониманию соотношения мира идей и мира вещей Платон приводит «миф о пещере». Также следует указать на то, что космологическая концепция у Платона излагается в диалоге Тимей в качестве «правдоподобного мифа».

Следует обратить внимание на то, что впервые о мифе как воспитательной, и вместе с тем образовательной технологии начинает говорить именно Платон. В диалоге «Государство» философ проводит мысль о необходимости введения особой цензуры на мифы, поскольку они влияют на нравственное воспитание молодого поколения³. Рассуждение о том, какие мифологические сюжеты следует исключить, какие оставить, а какие добавить является прямым свидетельством десакрализации мифа, как минимум в системе мировосприятия самого Платона. Вместе с тем, речь вовсе не идет об устранении мифологического знания (как, например, у Ф. Бекона в его «теории идолов»). Но Платон четко указывает целевую аудиторию мифов – это дети и юноши.

Интерес, в данном случае представляет и то, как использует миф сам Платон. Следует обратить внимание на общее основание между мифами, используемыми Платоном в своих диалогах, и общей формой изложения

¹ Мартысюк П.Г. Характерные черты мифологического хронотопа в свете становления циклической парадигмы культуры // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (20). С. 86–100.

² Плотников В.В. Философия времени как способ осмысления действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 228–229.

³ Платон. Государство. – М.: Издательство АСТ, 2017. С. 92.

идей: это общее основание – событийность. Все мифы, которые здесь фигурируют, излагаются не как наблюдения, выводы, предположения, а как события, вполне конкретные в своей ситуативности, но оторванные от исторической достоверности (пусть они и излагаются в историческом ключе, все же временная дистанция не позволяет судить о них как о реальных фактах). И то же самое можно сказать о самих диалогах: диалоги Платона – это описание событий, главное содержание которых – беседы между философами. Однако сложно установить, имели ли место в реальности те события, которые описаны в платоновских диалогах. Сомнению подлежат не указания на исторические события, а факты встреч различных мыслителей, а также произносимые ими речи. Таким образом, по критерию формальной событийности и отсутствию уверенности в исторической достоверности (равно как и необходимости в ней для обоснования идей Платона), диалоги Платона занимают одну и ту же позицию, что и многочисленные «правдоподобные мифы», воспроизведенные философом.

Таким образом, можно сделать вывод, что философия Платона преодолевает в себе не только мифологичность, свойственную ранней греческой философии, но и радикальное критическое отношение к мифу, характерное для философии Сократа и софистов, и являет собой третью форму соотношения мифологического и философского познания. В этой третьей форме наблюдается особый синтез между философией и мифологией. Миф используется как средство приобщения к философии, то есть как специфическая образовательная технология. Возможно именно поэтому в поздних произведениях, посвященных проектированию совершенного государства, эта идея получает выражение в качестве метода нравственного и интеллектуального воспитания поколений.

Литература

1. Васильева А.С. Фиксация онтологической иерархии в древнегреческом эпосе // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 913–924.
2. Доброхотов А.Л., Можейко М.А. Логос / Гуманитарный портал: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 22.03.2021). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6893>
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
4. Мартысюк П.Г. Характерные черты мифологического хронотопа в свете становления циклической парадигмы культуры // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (20). С. 86–100.

5. Платон. Государство. – М.: Издательство АСТ, 2017. 448 с.
6. Плотников В.В. Философия времени как способ осмысления действительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 1 (32). С. 228–229.
7. Шелер М. Избранные произведения. – М., Гнозис, 1994. – 490 с.

Плотников Владимир Валериевич,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук

Кубякин Евгений Олегович,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко,
доктор социологических наук, доцент

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

В основании представленного исследования лежит, как обобщение исследований по экономике и социальной психологии в рядах вооруженных сил, так и результаты, проведенного опроса среди военнослужащих.

Специфика российского общества такова, что проблема финансовой грамотности все еще является новой для постсоветской ментальности. Крушение СССР, перестройка и последующий капитализм, как «новые правила игры» актуализировали необходимость выживания дотационных групп.

На настоящий момент в российском обществе параллельно существуют как рыночная система экономических взаимоотношений, так и унаследовавшая принципы советской командной экономики – дотационно-патерналистский. Если в рыночной системе, психологически человек готов полагаться на себя, свои силы и возможности, он осознает опасность принимаемых им финансовых решений и по сути ответственен за себя, то в дотационной системе человек полагается на государство, как на источник финансирования и жизнеобеспечения. «Государство должно» – этот принцип становится смыслообразующим вектором для экономических отношений многих представителей российской армии.

Здесь существует как минимум две проблемы. С одной стороны, российские военнослужащие не имеют права заниматься коммерцией, а также работать параллельно со службой в ряде различных сфер деятельности. Следовательно, деньги, которые они получают от

государства, это и есть весь их бюджет, который необходимо распределять на месяц из расчета личных, а зачастую и семейных потребностей. В этой ситуации нехватка финансов подчас заставляет военнослужащих обращаться в кредитные и микрофинансовые организации, что зачастую является основанием личной и социальной катастрофы в масштабах жизни одного человека.

Вторая проблема связана с тем, что большинство военнослужащих не обладают адекватными знаниями о ведении личного или семейного бюджета. Они увлечены службой и не смотря на старания командной системы (семинары и занятия по финансовой грамотности), остаются экономически уязвимыми. Проведенное в 2020-2021 годах исследование о состоянии финансовой грамотности, в рядах российских военнослужащих показало, что присутствуют следующие виды типологических проблемных ситуаций.

Более 50% респондентов признались, что в финансовом плане «очень хорошо себя чувствуют первые несколько дней, после получения зарплаты» и напротив, испытывают финансовые затруднения за неделю до получения зарплаты. Ряд из них заметили, что регулярно обращаются в кредитные организации для пополнения личного или семейного бюджета. На вопрос сколько примерно в месяц уходит на уплату процентов по комиссиям и кредитам, большинство респондентов затруднились ответить или же назвали сумму явно заниженную. Перечисляя необходимые траты и распределяя средний уровень бюджета, большинство респондентов назвали средние суммы, которые каждый месяц уходят на различные расходы (коммунальные платежи, оплата мобильной связи интернета, транспортные расходы, питание, одежда, медицина, сфера досуга и развлечений и прочие расходы). Оказалось, что общая сумма, предлагаемых трат, как правило, в полтора – два раза превышает сумму поступлений, при этом расходы как правило являются неосознанными, ситуативными и не необходимыми.

Обозначенные моменты показывают насколько некоторые военнослужащие являются уязвимыми к финансовым противоречиям. Ситуация усугубляется давлением со стороны социального «сверх я», а также распространенными репрезентативными формами представленности социального успеха.

Согласно статистике, наибольший процент суицидов в рядах военнослужащих происходит по причине невозможности выхода из финансового кризиса.

Обозначенная выше проблема усугубляется следующим фактором: большинство представителей вооруженных сил не ставят перед собой задачу получения финансовой грамотности. Это стало возможным выявить не благодаря вопросам типа «Как часто вы интересуетесь вопросом финансовой грамотности?» или «Насколько часто сами проводят занятия

по финансовой грамотности?» – такие вопросы не дают полной картины о причинах, описанных выше противоречий. Согласно статистике ответов на них, большинство респондентов интересуются повышением финансовой грамотности и регулярно повышают финансовую грамотность на специализированных мероприятиях. При этом, опрошенные по всем признакам относятся к финансово уязвимой группе. Они не способны планировать и рассчитывать бюджет, мысленно тратят одну и ту же сумму денег несколько раз и отдают добрую часть бюджета в кредитные и микрофинансовые организации.

Суть проблемы можно увидеть, задавая специальные вопросы такие, как, например: «Оцените уровень вашей финансовой грамотности», варианты ответов: «выше среднего, средний, ниже среднего», в результате проведенного исследования оказалось, что 71% опрошенных полагает, что их уровень финансовой грамотности является средним, еще 22% – выше среднего, ответ: «ниже среднего» – только 3%, оставшиеся затруднились ответить.

Приведенные данные свидетельствует о том, что для большинства военнослужащих свойственно завышать свои финансовые возможности равно как и возможности адекватно анализировать, планировать бюджет. Завышение собственных возможностей в этой области, это своего рода блок для получения новой актуальной информации. Существенная часть респондентов уверена, что не нуждается в получении новых знаний, но при этом на формальном уровне эти люди присутствуют на проводимых мероприятиях и указывают на регулярное развитие и саморазвитие в указанной области.

В этой связи полагаем, что для работы с повышением финансовой грамотности военнослужащих необходимо привлекать не только экономистов, но и психологов, в силу того, что проблема неспособности повышения финансовой грамотности среди военнослужащих зачастую является, в первую очередь – психологической.

Плотников Владимир Валериевич,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор социологических наук

Слизский Евгений Анатольевич,
старший преподаватель кафедры
Белореченского филиала ФГБОУ
Адыгейский государственный университет

МЕСТО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (С ОПОРОЙ НА АКТУАЛЬНУЮ СИТУАЦИЮ ПО ГОРОДУ КРАСНОДАРУ)

Многонациональность современного государства претерпевает влияние трансформационных процессов глобализирующегося общества. По мнению Ю.А. Узлова, «в модернизирующемся обществе культура этноса превращается из относительно замкнутой, локальной культуры в открытую, где возрастает удельный вес интеграционных элементов, развивающихся толчками в такт глобальной цивилизации. Этнос и его культура становятся все более зависимы от НТР и массовой культуры. В этих условиях этнос уже не способен сохранить изначальную среду и потому начинает осваивать новые, не свойственные ему ранее традиции. В новых исторических условиях само существование этнокультурных ценностей уже проблематично, так как проблематична и сама среда их обитания, и как результат - трансформация этнической культуры, утрата системообразующего фактора»¹.

Отношения между коренным населением Краснодара и приезжими зависят от ряда факторов, вне раскрытия которых какие-либо выводы относительно перспектив взаимодействия между данными группами, существующих проблем и «точек напряженности» будут носить сугубо теоретический характер. Имеют значение как общая социально-политическая обстановка, так и характер социальной определенности обозначенных групп, что осложняется необходимостью освещения помимо межгруппового аспекта также институциональных факторов взаимодействия между коренным населением и мигрантами. Строго говоря, некоторые из тех проблем, которые актуализируются в контексте взаимодействия между коренным населением и приезжими, коренятся не в социальных характеристиках самих представителей обозначенных групп, но в общих условиях существования в городе и тех изменениях, которые

¹ Узлов Ю.А. Этнокультура и ее трансформация в современном мире. Теория и практика общественного развития, (1), 97–101. С. 99.

несет в себе рост его населения (повышение конкуренции, ухудшение дорожного трафика, нехватка инфраструктурных элементов). В этом плане требуется комплексный анализ, учитывающий как социальные характеристики двух основных целевых групп, так и характер актуальных для них проблем. Последнее, будучи объектом коллективного социального дискурса, представляет собой социально-информационное основание для обострения, или, напротив, сглаживания существующих противоречий. Краснодарский край выступает в качестве точки пересечения интересов межэтнического взаимодействия. В некотором смысле, в нашей стране есть несколько регионов, ориентирующих содержание межнациональных отношений в стране.

Если говорить в целом, то на территории Российской Федерации проживает около 190 различных этносов, что делает ее общество не только полиэтничным образованием, но и актуальным для изучения полем, позволяющим исследовать общественные процессы в специфических условиях взаимодействия людей разных менталитетов, рассматривать условия формирования и формы взаимоотношений между представителями разных национальностей, следить за темпами, уровнем и спецификой внутренних миграционных процессов и прогнозировать их возможные последствия. В центре перечисленных аспектов находятся межнациональные отношения, проблема изучения которых всегда была актуальна для России.

Исторический путь развития привел к очень тесному территориальному сожительству народов, имеющих не просто разную культуру и менталитет, но и исповедующих непохожие друг на друга религии, устанавливающие собственные правила поведения в обществе и общения с другими людьми. Данные факторы зачастую приводили к конфликтам и нередко провоцировали стремление одного этноса подавлять культуру другого.

Общество является динамично развивающейся структурой. Если одни народы не испытывают дискомфорта от постепенного преобразования привычных форм своей жизни и готовы к переменам, то другие являются более консервативными и не желают меняться привычные устои существования. Современные процессы и явления лишь усугубляют данную проблему.

К ним можно отнести:

1. Внутреннюю и внешнюю миграцию, которая априори трансформирует принимающее общество вне зависимости от национальности, этнической или гражданской идентичности, культурной принадлежности прибывших.

2. Процессы мировой глобализации основных сфер жизни общества и связанное с этим взаимное проникновение национальных культур друг в друга.

3. Повсеместное распространение идей свободы, толерантности, борьбе за права меньшинств, которое во многих регионах с преобладающим этническим составом консервативного отношения к устоям и традициям воспринимается резко негативно. В то же время в областях, где мы можем наблюдать смешанный национальный состав населения, современные веяния не вызывают столь бурной реакции.

Данные факторы не могли не привести к усложнению диспозиции отношений между различными этническими группами. Они привели к двум противоположным процессам: так мы можем пронаблюдать постепенное дробление национально-культурного пространства в связи с проникновением этнических культур друг в друга и диффузией этнической идентичности, трансформирующейся в гражданское самоопределение. С другой стороны, происходит усиление этничности в поликультурной среде. При том, что наибольшей остроты межнациональные конфликты приобретают на локальном уровне, их последствия имеют глобальный характер, прежде всего, для нашего государства. Межличностные отношения в описанном случае выступают и как источник противоречий, и как возможный инструмент их преодоления. Поэтому и вопросами регулирования межнациональных связей занимается не только государство, но и само общество, общественные институты и местное самоуправление.

Программа реализации Стратегии национальной политики Российской Федерации, принятой в 2012 г., нацелена как на гармонизацию отношений между коренными жителями страны разных национальностей, культур и религиозных взглядов, так и на обеспечение возможностей адаптации и интеграции мигрантов.

Состояние межнациональных отношений является показателем многих аспектов государственной деятельности и общественного регулирования. В частности, уровень и их характер может служить в качестве критерия, используемого при оценке деятельности органов местного самоуправления не только в данном вопросе, но и при принятии решений политического, экономического, социального или культурного характера, так как социум представляет собой сложное формирование. Он испытывает на себе влияние всех сфер общественной жизни, изменяется и развивается под их давлением. Поэтому любое неверно принятое решение может негативно сказаться на взаимоотношениях между представителями разных народов. Далее, как снежный ком, локальный конфликт может приобрести пугающие масштабы.

Для полиэтничного общества наиболее благоприятной будет ситуация развития гражданской идентичности при сохранении культурных особенностей каждого народа. Целесообразным представляется нам оценка доли населения, считающих себя россиянами, а также мониторинг состояния толерантного отношения граждан к представителям другой

религии, культуры или другого менталитета. Таким образом, исследователь сможет видеть динамику изменения общественного мнения, что в свою очередь влияет и на межнациональные отношения как в локальных местностях, так и в масштабе страны. Своевременный и детальный анализ состояния указанного выше критерия позволяет выявлять возможные негативные причины, ликвидировать и прогнозировать отрицательные последствия и в целом совершенствовать механизм урегулирования межнациональных конфликтов.

Мы можем говорить о здоровых межнациональных отношениях, если среди представителей соседствующих народов отсутствуют или сведены к минимуму этнические предрассудки, этнические группы имеют равный гражданский статус и одинаковый объем прав и свобод, которые обеспечиваются и охраняются в равной степени. Отсутствие исторических конфликтов, общность судьбы, долговременное проживание в соседстве друг с другом только способствует развитию нормальных межнациональных отношений.

Данная позиция может показаться некоторым утопической, с чем мы склонны не согласиться, в силу того, что достижение выше указанных критериев вполне возможны при правильно осуществляемой национальной политике государства и заинтересованности в этом местных общественных организаций.

При переходе нашего общества от коммунистического строя к современной России на наше общество оказало серьезное влияние разрушение привычной государственной идеологии, что повлекло трансформацию общественных взаимоотношений. Если население СССР воспринималось людьми как единство представителей различных, не похожих друг на друга народов под общим термином «товарищ», то в 90-е годы популяризацию получило стремление национальных меньшинств к самоопределению и отделению, что неминуемо повлекло за собой конфликты различного рода.

Если большинство из них удалось преодолеть, то сейчас перед государством стоят следующие задачи по развитию и укреплению здоровых межнациональных отношений:

1. Сохранение прочного гражданского мира, взаимопонимания и согласия между народами.

2. Создание благоприятных условий для развития гармоничных межнациональных отношений.

3. Полноправного участие каждого члена общества независимо от национальной и конфессиональной принадлежности в политических, социально-экономических и национально-культурных процессах.

Одним из направлений деятельности органов местного самоуправления является формирование среды позитивного межнационального общения, например, через проведение национальных

праздников и фольклорных фестивалей. В отличие от мегаполисов, где этнические праздники представляют собой один из способов поддержания этнической идентичности и, как правило, не становятся общегородскими, в регионах исторического совместного проживания разных народов национальные праздники привлекают всеобщее внимание. Неслучайно местные органы власти стремятся использовать национальные праздники в целях установления социального согласия и доверия.

Вектор развития ситуации зависит от многих причин, при этом чувство принадлежности, привязанности к местному сообществу – в его психологических, эмоциональных, рациональных аспектах – определяет степень социальной сплоченности¹.

Современное российское сообщество, претерпевая трансформации и реагируя на глобализационные процессы, вырабатывает свои ценности, свои механизмы социального контроля в целях предупреждения конфликтов, сохранения стабильности и развития. Задача государства – учитывать опыт местных сообществ, поддерживать и создавать условия для социального творчества на местах.

Стоит отметить, что Краснодар оценивается как место, уровень качества жизни в котором превышает средние по стране показатели, что объясняет высокий уровень миграции. При этом наблюдается момент напряженности между коренным населением и приезжими, который, однако, на данный момент не характеризуется тотальной представленностью в среде населения г. Краснодар. Одним из важных показателей текущей ситуации является то, что для большинства респондентов имеет значение социальная, а не этническая определенность приезжих, что переводит проблематику из идеологической плоскости в область социального регулирования. Что характерно, коренное население проявляет существенно больший уровень негативной оценки демографических процессов, нежели приезжие. Вместе с тем, тот факт, что для большей части населения проблема миграции не является актуальной «болевым точкой», позволяет совершить гипотезу, согласно которой существуют отдельные социальные группы, представители которых наиболее остро реагируют на рост населения за счет приезжих.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. – 2009. – № 6.
2. Тишков В.А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 3.

¹ Целищев Н.Н. Этнонациональные отношения в России и мире. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – 508 с.

3. Узлов Ю.А. Этнокультура и ее трансформация в современном мире. Теория и практика общественного развития, (1), 97–101.

4. Целищев Н.Н. Этнонациональные отношения в России и мире. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.

Пухно Петр Сергеевич,
доцент кафедры
тактико-специальной подготовки
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Приоритетным направлением кадровой политики министерства внутренних дел Российской Федерации является подготовка грамотного и профессионально подготовленного сотрудника правопорядка. В этом контексте особенно пристальное внимание акцентируется на деятельности образовательных организаций МВД России, учебной, служебной и профессиональной подготовки курсантов как будущих профессионалов своего дела и специалистов своего направления. С нашей точки зрения процесс подготовки курсантов необходимо рассматривать не только в индивидуальном порядке, но и с позиции субъектного подхода к малым группам в психологии. В этой связи мы анализируем социальную и групповую идентичность учебной группы как элемент ее успешности [4, с. 63].

Интерес к проблемам идентичности группы, а также групповой идентичности отражает реакцию современной психологической науки на происходящие в обществе изменения. Поэтому, несомненно, что изучение малых групп, а конкретнее малых учебных групп курсантов, в коих происходит развитие и становление личности, обретение ею ценностей и жизненных ориентиров, позволяющих стать полноценными членами современного общества, представляется нам на сегодняшний момент наиболее актуальным.

Принадлежность к профессиональной группе является для сотрудника ОВД средством социальной идентификации. Профессиональная идентичность проявляется в солидарности и определяет тип профессиональной культуры и профессионального поведения личности. Немаловажным мотивом выступают уровень заработной платы и социальные гарантии [2, с. 61].

Профессиональная идентичность определяется как результат процессов профессионального самоопределения, проявляющийся в

осознании себя представителем определенной профессии, определенная степень отождествления-дифференциации себя с «Делом» и «Другими», проявляющаяся в самоописаниях «Я».

Достижение успеха в профессиональной деятельности зависит от многих факторов, одним из которых является формирование «профессиональной идентичности» личности по отношению к выбранной профессиональной сфере. Также отметим, что отсутствие формирования данного феномена может привести к неблагоприятному для личности синдрому профессионального выгорания, что в значительной степени усугубляет отношение личности к осуществляемой профессиональной деятельности.

Выбор профессии – это значимый шаг для каждого человека. Осознание данного факта, придает людям колоссальную мотивацию для достижения больших успехов в своей профессиональной деятельности. В процессе обучения в высшем образовательном учреждении происходит освоение основ выбранной профессии. Но чтобы стать действительно квалифицированным специалистом, человек должен наработать существенный стаж, получить необходимый практический опыт, который позволяет освоенные в ходе обучения навыки, умения и знания раскрыть и довести до оптимального профессионального результата.

В самом общем смысле под профессиональной идентичностью понимается конгруэнтность профессионально-ментальной позиции относительно компонентов образа профессии и профессиональной Я-концепции. Иначе говоря, «профессиональная идентичность» – осознанная индивидом его принадлежность к профессиональному сообществу по уровню образования, профессиональным компетенциям и профессиональной культуре, а также по его включенности в профессиональную группу, которая отождествляет данного индивида как «своего».

Применительно к профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел феномен профессиональной идентичности рассматривали такие авторы, как Агапов В.С., Цветкова В.Л., Хрусталева Т.А. Они выделяют наличие двух психологических аспектов. Первый аспект – соответствие сотрудника выбранной им профессии: понимание и принятие ее философии, норм, правил; идентификация себя как «своего» среди рабочего коллектива и «Я» как представителя закона; четкое осознание того, какой цели ты служишь, находясь на данном служебном положении. Профессиональное Я – это системное, динамическое личностное образование, внутреннее ядро (самоопределения, самоутверждения, самореализации и самодетерминации), которое проявляется по мере развития самосознания в служебной деятельности. Второй аспект – это творческая отдача своему делу. Данный элемент раскрывается в понятии и принятии того, что: сотрудник обязан выполнять возложенные

обязанности и оперативно решать возникающие вследствие этого задачи; работа может потребовать мобилизацию сил в любое время суток; самопожертвование личных интересов в пользу службы; возможный стресс и состояние неопределенности в связи тяжелой служебной обстановкой; требование нестандартных и творческих решений для возникающих в процессе службы задач [1, с. 321].

В своих трудах Л.Б. Шнейдер говорит о профессиональной идентичности, как о результате процессов профессионального самоопределения, персонализации и самоорганизации, проявляющихся в осознании себя представителем определенной профессии и профессионального сообщества [6, с. 47]. Профессиональная идентичность формирует у индивида положительное отношение к осуществляемой деятельности. Становление данного феномена является фактом того, что сотрудник отчетливо осознает, какие обязанности на него возложены, какие задачи ему предстоит выполнить, и какие последствия несет халатное отношение к ним. В случае отсутствия формирования данного феномена у индивида пропадает желание трудиться в выбранной сфере деятельности, и как следствие, развивать свои навыки. Это, несомненно, влияет на чувство удовлетворенности собой, т. е. индивид, который работает без какого-либо желания развиваться в выбранной сфере, будет чувствовать неудовлетворенность своими результатами и своими трудовыми условиями; не будет видеть перспективы оставаться на своем рабочем месте, и возможно у него возникнет желание сменить род деятельности. Человек, не развивающийся в выбранной сфере деятельности, без формирования профессиональной идентичности, будет вечно трудиться на одной должности, без какого-либо карьерного роста. Деятельность сотрудников органов внутренних дел обладает конфликтным и экстремальным характером, а «особый психотравмирующий фактор деятельности оперативного сотрудника полиции связан с противодействием преступности, которое сопряжено с высоким уровнем риска для жизни, здоровья и безопасности» [3, с. 310].

Исходя из этого профессиональная идентичность выражает концептуальное представление человека о своем месте в профессиональной общности, сопровождаемое определенным ценностным и мотивационным смыслом, субъективным отношением к своей профессиональной принадлежности. Обладая сформированной профессиональной идентичностью, человек отождествляет себя с профессией и считает себя представителем профессионального сообщества. Выступая в роли системообразующего свойства личности, профессиональная идентичность обеспечивает быструю адаптацию к новым условиям деятельности. Правильно сформированная профессиональная идентичность выступает в качестве внутреннего источника профессионального развития и личностного роста человека.

Ограничение анализа этого процесса в области профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) вызвано необходимостью осознания имеющихся негативных процессов и явлений, поиска эффективных ресурсов достижения самоидентичности сотрудников ОВД.

Формирование профессиональной идентичности сотрудников ОВД напрямую связано с повышением их профессионализма. Одними из решающих факторов успешного выполнения задач, стоящих перед правоохранительными органами, является не только высокий уровень подготовки и материальная составляющая, но и в большей мере – моральный дух сотрудников, их нравственное и духовное состояние, высокая преданность и четкое профессиональное самоопределение. Именно человек стоит в центре правоохранительной системы, одним из направлений которой является нравственное и духовное совершенствование сотрудников ОВД.

Отталкиваясь от этого, можно сделать вывод, что формирование профессиональной идентичности сотрудника полиции уже в процессе обучения в образовательных организациях системы МВД России помогает постепенно адаптироваться к профессиональной деятельности, развив не только способность к пониманию сути осуществляемой профессиональной деятельности, но и выявив свои индивидуальные особенности, сильные и слабые стороны профессионального развития.

Отметим, что исследование данного феномена носит явно незавершенный характер. Несмотря на довольно полноценную теоретико-понятийную базу, значение профессиональной идентичности для различных сфер жизни личности, а также позитивные и негативные последствия его формирования еще предстоит изучить, в связи с чем актуальность дальнейшего исследования носит ярко-выраженный характер [5, с. 303].

Подводя итог, приходим к выводу, что феномен профессиональной идентичности минимизирует психологическое напряжение и позволяет личности дольше и в более комфортных психологических условиях оставаться на своем рабочем месте, что является крайне актуальным моментом для сотрудников органов внутренних дел и может быть рассмотрен как фактор профилактики профессиональной деформации и психоэмоционального выгорания, связанных со спецификой профессиональной деятельности сотрудников ОВД.

Литература

1. Агапов В.С. Структурные особенности профессионального «Я» сотрудников полиции / В.С. Агапов, В.Л. Цветкова, Т.А. Хрусталева // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 6. – С. 319–323.

2. Агейко О.В. Особенности формирования и развития профессиональной идентичности сотрудников ОВД // Актуальные проблемы психологии труда: теория и практика. 2020. С. 59–62.

3. Балашова В.А., Звездина А.А. Склонность к риску как психологическая готовность к преодолению препятствий в условиях противодействия. Вестник Московского университета МВД России. 2018. С. 309–313.

4. Бубнов А.Л. Социальная идентичность учебных групп курсантов как элемент успешности профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел // Актуальные вопросы социально-гуманитарного знания в системе высшего образования. 2020. С. 63–67.

5. Гречухин Р.А. Роль формирования профессиональной идентичности в профилактике синдрома профессионального выгорания у сотрудников ОВД // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики. 2020. С. 301–304.

6. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. Монография. М.: МОСУ, 2001. 272 с.

Рожкова Лилия Валерьевна,
заведующий кафедры

Экономическая теория и международные отношения
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет,
доктор социологических наук, профессор

Дубина Альбина Шагидулловна,
доцент кафедры

Экономическая теория и международные отношения
ФГБОУ ВО Пензенский государственный университет,
кандидат социологических наук

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ ФОРМИРОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УПРАВЛЕНИИ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОМПАНИЯМИ

Сегодня, главным национальным достоянием стран с развитой экономикой является человеческий капитал. В мире много стран, которые имеют опыт формирования и накопления человеческого капитала для более успешной конкуренции на мировом рынке. Человеческие ресурсы выступают мощным двигателем формирования инновационного общества. Человеческий капитал в условиях информатизации экономики выступает главнейшим фактором воспроизводства национального богатства и его

неотъемлемым элементом. В развитых странах, в значительной мере, уделяют внимание накоплению человеческого капитала, так как он в дальнейшем определяет будущее благосостояние страны. За человеческими ресурсами, как правило, следует физический капитал. Под вторым подразумевают материальные активы, имеющие вещественную форму. Завершает тройку важнейших активов страны природный капитал, то есть запас природных ресурсов [1].

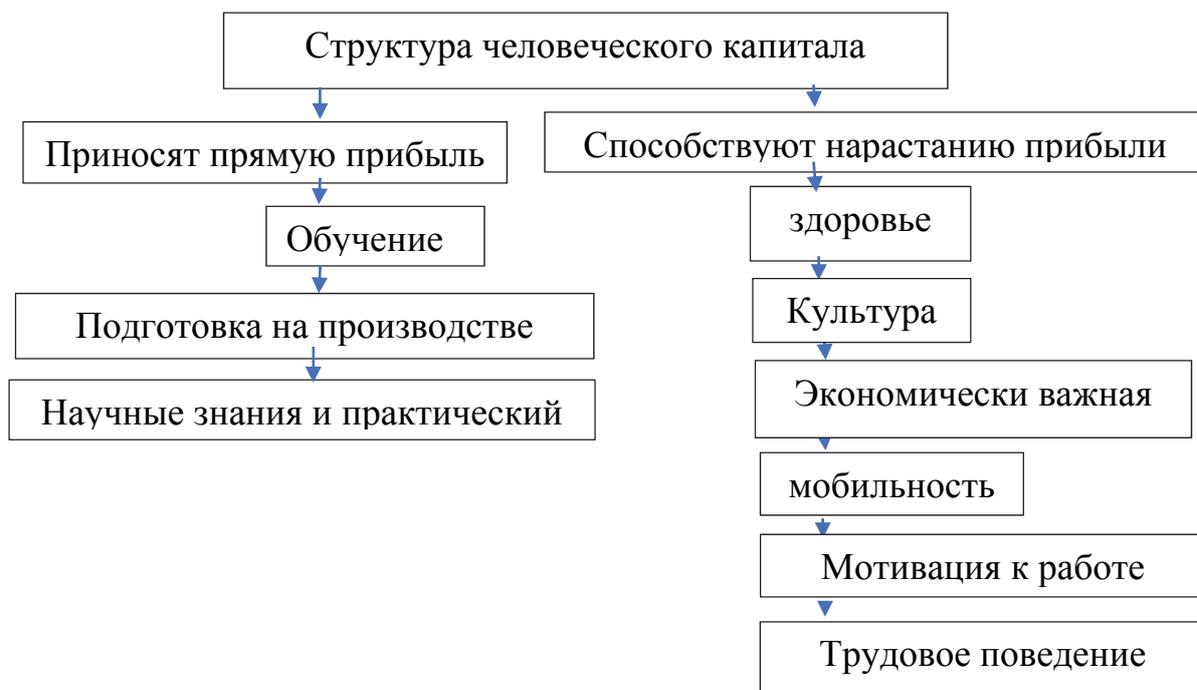

Рис. 1. Структура человеческого капитала организации (составлено автором)

Особое значение в процессе планировании развития человеческого капитала занимает определение рисков, особенно тех, которые могут негативно повлиять на работу компании. Под рисками развития человеческого капитала следует понимать потенциальный случай возникновения ущерба, лишения прибыли или иных финансовых потерь от вложений в человеческий капитал.

Среди наиболее распространенных рисков развитие человеческого капитала организации следует выделять [3]:

- возможность преждевременного высвобождения работника сотрудника, прежде чем вложение в его развитие полностью окупится и станет приносить дивиденды;
- вероятность увольнения работника из-за нарушения трудовой дисциплины;
- опасность наступления временной нетрудоспособности работника;
- выявление недобросовестного усвоения знаний и навыков в результате прошедшего обучения или повышения квалификации;

– риски недоиспользования в своей деятельности знаний и навыков, полученных в результате обучения.

Однако, каждая из перечисленных угроз несет в себе причину формирования рисков. Управляющим в международных компаниях важно грамотно его определять и эффективно организовать управление риском для устранения нежелательных последствий в работе компании.

Анализ состояния национального богатства РФ демонстрирует противоположные показатели по сравнению с развитыми странами. Общеизвестно, что Россия- страна с переходной экономикой от развивающейся рыночной к развитой рыночной. По мнению международных экспертов, наша страна не относится к развивающимся странам, несмотря на то что она и обладает мощной промышленностью, транспортом, связью и т. д., но в реальности, материально-техническая база на многих предприятиях изношена и давно устарела, а производство является малоприбыльным. Также нашу страну нельзя однозначно отнести к группе экономически развитых стран из-за низкого уровня жизни по величине ВВП в расчете на душу населения, вместе с тем недостаточно эффективно развиты экономические механизмы. В связи с этим в структуре национального богатства России долю человеческого капитала составляет меньше половины против 60–80% в развитых странах.

Таким образом, изучение трудового поведения человека стоит на пике актуальности, так как человек является главным ресурсом любой организации.

Изучение трудового поведения следует начать с объяснения природы социального поведения. Социальное поведение является основополагающей составляющей социологии труда. Это объясняется природой существования социума, в процессе и изучения характеристик личностного развития, группового поведения и трудового коллектива. Согласно трактовке В.И. Верховина, социальное поведение является частью от целого в образе социальной среды, выражающееся в личностных различиях и поведении индивидуумов, как результат личностной детерминации деятельности людей [5, с. 37]. Трудовое поведение рассматривается как деятельность человека, направленная на достижения запланированных результатов, сопряженных с его индивидуальными ожиданиями и нуждами. Следует также выделить, что общественное (социальное) действие необходимо изучать с позиции определенной концепции, формирующей у личности возможности приспособленности и деятельности в конкретном социуме, совместно с этим, социальная структура, способная меняться под влиянием человеческого фактора [4, с. 3941].

Известный специалист в области экономики и социологии труда Б.М. Генкин определяет трудовой потенциал индивида как часть потенциала человека, формируемого на основе способностей (природных

данных), воспитания, образования, жизненного опыта [2]. По мнению социолога Н.И. Шаталовой, как социологическая категория «трудовой потенциал работника» – система взаимодействий с системой социальных институтов общества; мера наличных ресурсов и возможностей индивида, которые непрерывно формируются в процессе всей его жизни и реализуются в трудовом поведении, определяя плодотворность последнего [5]. Таким образом, в социологии труда трудовой потенциал человека определяет, в первую очередь, возможности и эффективность его участия трудовой и экономической деятельности, а также в производстве и обмене благ. Трудовой потенциал индивида основан на таких качествах, как желание и умение трудиться, творческая активность, инициативность, предприимчивость. Таким образом, трудовой потенциал представляет совокупность всех способностей к труду на трех уровнях – индивидуальный, групповой, общественный, и соответственно может быть реализован на уровне всего общества, региона, предприятия и человека.

Литература

1. Белкин В.Н., Белкина Н.А., Владыкина Л.Б. Формирование конкурентоспособного человеческого капитала предприятия. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – 132 с.
2. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. – М.: НОРМА, 2014. – 462 с.
3. Добрынин А.И., Дятлов С.А., Цыренкова Е.Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. – СПб.: Наука, 1999. – 309 с.
4. Дубина А.Ш. Социокультурные ориентации современных промышленных рабочих // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: матер. V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов. 2016. С. 3939–3947.
5. Экономическая социология / под ред. В.И. Верховина. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2006. – 736 с.

Рябошاپко Олеся Николаевна,
заместитель начальника отдела
организации учебного процесса
Краснодарского университета МВД России

Чапурко Татьяна Михайловна,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

ПОЛИТИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В ФОРМАТЕ ЭЛЕКТРОННОЙ СРЕДЫ

В политических науках новый всплеск интереса к проблемам гражданского общества произошел в конце XX начале XXI века в связи с масштабными геополитическими преобразованиями, падением авторитарных режимов, развитием демократии на новых территориях и т. д. Поэтому в настоящее время политологическое сообщество внимательно изучает феномен электронного нормотворчества как область проявления публичной политики, политических практик в онлайне в формате электронной среды.

Общественное участие в разработке нормативно-правовых актов как политическая новация за рубежом привлекает все большее внимание не только общенациональных, но и региональных, а также и внерегиональных акторов.

В отечественной политологии новая волна интереса к теме гражданского общества и участия граждан в реальной политике активизировалась с начала 2000-х годов и были представлены результаты проводимых исследований, отражающих внушительный результат диссертационных исследований.

Аналогично, как показывает контент-анализ и содержательное исследование диссертационных работ, развивался и интерес к теме использования электронной среды в качестве политической медиасреды, электронных политических технологий, сетевых сообществ, электронного правительства и т. д.

Вместе с тем, необходимо отметить, что обозначенные исследования были посвящены отдельным проблемам, тематика гражданского общества и электронной среды была не всегда напрямую взаимосвязана в рамках единого политического и исследовательского поля. Немаловажно так же, что обозначенные исследования датируются в основном до 2015 года, что позволяет сделать вывод, что в последние годы тема взаимосвязи гражданского общества и электронной среды, участия граждан в политическом нормотворчестве и законодательных инициативах

посредством сети интернет в диссертационных исследованиях не была достаточно представлена и раскрыта. Вместе с тем, именно на протяжении последних нескольких лет и особенно в течении 2020 года, данная тема, как уже было аргументировано выше, по ряду причин является особенно актуальной.

В последние несколько лет ряд отечественных политологов в своих работах обратились к исследованию политических сетей, роли сетевых коммуникаций в политическом процессе. Значительный вклад в теорию участия гражданского общества в нормативно-правовом процессе в формате электронной среды вносят Бондаренко С.В., Дука А.В., Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С. и др. И к числу специальных исследований следует отнести рассмотрение правовых проблем доступа к информации граждан и организаций, безопасности в электронной среде и т. д.

Таким образом, обобщенно говоря, рассматриваемая проблематика еще находится на первой стадии теоретического осмысления. При отсутствии разработанной политологической наукой методологии практика только подходит к основополагающим проблемам, связанным с распределением рисков общественного участия, включая политические риски. Такой риск возможен и по отношению феномена общественного участия в разработке нормативно-правовых актов.

Вместе с тем, привлечение к политическому анализу темы диссертации теоретико-методологических разработок 2018–2020 гг., а также ресурсов интернет, данных опросов общественного мнения и социально-политическую аналитику ситуации (2020 года) внесения поправок в Конституцию Российской Федерации, позволяет значительно продвинуться в разработке темы, подвести итоги реализации в России программ «Электронная Россия» (2002–2010) и «Информационное общество» (2011–2020) и представить новые результаты, которые позволят оценить перспективы гражданского общества как политического актора нормативно-правового процесса в формате электронной среды.

Современные условия гражданского общества определяются несколькими значимыми факторами социально-политического, технико-технологического и теоретико-методологического характера, а именно тем, что:

- создана новая материально-техническая, политико-правовая база и технологии для интенсивного развития информационного общества как сетевого общества знания, публичной политики и новых, адекватных современным политическим реалиям, форм управления в реально-виртуальных социальных пространствах;

- ситуация пандемии и постпандемии показала необходимость комплексного обеспечения дистанционного режима участия гражданского общества в нормативно-правовом процессе, создания «человеко-размерной» электронной медиасреды, посредством которой будет

осуществляться не только широкое политико-правовое информирование общества, но и реализовываться интерактивно-коммуникативная составляющая, обратная связь по линии гражданское общество-государство;

– интенсивное развитие гражданского общества и актуальный запрос граждан на активное непосредственное участие в процессах политического управления, в том числе в формате электронной медиасреды;

– глобализация социально-политических информационных пространств и сообществ, открытый доступ к политической информации в сети и создание в мировом масштабе электронных правительств в формате Web 2.0 (переход от порталов к интерактивным платформам), сращивание реальной и виртуальной политической среды и реально-виртуальных возможностей участия граждан в политическом управлении;

– нарастающее влияние конституэнтного фактора в политическом управлении и актуальный запрос в отношениях государства и общества на политику открытости, прозрачности, гласности, подотчетности власти избирателям, обратного влияния гражданского общества на власть;

– расширение и дополнение в политических науках структурно-функционального подхода посредством включения в теоретико-методологическую базу анализа политических процессов и институтов теории сетевого общества и акторно-сетевой теории (АСТ) и соответствующих понятий: политические сети, электронная демократия, электронное правительство, сетевые экспертные группы, политический краудсорсинг, сетевая репрезентация гражданского общества и т. д.

Все перечисленное делает необходимым адекватный теоретико – методологический ответ политических наук на вызовы современного времени.

Савеленко Вячеслав Михайлович,
Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова МО РФ,
доктор социологических наук, доцент

Шепелин Евгений Александрович,
председатель Смоленского областного суда

Попова Татьяна Владимировна,
помощник начальника академии
(по международному сотрудничеству)
руководитель группы международного сотрудничества
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

Килясханов Магомед Хизриевич,
представитель МВД России в Республике Таджикистан,
кандидат философских наук, доцент

Корсаков Александр Николаевич,
соискатель ученой степени кандидата философских наук

Марусидзе Нестер Фирузиевич,
соискатель ученой степени кандидата социологических наук

**СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ:
АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ НА СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

*Любой человек,
управляющий средствами массовой информации,
контролирует разум.*
Джим Моррисон

Современный человек испытывает на себе влияние множества факторов. Его потребности растут и развиваются в соответствии с прогрессом цивилизации и доступу к ее благам. Одной из основных высших потребностей, которая существовала у индивида на протяжении всей истории его развития как личности и вместе с тем эволюции человеческого общества, является потребность в информации. Прежде,

чем переходить к основному содержанию нашего исследования, целесообразно будет дать определение данному понятию, чтобы установить определенный контекст развития мысли.

Итак, «информация» – понятие многогранное, используемое во многих отраслях научно-теоретического и практического знания. Следовательно, от специфики той или иной области зависят и особенности понимания данного термина.

Приведем мнение признанного отечественного специалиста в области телевидения Г.В. Кузнецова: «Информация предназначена для численно большой, социально и географически разнородной аудитории. Ей присуща быстрота и регулярность доставки к потребителю, опосредованный, безличный и, в известной степени, стереотипизированный характер. При максимальной экономии времени надо четко сообщить, что, где и когда произошло, а красоты стиля только помешали бы выполнить эту задачу»¹. Несмотря на то, что данное определение отражает специфику телевизионного информационного поля, мы смело можем отождествлять приведенную характеристику понятия «информация» с контекстом нашего исследования. Также важно отметить, что Г.В. Кузнецов достаточно точно описал основные свойства информации, которые и придают этому явлению общественной жизни весомую роль в жизни человека; отметим, что наличие таких свойств, как скорость, регулярность, опосредственность, оперативность, полнота, отражают потребность человека быть активным участником информационного процесса. Иными словами, обеспеченность информационного ресурса указанными элементами позволит индивиду полностью удовлетворить его нужду в информации.

Информация представляет собой основной продукт и ресурс формирующегося постиндустриального общества, в котором информационный поток играет роль основного общественного процесса, а большая часть населения занята не на производстве социальных благ, а в сфере оказания услуг, а также создания, обработки и распространения информации в различных видах по различным каналам.

До появления средств массовой информации как агента информационного потока, задачами которого является сбор, обработка и распространение информации, данную роль выполняло межличностное общение людей. Однако с развитием общества и усложнением социальных связей и общественных процессов оно перестало выполнять свою информативную функцию в полной мере, что сказалось на удовлетворении потребности индивида в информации. На сегодняшний день СМИ прошли длинный путь развития и существуют в нескольких формах, что позволяет аудитории выбрать между наиболее удобным способом получения новостей.

¹ Кузнецов Г.В. ТВ-журналист. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 251 с.

Одно из важнейших условий как журналистики, так и информационного телевидения – это оперативность, которая обусловлена социальной психологией и психологией восприятия. Согласно их положениям основное общественное мнение по поводу произошедшего события формируется на основе первой и наиболее быстрой его интерпретацией в СМИ. Отсюда вытекает следующий факт: несмотря на стремление журналистов к объективности передачи события, оно по определению будет минимальным в силу как восприятия его обществом, так и способом подачи (человеческий фактор). И даже достоинства телевидения, позволяющие аудитории наблюдать события в режиме «прямого эфира» или просто в записи, не могут изменить данного факта.

С течением времени средства массовой информации эволюционировали от средства распространения свежих новостей к одному из важнейших социальных институтов. На сегодняшний день СМИ представляют собой организации, с которыми считаются как влиятельные политики, так и лидеры экономических корпораций, использующих многогранные возможности средств массовой информации в собственных целях. Сложно назвать хотя бы одну область человеческой жизни, которая бы не стала предметом освещения газеты или телепередачи. Все – от спортивных новостей до принятых решений по поводу преодоления мирового экономического кризиса – становится объектом конкуренции между различными издательствами в первенстве по использованию материала. Ведь именно от оперативности и качественной подачи события зависит популярность СМИ в обществе, а, следовательно, и его способности влиять на общественное мнение. При этом на современном этапе существования журналистики – специализированной профессиональной деятельности, обеспечивающей работу СМИ – она стоит на одном ряду с наиболее востребованными профессиями, требующими не только специальных знаний, но и внутреннего таланта. Не лишним будет сказать, что профессионализм журналиста заключается не только в верном выборе темы и языка статьи, но и в сложной психологической работе с аудиторией.

Мы уже назвали СМИ особым общественным институтом, но не раскрыли его сущность в указанном контексте:

- средства массовой информации имеют организационно-структурированное единство, заключающееся в объединение типичных характеристик общественного института и их специализированную организацию;

- имеют среди прочих функцию особую, которая присуща только им, а именно – обеспечение функционирования процесса по созданию информационного общества посредством влияния на мировоззрение аудитории через освещение с помощью собственных средств событий и явлений других сторон общественной жизни и социальных институтов;

– реализуют мобилизационные потенциал, то есть способны воздействовать на большие группы людей в целях повлиять на их мнение по тому или иному вопросу, а также сформировать нужную общественную позицию.

Перечисленные обстоятельства не только подтверждают значение СМИ как социального института для самого общества, но и делают из действенным инструментом для других общественных объединений.

В научных кругах существует мнение, что СМИ из общественного института превратилось в так называемую «четвертую власть». Также все чаще высказывается мысль, что в условиях жизни мирового сообщества во все более активно развивающейся информационной цивилизации, именно «четвертая власть» впоследствии станет не только высшей в вопросе управления людьми, но и может остаться единственной. Данную позицию наиболее ярко отстаивают влиятельные представители популярных изданий, она популярна среди сотрудников организаций СМИ. Массовое сознание, однако, еще не придает озвученной мысли подобное значение, отводя для СМИ место лишь информационного агента.

Технический прогресс внес свои коррективы во взаимоотношениях СМИ и общества. С середины XX века мы можем наблюдать рост влияния и популярности в обществе телевидения, которое постепенно начало вытеснять на второй план радио- и печатную журналистику. Очевидные преимущества телевизионного вещания заключаются в наглядной демонстрации событий, что делает зрителя практически их очевидцем, вследствие чего растет доверие к представителю данного вида СМИ. Просмотр телевизионных программ не требует от человека серьезных умственных затрат, информация поступает сразу через несколько органов чувств: зритель видит изображение, слышит речь, успевает прочесть бегущую строку, что упрощает процесс запоминания и отображения полученных образов в сознании. Однако мы не можем говорить о том, что передаваемая посредством телевидения информация имеет высокий суггестивный эффект. Он может быть достигнут при правильном сочетании следующих элементов:

- широкий охват зрителей;
- достаточный уровень доверия среди них;
- включение субъектом информации в свой тезаурус (ориентационный комплекс).

Первый из элементов на сегодняшний день занимает достаточно прочные позиции. Сложно найти дом, в котором бы не было минимум одного телевизора. Примечательно, что именно с ростом популярности телевизионного вещания связывают появление идеи о СМИ как о «четвертой власти». В последствии телевизор занял настолько прочную позицию в повседневной жизни человека, что телевидения стало выступать в роли средства социализации детей. Таким образом, и СМИ укрепили

свои позиции в качестве социального института и начали развиваться в роли обособленного вида власти.

Второе обстоятельство (доверие к информации) составляет определенную проблему для СМИ в качестве «четвертой власти».

Следует заметить, что доля положительных оценок в аспекте доверия СМИ и в молодежной среде не так уж велика. Но более всего важно, что есть другие магниты, поприятительнее СМИ, с точки зрения доверия информации, получаемой через эти каналы, и они показывают, что третье из выделенных выше обстоятельств утверждения «четвертой власти» имеет огромное, если не преимущественное, значение.

Включение субъектом информационного потока какой-либо информации в свой тезаурус говорит о формировании его личной картины мира, частью которой и стал данный объект. Разделение на «своих» и «чужих», «свое» и «чужое», лежащее в мировоззрения, предопределяет, какая информация будет воспринята и освоена, а какая останется информационным шумом.

Власть СМИ, таким образом, прежде всего проявляется во внешних признаках социализации, мало затрагивая содержание внутренней жизни человека. В своем выборе жизненного пути, стиля жизни определенная часть людей, конечно, реагирует на информацию и культурные коды, образцы поведения, навязываемые СМИ, но, во-первых, это не касается всех, во-вторых, выбор осуществляется на перекрестке различных влияний, и наибольшие из них по значимости в молодом возрасте составляют родные и круг друзей. Влияние СМИ заметно, если импульсы, идущие из них, оказываются в резонансе с тем, что доминирует в личности в данной ситуации. Иными словами, и здесь императивной является не власть СМИ, а дихотомия «своего-чужого».

Литература

1. Кузнецов Г.В. ТВ-журналист. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
2. Семенова А.В., Корсунская М.В. Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения. – М., 2010.

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УСТАНОВКИ ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАТЕОРИИ

Философская установка сознания отличается от естественной в первую очередь тем, что она превращает само познание в проблему. Для естественной установки такой подход не характерен, поскольку она исходит из данности предмета как чего-то самоочевидного, поэтому для нее стоит вопрос о выборе стратегии познания, а не о самом познании. Поэтому оно, согласно Гуссерлю, уводит познавательный процесс не вглубь, а вширь. Философская установка – напротив, обращает внимание на сам источник познания – на сознание. Именно в силу того, что философия, в отличие от науки и обыденного мышления, видит главное условие осуществления познания в структуре сознания, она проводит критику предметности и тем самым превращает само познание в проблему.

Наиболее адекватным выражением философской установки служит, по мнению Гуссерля, феноменология, поскольку именно она разрабатывает метод возвращения сознания из погруженности во внешнюю предметность к самому себе. Первым шагом феноменологической установки служит так называемое эпохе (воздержание от суждения) или феноменологическая редукция. Ее суть состоит в том, чтобы «вынести за скобки» все высказывания о существовании или несуществовании предметов. Благодаря этому феноменологическая установка обнаруживает нечто принципиально не выносимое за скобки, так называемый феноменологический остаток – то, в чем сомневаться уже невозможно. В качестве такого остатка выступает сознание. При этом разнообразные предметы, вещи и процессы тоже никуда не исчезают, но из самостоятельных объектов превращаются в явления сознания – феномен. Таким образом, сознание обладает, по мнению Гуссерля, абсолютным бытием. Разумеется, под сознанием австрийский философ имеет в виду не индивидуальное, а трансцендентальное Я.

Превращение сознания в подлинное бытие позволяет расширить сферу опыта. Если натуралистическая установка наделяла существованием только физические объекты, а остальные предметы либо полагала несуществующими, либо мыслила по подобию физических, то феноменологическая установка признает наличие любого рода предметности, выясняя при этом к какому именно модусу бытия оно относится. Например, натуралистическая установка с порога отрицает

существование кентавров, поскольку под существованием понимает природное бытие. Феноменологическая установка полагает, что кентавры существуют, но существуют в воображении.

Определение модуса бытия, которому принадлежит тот или иной предмет, потребовало перехода на третий после феноменологической редукции и трансцендентального сознания феноменологической установки. Описывая эту новую ступень, связанную с обнаружением предела трансцендентального воображения, универсального априори, служащего основанием для ощущения модуса бытия, А. Шуман отмечает: «Обязательное наличие потенциальностей в интенциональных коррелятах эго, своеобразное «сверх-себя-полагание» трансцендентального сознания, есть не что иное, как априорное обусловливание, имманентное дескриптивности, т. е. имеющее сугубо описательный характер. Такое природное обусловливание есть всего лишь «мотивация», или же «формальная закономерность универсального генезиса», не более того. Природа подобного обусловливания выражается в ряде «эйдосов»... Восприятие в сумме... с полаганием предмета в «абсолютной чистоте возможности воображения», формирует «эйдос», который априорно предшествует любому значению слова и всякому феномену. Эйдос выявляется после самопроизвольного варьирования одностороннего...предметного бытия. Например, чтобы выявить эйдос «стола», необходимо сопоставить ему целый ряд позитивных и негативных предикатов... с тем, чтобы установить тот смысл «стола», который не зависит от конкретных предикатов. На эйдетическом уровне анализа исследуется... «универсальное а priori», без которого немислимо само трансцендентальное «я»». Описанием эйдетического уровня трансцендентального бытия, открываемого феноменологической установкой, должна, по мысли Гуссерля, заниматься особая дисциплина – эйдетическая феноменология, в задачу которой входит выявление априорных правил, подчиняющих себе различного рода действительности. Теперь, когда обозначены основные этапы феноменологической установки, раскрывающей, по мнению Гуссерля, абсолютный статус сознания, необходимо выяснить отношение данной концепции к философии культуры в целом и к метатеоретической интерпретации понятий установки в частности.

Одним из наиболее важных моментов трансцендентальной феноменологии, сближающий ее с проектом критической онтологии культурологической метатеорией, является утверждение о неоднородности бытия, которое создает предпосылки для обоснования равноправия форм духа, что выражается в критике претензий специально научного знания на абсолютность. Но сразу следует признать, что борьба Гуссерля с онтологическим упрощением и натурализмом в понимании сознания и духовной жизни заканчивается признанием истинности

трансцендентального идеализма и оправданием превосходства философии над другими формами знания. Такие выводы вступают в прямое противоречие и с проектом критической онтологии и с культурологической метатеорией и их следует признать проявлениями философского фундаментализма.

Вместе с тем следует признать особую ценность гуссерлевской концепции для прояснения специфики применения установки в области познания. Трансцендентальная феноменология демонстрирует, что установка в сфере духовной жизни не может рассматриваться как некий импульсивный, не отрефлектированный акт, напротив, она должна иметь вполне осознанный характер и осуществляться не под давлением внешних природных и социальных условий, но в силу лишь теоретической и нравственной необходимости, т. е. интеллектуальной частности. Поэтому приходится сожалеть, что философский фундаментализм не позволяет Гуссерлю рассмотреть религиозную и научную установки такими же свободными отрефлектированными актами, как и феноменологическая установка.

Если попытаться выразить квинтэссенцию гуссерлевского понимания философской установки в целом и феноменологических процедур в частности, то ее можно свести к одному слову – «осмысление». Если для рассмотренных выше интерпретаций установки конечной целью концентрации сил субъекта было достижение определенного материального, психологического или социального эффекта, то феноменологическая установка направляет усилия индивида на определение сущности любого рода предметности. Последнее предполагает ответ на вопрос: что представляет собой то или иное явление. Раскрывая специфику феноменологического определения сущности предметов, Дж. Реале и Д. Антисери подчеркивают: «Феноменология – наука о сущностях, а не о фактах. Феноменолога не интересует та или иная моральная норма, его интересует, почему она – норма. Изучить обряды и гимны той или иной религии, несомненно, важно, но еще важнее понять, что такое религиозность вообще, что делает разные обряды и несхожие песнопения религиозными. Феноменологический анализ вникает в состояние стыда, святости, любви...но всегда с точки зрения сущности. Суть же открывается исследователю тогда, когда он наблюдает свой объект незаинтересованно, когда он бежит от предубеждений, банальностей и самолюбования, когда умеет видеть и интуитивно улавливать универсальное, благодаря которому факт таков, каков он есть. Мы отличаем текст магический от научного, но каким образом они отличимы, если нет сущностного различия, что такое магия и что такое наука?».

Из сказанного следует, что феноменологическая методология обладает не только огромным культурным потенциалом, способным

обогащать гуманитарное знание, но и определенной метатеоретической ценностью. Так она позволяет разграничить различные предметные области. В частности, установить смысловые границы между основными формами духа. Но такое объективное разграничение в рамках гуссерлевской феноменологии не может быть осуществлено в полной мере, поскольку любого рода предметность ставится в ней в зависимость от трансцендентального Я. Это означает, что феномены культуры неизбежно получают идеалистическую интерпретацию, а стало быть, демаркация форм духа, проводимая с помощью методологии Гуссерля, не может быть до конца адекватной реальности. В этом отношении более привлекательной выглядит реалистическая феноменология М. Шелера, стремящаяся обнаружить смыслонадеждающее начало в самих вещах. Но как идеалистический, так и реалистический варианты феноменологии не являются в онтологическом плане вполне определенными. Это противоречит стремлению метатеории воздержаться от онтологических высказываний или свести их к минимуму и поставить в зависимость от познания теорий, а не самих вещей.

И наконец следует указать на сугубо теоретический характер установки в учении Гуссерля, на отсутствие какого-либо социокультурного контекста ее возникновения и функционирования. Сам Гуссерль, несмотря на то, что посвятил раскрытию исторической миссии феноменологии целое исследование - «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», рассматривал свою концепцию исключительно как продукт теоретического мышления. С точки зрения культурологической метатеории такая позиция выглядит как не до конца отрефлектированная.

Анализ применения понятия «установка» был бы неполным без упоминания учения о пропозициональных установках, разработанного в рамках аналитической философии. Необходимость этого рассмотрения объясняется тем, что установка, будучи одним из важнейших проявлений человеческой жизнедеятельности в целом, нуждается в чисто логическом анализе своей структуры. Этот анализ подводит своеобразный теоретический фундамент под исследования установки в областях психофизиологии, общей психологии и философии.

Термин «пропозициональная установка» был впервые применен Б. Расселом для обозначения предпосылок различного рода высказываний – пропозиций. Эти предпосылки фиксируют точку зрения, позицию, с которой то или иное либо высказывается о чем-либо. Пропозициональные установки принимают вид высказываний: «Сократ полагал, что...». При этом истинность пропорциональных установочных высказываний существенным образом отличается от истинности пропозиций. Если истинность пропозиций зависит от истинности ее аргументов, то истинность пропозициональных установочных высказываний –

от истинности выражения позиции субъекта высказывания. Например, истинность выражения «Сократ полагал, что лучше претерпеть, нежели причинить зло» зависит от того, говорил ли Сократ таким образом на самом деле или нет.

Но выяснение истинности установочного высказывания в целом зависит от контекста, в котором употреблялась приведенная выше фраза Сократа. Тем самым пропозициональные установки переводят логические исследования в область семантики, которая, в свою очередь, является разделом металогик, решающей, в частности, проблему определенности понятий. Сам Рассел полагал, что определение значения пропозициональных установок лежит за ее пределами – в области психологии. Данный вывод английского мыслителя открывает перспективы рассмотрения установок сознания в рамках культурологической метатеории. Выясняющей сакральный, культурный и исторический контекст различных теорий природного и социального мира и дающей им объяснение путем обнаружения логики развития форм духа, в которых эти теории формируются.

Литература

1. Ирабаджаков Н. Критика метафизического разума. – М.: Прогресс, 1983.
2. Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Феномен человека: комплекс социальных свойств // Вопросы философии, № 7, 1988.

Северин Игорь Владимирович,
преподаватель Краснодарского ВВАУЛ,
кандидат философских наук

Пенкина Ольга Владимировна,
преподаватель Краснодарского ВВАУЛ,
кандидат культурологии

Урюпина Марина Анатольевна,
преподаватель Краснодарского ВВАУЛ

ОБЪЕКТ АТАКИ – ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ (К 76-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ)

В современном глобальном информационном пространстве есть темы тактического, а есть темы стратегического содержания, которые формируют мировое общественное мнение в его стержневых и фундаментальных аспектах. Именно такой является проблема Второй мировой и Великой Отечественной войн, и именно поэтому они стали мишенью в «холодной войне», которую «коллективный Запад» ныне ведет против исторической правды. Цель этой войны – лишить мировое сообщество исторической памяти с тем, чтобы на почве социального манкуртизма заниматься мифотворчеством, искажением исторической правды. Атаки на нее ведутся по следующим основным направлениям.

Направление первое. Фальсификация причин Второй мировой и Великой Отечественной войн. Для реализации этого зловещего замысла в арсенале у противников исторической правды есть ряд приемов и концепций. Здесь же остановимся только на следующих. Во-первых, концепция «превентивной войны». Ее авторы и сторонники пытаются доказать, что якобы Гитлер вынужден был напасть на Сталина, так как последний готовился к вторжению в западное «демократическое пространство». В такой трактовке Гитлер выглядит «белым и пушистым», ибо предстает защитником «западных ценностей».

В действительности международная политика Советского Союза была направлена на сплочение миролюбивых сил в борьбе с агрессором. «Всему миру хорошо известны усилия Советского правительства по организации коллективной безопасности в Европе в довоенный период» [1]. Приведем только следующие неопровержимые исторические факты:

– 17 апреля 1939 г. советское руководство обратилось к Великобритании и Франции с предложением заключить военно-политический союз, который бы обеспечил мир и стабильность в Европе, но получил отказ. А почему? Да, потому, что стремились направить Гитлера против нашей страны;

– 29 сентября 1939 г. Британский премьер-министр Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье подписали с руководством нацистской Германии договор, вошедший в историю как Мюнхенский сговор. Он дал «зеленый свет» Гитлеру на оккупацию Чехословакии со всеми вытекающими... А ведь раньше – 21 сентября СССР на пленуме Лиги Наций предложил осудить Гитлера и поддержать Чехословакию, но западные «миротворцы» остались «глухими»;

– руководство этих стран «не заметило» аншлюс Австрии, а польское правительство не только заявило, что это, дескать, «внутреннее дело Германии», но и поучаствовало в разделе Чехословакии и Литвы.

Во-вторых, концепция «равной ответственности» СССР и нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны. Этот миф уже давно распространяется на Западе как любителями до фантазий журналистами, так и профессиональными «историками», но получил статус официального документа в резолюции парламента Евросоюза от 19 сентября 2019 г. «О важности европейской памяти для будущего Европы», в которой утверждается, что «Вторая мировая война была начата как непосредственный результат пресловутого нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, также известного как пакт Молотова – Риббентропа, и его секретных протоколов, согласно которым два тоталитарных режима, стремящихся к мировому господству, разделили Европу на две зоны влияния» [2].

Этот миф рассыпается под напором исторических документов, которые свидетельствуют о том, что ведущие страны Запада задолго до этого пакта заключили с нацистской Германией подобные договоры, о которых ныне наши «партнеры» предпочитают не вспоминать. А мы освежим их память:

– в январе 1934 года Польша заключила с Германией договор о неприменении силы (пакт Пилсудского – Гитлера), на основе которого в декабре 1938 г. Главный штаб войска польского признал, что «расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке. Главная цель – ослабление и разгром России» [3];

– в июне 1935 г. Великобритания и Германия приняли Морское соглашение, чем нарушили содержание и суть Верла договора;

– в декабре 1938 г. Франция и Германия приняли Декларацию (Пакт Бонне – Риббентропа), которая лишила Францию возможности серьезно влиять на европейскую политику.

Направление второе. Попытки искажения исторической правды о решающем вкладе Советского Союза в разгром нацистской Германии и ее союзников. Подобные усилия стали едва ли не нормой в Западной историографии. С другой стороны, политическое руководство наших союзников по антигитлерской коалиции даже спустя годы после свержения фашизма обычно не осмеливалось пойти на откровенную ложь

и дезинформацию по этому вопросу. Но не в наше время. Так, 9 мая 2020 г. Белый Дом в своем аккаунте в Facebook разместил видеоматериал церемонии возложения цветов к могиле павших во время Второй мировой войны президентом США Д. Трампом, который в своем выступлении заявил следующее: «В мае 1945 года Америка и Великобритания одержали победу над фашизмом. Американский дух непобедим. В конечном счете так будет всегда» [4].

Авторы и сторонники «альтернативной истории» стараются вбить в голову западного обывателя идею о том, что победа над гитлеровской Германией и ее сателлитами ковалась не под Москвой, Сталинградом и Курском, а на Тихом океане, в Африке, в Арденнах. Однако факты, «сухая статистика» свидетельствуют об обратном:

– 80% живой силы и 75% боевой техники и оружия Германия потеряла на Восточном фронте, на Западном фронте нашим союзникам противостояла 81 дивизия вермахта, а Красной армии – 181 [5];

– в этой войне советский народ понес самые большие потери – более половины населения всех стран Европы. Для сравнения приведем людские потери в годы Второй мировой: США – 418 тыс., Великобритания – 450 тыс., Франция – 600 тыс., а наша страна свыше 26,6 млн. человек [6].

Решающий вклад Советского Союза в разгром нацистской Германии признан лидерами и военачальниками стран-союзников. Приведем их оценки:

– У. Черчилль: «Красная армия выпустила кишки фашистской военной машине»;

– Т. Рузвельт: «Русские войска уничтожили больше живой силы, самолетов, танков и пушек нашего общего неприятеля, чем остальные объединенные нации вместе взятые»;

– генерал Дж. Маршалл (США): «Без успешных действий Красной армии американские войска были бы не в состоянии противостоять агрессии и война была бы перенесена на американский континент» [7].

Современными западными «историками» и политиками фальсификации подвергается и вклад СССР в разгром японского милитаризма. Утверждается, например, что, якобы, Советский Союз всячески спешил к «разделу японского пирога», а США самостоятельно справились бы с «узкоглазыми». Эти лживые тезисы разоблачаются, по крайней мере, следующим. Во-первых, Советский Союз вступил в войну с Японией, реализуя свои обязательства по Ялтинской и Потсдамской конференциям. Во-вторых, новый американский президент Г. Трумен буквально умолял И.В. Сталина: «Начинайте быстрее боевые действия на Востоке». Нынешним фальсификаторам истории следует прочесть следующее резюме из августовского номера 1945 г. газеты «Нью-Йорк таймс»: «Вступление Советского Союза в войну против Японии явилось решающим фактором, ускорившим окончание войны на Тихом океане».

Что, кстати, подтверждают и японцы. Премьер-министр Японии Кантаро Судзуки 9 августа 1945 года заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны» [8].

Направление третье. Искажение социального характера Великой Отечественной войны, клевета на Красную Армию, с одной стороны, и восхваление вермахта, с другой. При этом наиболее распространенными приемами искажения исторической правды избраны следующие. Во-первых, утверждается будто война советского народа не была Отечественной, не была освободительной, а, стало быть, справедливой, законной. Такой циничной ложью зашлаковывают незрелые умы, например, украинских школьников. В программном учебнике Министерства образования и науки, изданном под редакцией Щупака И.Я. «Всемирная история: новейший период (1939–2011 гг.)» заявляется, что «это не была наша война, это была война за контроль над нами» [9]. Тем не менее контроль, осуществляемый немецкими оккупантами, ничуть не смущал украинских националистов. Более того, они не только приветствовали его, но и служили ему с оружием в руках на стороне поработителей украинского народа. Так, ОУН (Организация украинских националистов) и УПА (Украинская повстанческая армия) воевали только с «восточным оккупантом» – Красной армией. Берлин такую стратегию одобрил и поддержал, сформировав из палачей украинского и белорусского народов батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», которые не только вели борьбу с партизанами, но и активно проводили «акции устрашения» – сжигали села и деревни, вешали подозреваемых в сочувствии советской власти, расстреливали мирных граждан.

Во-вторых, утверждается, будто красноармейцы – деморализованная масса, которая не хотела, не умела воевать, и искала только удобного случая, чтобы сдаться немцам в плен, а командный состав нашей армии – тупицы, неучи и бездари, которые гнали на верную смерть недоученных и плохо вооруженных солдат. Спрашивается: как же они взяли Рейхстаг, как сокрушили «непобедимую армию» Третьего рейха, как вырвали Победу? Ответ найдем в высказываниях и оценках изнутри, из самого логова нацизма и его верных слуг. Приведем несколько из них:

– «Сталин имеет все основания чувствовать советских маршалов, которые проявили выдающиеся военные способности... Мы вообще не в состоянии конкурировать с такими руководителями» – И. Геббельс – министр пропаганды в кабинете Гитлера;

– «Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснились просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами» – фельдмаршал Э. Фон Клейст [10];

– «Я знаю русских солдат еще по прошлой мировой войне... сегодняшней русский солдат в десять раз ожесточеннее сражаются, чем солдат царской армии» – из дневника унтер-офицера Г. Буркена, 14 декабря 1941 г. [11].

В-третьих, вопреки исторической правде, непровержимым фактам, научной логике и даже здравому смыслу настойчиво сочиняются и распространяются мифы о вермахте – рационализму его организации, надежности принципов его функционирования, недостижимым для советских офицеров уровне профессиональной подготовки его командного состава [12]. Дадим слово апологетам военной машины Третьего рейха:

– «Немецкие войска по своим боевым качествам всегда удерживали превосходство над противником» - пехотный генерал К. Типпельскирх;

– американские историки Т. Дюпон и П. Мартелл пишут об «изумительном военном мастерстве немецких войск»;

– «наши исследователи» В. Бешанов и Б. Соколов утверждают, что «уровень профессиональной подготовки вермахта для нас был недостижимым» и что «по уровню боевой подготовки Красная Армия уступала вермахту на протяжении всей войны» [13]. Вопрос этим апологетам тот же – как мы оказались в Берлине, как разгромили вермахт, как победили нацистскую Германию с ее союзниками и сателлитами.

Направление четвертое. Замалчивание, ретушировка-заштриховка и даже отрицание геноцида. С этой целью применяется следующая тактика. С одной стороны, проверенный временем и пространством прием «мудрой» шимпанзе: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу», к которому обращаются в Италии и Германии, то есть в странах, где фашизм и нацизм в 20-30-е годы прошлого столетия стали идеологией и практикой официальных государственных структур. С другой стороны, «идеологию и практику фашистского геноцида замалчивают и отрицают «адвокаты» германских нацистов и потомки соучастников их преступлений из стран-сателлитов Третьего рейха» [14]. Президент Румынии, например, пытался убедить мировое сообщество, граждан своей страны и, видимо, себя тоже в том, что геноцид – «это выдумка СССР» [15].

В действительности, это не выдумка, а реальность – геноцид был не только идеологией, но и практикой, которая, как известно, была, есть и будет критерием истины. Убедимся в этом:

– Гитлер в своем опусе «Моя борьба» витийствовал: «Мы обязаны истреблять население – это входит в нашу миссию охраны германского населения. Нам придется развивать технику, истребляя населения. Я имею право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются как черви;

– «памятка немецкого солдата» призвала: «Помни что у тебя нет нервов, сердца, жалости ... убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...»;

– фашистами было преднамеренно истреблено 7 млн. 420 тыс. 379 мирных жителей. На принудительных работах в Германии погибло 2 млн. 164 тыс. 313 человек. Только во время Ленинградской блокады от голода умерло от 641 тыс. до 800 тыс. человек, а всего за годы войны погибло 27 млн. советских граждан [16]. Говоря об этих жертвах и Холокосте, Президент РФ В.В. Путин на торжествах, посвященных открытию памятника героям блокады Ленинграда в Иерусалиме 23.01.2020 г. отметил, что «Блокаду Ленинграда и Холокост ни с чем сравнить нельзя. Факты и документы ужасают» [17].

Ужасают и злодеяния пособников по геноциду, например, украинских бандеровцев, которые властью современной Украины возведены в ранг национальных героев. Как отмечает объективный историк из этой страны Петр Толочко, «под беспощадный нож бандеровцев попадали все. Своих поселян они уничтожили лишь за то, что кто-то критически высказался об их методах борьбы. Убивали без суда и следствия целыми семьями, сжигали живьем в хатах, вешали прямо на их дворах. Схидняков (выходец с востока Украины) убивали просто на всякий случай. Тысячами отстреливали советских воинов, оставших от воинских частей. Партизан они также относили к своим врагам» [18].

Итак, рассмотренными выше направлениями и приемами фальсификации исторической правды не исчерпывается весь арсенал адептов «альтернативной истории». Но даже в рамках этого анализа возможно и необходимо делать следующие выводы. Во-первых, их теоретико-методологической основой является философия прагматизма, а политической – русофобия. Во-вторых, авторы, последователи и спонсоры этих «исследований» преследуют вполне конкретные цели. Обвинив во всех грехах Советский Союз, заставить современную Россию, как его преемника, покаяться, а заодно вернуть Калининград, Курилы, Сахалин... В-третьих, опасность этих дезинформационных атак игнорировать нельзя. Поэтому от тактики защиты исторической правды необходимо переходить в стратегическое наступление, что возможно на основе разработки и принятия государственной идеологии Российской Федерации.

Литература

1. Стрелецкий Я.И. Было такое поколение, которое не создало коллективной памяти // Военно-исторический журнал. 2015. № 6. С. 4.
2. Газета «Завтра». 2019. № 38. С. 2.
3. См.: Новиков В. Подстрекатели из Варшавы // Военно-промышленный курьер. 2020. № 44. С. 10.
4. См.: Рами Аль-Шаер. Искажая действительность. Газета «Завтра». 2020. № 21. С. 6.

5. Гареев М.А. Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008. С. 495.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в 12 т. Т. 12. С. 47.
7. Цит. по: Армейский сборник. 2020. №11. С. 17.
8. См.: Кудряшов К. «Младшая победа» Аргументы и факты. 2020. № 36. С. 16.
9. Новоселова Е. Учебная тревога. Российская газета. 2014. 6 мая. URL: <https://rg.ru>
10. Русские солдаты глазами немцев // Военное обозрение. 2013. 18 апреля. URL: <https://topwar.ru>
11. Разгром немцев под Москвой. Признание врага. М.: Патриот, 2011. С. 144.
12. См.: Литвиненко В.В., Урюпин В.Н., Великая Победа под обстрелом фальсификаторов. Подобострастные мифы о вермахте // Военная мысль. 2020. № 4. С. 49–65.
13. Стрелецкий Я.И. Наш ответ на ложь – это правда // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 12.
14. См.: Зотов Г. «Фюрер – неплохой парень»: как страны-союзники Гитлера искажают историю // Аргументы и факты. 2019. № 31. С. 19.
15. Независимое военное обозрение. 2019. № 22. С. 11.
16. Российская газета. 2020. №14. С.1.
17. См.: Писаренко Д. Убивали целыми семьями // Аргументы и факты. 2020. № 4. С. 17.

Скворцов Игорь Петрович,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко,
доктор философских наук, профессор

Якуба Альберт Владимирович,
Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко,
кандидат социологических наук

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МЕТОДИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Проблема патриотизма имеет важнейшее значение не только в условиях образовательного процесса в высшем учебном заведении, но и в целом для становления политической культуры и политического сознания российского общества.

Она регулярно поднимается в выступлениях высшего руководства нашей страны, находит отражение в концептуальных документах российского государства.

В своей статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» Президент России В.В. Путин отмечал: «В характере у народов России – исполнять свой долг, не жалеть себя, если того требуют обстоятельства. Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству – эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными, стержневыми. На них, по большому счету, во многом держится суверенитет нашей страны»¹.

«Идеология, на мой взгляд, в современном демократическом обществе возможна только одна – патриотизм. В самом широком и хорошем смысле слова», – заявил В.В. Пути на ежегодной большой пресс-конференции в 2019 году. «Это должно быть деполитизировано и направлено на укрепление внутренних основ российского государства», – подчеркнул глава государства².

В формировании патриотизма, на наш взгляд, имеются проблемные вопросы как методологического, так и методического характера. Отметим некоторые из них:

¹ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 19 июня.

² Путин считает патриотизм единственной возможной идеологией современного общества: Большая пресс-конференция Владимира Путина. 2019. URL: <https://tass.ru/politika/7379985> (дата обращения: 27.10.2020).

понимания сущности патриотизма на уровне государства, интеллектуальной элиты, мейнстрима СМИ, системы образования, массовой культуры;

выявления критериев патриотичности сознания и поведения человека, групп населения, народа в целом;

наличия сформулированных и общеприменимых инструментов формирования патриотизма в процессе воспитательной работы в целом, а также в ходе образовательного процесса.

Патриотизм чаще всего характеризуется как нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к родине и готовность пожертвовать своими интересами ради нее.

Патриотизм, в частности, предполагает:

гордость достижениями и культурой своей родины;

желание сохранять ее характер и культурные особенности;

идентификацию себя (особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране и своему гражданству, языку, традициям) с другими членами своего народа;

стремление защищать интересы родины и своего народа.

Очевидно, что через реализацию указанных составляющих патриотизма можно реализовывать цель его формирования в целом.

Патриотизм есть тенденция в политической и социальной культуре признавать авторитет и значимость позиций, связанных с малой и большой Родиной, традицией, семьей, своим этносом, духовной культурой, языком, чувствовать свою сопричастность к ним, связь с целым.

В связи с этим процесс формирования патриотизма включает производство и использование соответствующих эмоций, чувств, образов. Наглядность, достойные фильмы, обращение к примерам традиций и героизма нашего народа в прошлом и что особенно важно, настоящем, использование форм музыки, изобразительного искусства – актуальные и действенные способы воздействия на патриотическое сознание слушателей.

При этом воспитателю при разговоре на темы патриотизма недопустимо использовать общие шаблонные фразы, делать это мимоходом, без серьезных затрат собственной энергии. Привлечь внимание, заинтересовать слушателей, подключить их к диалогу по соответствующе проблематике – важная и обязательная, на наш взгляд, задача.

Содержание и направления процесса воспитания патриотизма, соответствующие способы, связаны с имеющимся и желаемым видом патриотизма, среди которых можно выделить следующие:

этнокультурный. Это патриотизм рода, крови. Это исторически первоначальный, наиболее прочно и естественно возникающий

патриотизм, так как он обращен к глубинным слоям психики человека. Его формирование имеет прочную социокультурную основу, разработанность социального инструментария, давнюю традицию;

гражданский. Это «плавильный котел», производящий патриотизм территории, нации, государства. Он есть продукт буржуазных революций в Европе XVII–XVIII вв. Это патриотизм Франции, Германии и иных европейских государств, при всех различиях расы, культуры, религии населяющих их народов;

имперский. Это патриотизм тоже земли и территории, но не национального государства, а имперского образования с приоритетом надэтнического, с наличием Общего дела, Образа будущего, содружества и соработничества входящих в империю народов. Это патриотизм царской России, России Красного Советского проекта.

В нем присутствует двусоставная идентичность, на основе локальных и региональных национализмов формируется надстройка Большого общего объединяющего патриотизма.

Какой же из перечисленных наиболее органичен для современной Российской Федерации? Ответ на него во многом определяется идеологическими позициями. В этой связи сформулируем наше видение данной проблемы.

В нашей стране присутствует поли- а не моноэтническое общество. Невозможно формирование, например, русского патриотизма в качестве главенствующего, без того, чтобы не подвергнуть серьезному напряжению духовные скрепы общества. «Самый большой националист в России – это я. Но самый правильный национализм – это выстраивание действий и политики так, чтобы это пошло на благо народа», – сказал В.В. Путин на встрече с участниками дискуссионного клуба «Валдай». Он отметил, что «если под национализмом понимается нетерпимость к другим людям – шовинизм, это будет разрушать нашу страну, которая изначально складывалась как многонациональное, многоконфессиональное государство»¹.

Далее, не сформирована «гражданская нация» россиян, хотя попытки ее определить, наметить пути формирования имеют место. Судя по опросам населения, люди чаще всего идентифицируют себя первоначально как представителя конкретного этноса, а потом уже россиянина. Например, законопроект о единой российской нации решили переименовать в закон «Об основах государственной национальной политики» «из-за неготовности общества воспринять идею единой нации»².

¹ Путин назвал себя «самым большим националистом в России». URL: <https://www.interfax.ru/russia/403768>. (дата обращения: 26.10.2020).

² Закон о российской нации переименовали из-за общественной критики. URL: <https://www.interfax.ru/russia/552609> (дата обращения: 28.10.2020).

Для утверждения третьего вида, имперского, требуется привлекательный культурно и социально Проект, отличающийся от других стран и цивилизаций, который на данный момент отсутствует. Но также необходим и развитый патриотизм русского народа, связывающего свое будущее с будущим других коренных этносов России. Тем более это важно, что в обновленной Конституции РФ, статья 68, указано, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

Отсюда в политико-воспитательной работе необходимо возвращать понимание русскими людьми своей особой ответственности за страну, связи своих интересов, целей с выживанием российского государства. История многострадального XX века однозначно свидетельствует: чем меньше в россиянина оставалось русского, тем ближе мы стояли к краю культурно-исторической пропасти.

Усилия воспитателей в данном направлении как раз и должны быть сосредоточены на осознании и понимании русскими людьми своих интересов, ценностей, исторической ответственности, тем более в сложных современных культурно-информационных условиях.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что главными угрозами национальной безопасности в сфере культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости»¹.

В Военной доктрине РФ среди основных внутренних военных опасностей обозначены деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды»².

В Основах государственной культурной политики РФ содержатся важные положения о том, что к наиболее опасным для будущего России проявлениям гуманитарного кризиса среди прочих относятся: девальвация

¹ См.: «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Российская газета. 2015. 31 декабря.

² См.: «О Военной доктрине Российской Федерации»: указ Президента РФ от 05.02.2010 № 146. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30593> (дата обращения: 01.03.2021).

общепризнанных ценностей и искажение общепризнанных ориентиров; деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости России.¹

Среди традиций и ценностей, исторически присущих русскому и другим народам России, в выступлениях Президента России В.В. Путина указаны такие, как: суверенитет, справедливость, патриотизм, взаимопомощь, солидарность, способность обеспечивать межнациональную и межконфессиональную гармонию.

Формирование указанных ценностей в процессе воспитательной работы, обеспечение их реализации в повседневной жизни являются действенными способами укрепления патриотических тенденций.

В практической воспитательной работе важен и учет ориентаций массового сознания жителей России в отношении патриотизма.

По данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения, посвященного изучению патриотических настроений россиян, проведенного 20 февраля 2020 г.,² патриотизм в первую очередь связывают с любовью к своей стране: абсолютное большинство россиян считают, что человек, не испытывающий любви к Родине, не может быть патриотом (85%, на 8 п.п. больше, чем в 2017 г.).

Две трети россиян считают, что человек, избегающий своих гражданских обязанностей – избегающий службы в армии (65%) или уклоняющийся от уплаты налогов (64%), – не может быть патриотом.

Отсутствие знания государственной символики России приравнивают к непатриотичному поведению 59% россиян, при этом оппозиционное или протестное поведение считают таковым реже: отказ от участия в выборах считают непатриотичным 46% россиян, а публичное высказывание мнения, противоречащего государственной точке зрения, – только 23% (на 13 п.п. меньше, чем два года назад).

Как и два года назад, более половины россиян считают, что непатриотичное поведение касается всех, и общество должно на него реагировать (62%). Абсолютное большинство респондентов уверены, что непатриотичных людей нельзя допускать к государственной службе (79%).

Данные опроса показывают, что патриот не должен думать только о себе, а должен соотносить свои интересы с общегосударственными и общественными, чувствовать свою связь с целым.

¹ Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 03.03.2021).

² Опрос показал, что 89% россиян считают себя патриотами. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712782> (дата обращения: 03.03.2021).

Таким образом, проблема формирования патриотизма в ходе образовательного процесса имеет комплексное содержание, должна решаться продуманными разнообразными воспитательными средствами, учитывать современное состояние массового общественного мнения и сознания, проводиться подготовленными к этой деятельности преподавателями, воспитателями, руководителями.

Слизский Евгений Анатольевич,
старший преподаватель кафедры
Белореченского филиала ФГБОУ
Адыгейский государственный университет

ФЕНОМЕН «ДИАСПОРЫ» В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Современное мировое сообщество подвергается влиянию большого числа факторов, экономических, политических, социальных и культурных, которые в последствии могут привести как к незначительным изменениям в его свойствах, структуре или сущности, так и коренной трансформации отдельных сфер жизни или всей системе общественных отношений. Наибольшую роль в данном вопросе играют все более усиливающиеся процессы глобализации международных взаимоотношений между государствами и нациями, развитие мирового рынка, постепенное формирование единой системы международного права, процесс взаимного обогащения культуры разных государств. Перечисленные факторы мы можем оценить в большинстве своем как положительные, однако на трансформации общественных отношений также активно влияют и негативные факторы, например, использование некоторыми народами насильственных методов по смене власти в государстве, стремление наций к самоопределению и созданию автономных государств или государственных образований внутри страны, вмешательство правительств высокоразвитых стран во внутреннюю политику соседей, разжигание войн и конфликтов, геноцид, экономические и политические кризисы, природные катастрофы и т. д.

Вне зависимости от положительного или отрицательного влияния какого-либо фактора, мы можем констатировать, что современное мировое общество испытывает на себе процесс массового перемещения населения, иными словами, растет скорость и уровень миграционных потоков и тех трансформаций, которые они вызывают в принимающем регионе. Таким образом, формируются транснациональные пространства мигрантов, возникают и развиваются землячества и более влиятельная их форма – диаспоры. Так как все больше национальных и полинациональных государств сталкиваются с развитием внутри своего общества сети

диаспор и транснационального пространства, их изучение становится актуальным для современной социологии.

Понятие «диаспора» имеет множество трактовок и употребляется с разным значением, оно охватывает весьма широкий круг явлений. Это говорит о достаточно высоком уровне популяризации понятия и его универсальности в кругах деятелей общественных наук. Однако данные характеристики могут оказаться ошибочными в силу изначального значения термина «диаспора». Поэтому считаем необходимым провести анализ существующих трактовок и выработать качественное определение, охватывающее все его основные характеристики или сущность описываемых им процессов.

С точки зрения исторического контекста, термин «диаспора» не использовался как научное определение и не имел строгой дефиниции. Он использовался по отношению к конкретной национальной общности – еврейской. Однако сейчас мы можем проследить его использование для обозначения множества явлений и некоторых общественных процессов, и его смысл будет трансформироваться в зависимости от того, в каком контексте данный термин был использован. Понятие «диаспора» может приравниваться в своем значении и к «беженцам», и к «мигрантам», и обозначить какое-либо этническое меньшинство в территориальных границах, где лидирующее положение занимают представители другой национальности. В связи с этим мы все же можем говорить об универсальности «диаспоры».

Таким образом, термин «диаспора» обозначает любые группы населения, постоянно проживающие или мигрирующие, которые по разным причинам вынуждены находиться либо за пределами региона происхождения, либо живущие в условиях преобладания другой национальной группы.

Вернемся к историческим корням анализируемого понятия. А. Милитарев в одной из своих работ (О содержании термина "диаспора" (к разработке дефиниции)) анализирует исторический путь термина. Он пишет: «...что касается происхождения греческого термина "diaspora", то он образован от глагола "diaspeirein" – "рассеивать(ся), рассыпать, раздавать, расточать", – состоящего из приставки dia- и глагола "speirein" – "сеять, засеивать, сыпать". Существительное "diaspora" впервые встречается в Септуагинте, греческом переводе еврейской Библии, именно в значении "рассеяние евреев среди язычников". Впоследствии это слово используют Плутарх, Филон Александрийский, а позднее – христианские авторы. В отечественных и зарубежных энциклопедиях и энциклопедических словарях отмечается, что понятие "диаспора" возникло для обозначения и осмысления формы и способа многовекового существования еврейского

народа в отрыве от страны своего исторического происхождения, среди множества различных народов, культур и религий»¹.

Как известно, колыбелью современной науки мы можем смело назвать Древнюю Грецию и Римскую империю, поэтому мы обязаны обратиться в своем анализе к опыту прошлого. В античной Греции диаспора представляла собой группу граждан древнего города-государства, которая мигрировала в новые земли (занятые мирным или военным путем) в целях их скорейшей колонизации и ассимиляции местного населения. Такой способ был крайне эффективным в процессе территориального расселения народа и исследованию новых земель.

Что же касается исторической идентификации употребления диаспоры по отношению исключительно к еврейскому населению, то это связано со сложной судьбой данного народа и всеми лишениями, которыми ему пришлось претерпеть.

Таким образом, мы можем определить диаспору с двух точек зрения: в широком и узком смысле.

В узком смысле диаспора – устойчивая группа людей, имеющих единое этническое происхождение, отождествляющих себе по исторической судьбе, социальным правилам поведения, культурным обычаям и традициям, вынужденная по определенным причинам проживать вне своей исторической родины на правах национального меньшинства в принимающей стране и имеющая социальные и правовые институты, обеспечивающие ее потребности. В широком смысле диаспора представляет собой часть народа, живущую в другом государстве, но сохранившую свою этническую идентичность.

Зачастую термин «диаспора» применяется для обозначения любых групп населения, отличающихся от большей части по национальному признаку, возникших благодаря историческим условиям или в процессе миграционных потоков. Следовательно, диаспора может образовываться среди сограждан по национальному признаку или представлять собой объединения иммигрантов.

Какое же значение имеет диаспора для современных социальных отношений? Как уже было сказано выше, диаспора формируется под воздействием каких-либо общественных или природных факторов, которые вынуждают определенную группу людей поменять место жительства, то есть покинуть историческую родину или место рождения и переселиться в другую страну. Данный процесс является взаимобратным, так как формируясь под воздействием влияния указанных выше явлений и факторов, миграционные потоки трансформируют принимающее общество.

¹ Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24–33.

Миграция вызывает бурные изменения в правовой, экономической, социальной и культурной сфере страны. С точки зрения права необходима разработка мер по адаптации мигрантов к условиям жизни в новом обществе с соблюдением его правил и законов. Экономика испытывает прилив дешевой рабочей силы на рынке труда и возрастанию конкуренции среди предпринимателей. Социум должен осознать и привыкнуть к новым соседям и принять их менталитет, не прибегая к насильственным методам или дискриминации по национальному признаку. В культурной сфере происходят не только процессы взаимного обогащения, но и поглощения одной культурной сущности другой.

В обществе диаспоры в обязательном порядке происходит объединение людей вокруг этнического лидера или группы лидеров, которые выступают как представители интересов национального меньшинства.

Таким образом, внутри принимающего формируется устойчивая группа мигрантов-соотечественников – диаспора – общественное объединение, призванное обеспечить безболезненную адаптацию людей к новым условиям проживания и способствующее формированию нормального взаимодействия с органами власти, представителями экономического сектора, формирующее межнациональные отношения. При этом диаспора может выступать и как провокатор общественной напряженности и очагов социальных конфликтов: в случае, если мигранты не желают приспосабливаться к существующим условиям жизни или если принимающая сторона испытывает чувство враждебности к ним, проявляя дискриминационное поведение.

Литература

1. Милитарев А. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1.
2. Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.

Стрелецкий Яков Ильич,
профессор кафедры
Краснодарского высшего военного
авиационного училища летчиков
имени Героя Советского Союза А.К. Серова,
кандидат философских наук, профессор

СОЦИАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТИПОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН

Военно-историческая статистика констатирует, что войны на Земле ведутся издревле и почти непрерывно: за последние 5 тыс. лет велось 15 тыс. войн и только 300 лет были мирными. При этом проявилась следующая «странная» закономерность. Люди, страдая от войн, занимались не столько сохранением мира, сколько подготовкой к новой войне: одни – к оборонительной, другие – к захватнической. Тем не менее, обе стороны утверждали, что ведут исключительно справедливую войну, ибо понимали, что от определения социального характера войны во многом зависит ее ход и исход. Современные войны в этом плане не являются исключением. Поэтому проблема классификации войн в наше время является исключительно актуальной в теоретических и практических аспектах.

Научная классификация войн предполагает их анализ по трем основаниям: социально-историческому, масштабному и военно-техническому.

Социально-исторический аспект исследует социально-политическую направленность войны, ее влияние на общественный прогресс и классифицирует войны на роды, типы и виды. Категория «род войны» раскрывает главное в войне – политическое содержание, определяющее ее социальный характер. По своему социальному характеру войны могут быть двух родов: а) справедливые, законные, прогрессивные; б) несправедливые, незаконные, реакционные. Для определения политического содержания войны и, следовательно, определения ее социального характера разработана четкая система критериев.

Это, во-первых, социально-классовый критерий – выяснение того, «из-за чего эта война разразилась, какие классы ее ведут, какие исторические и экономические условия ее вызвали». Известно, что агрессоры, развязывая захватнические войны, всегда скрывают их действительное социальное содержание и социальный характер. Этот подход позволяет вскрыть истинные цели, интересы классов и государств в той или иной войне, исключает субъективизм в ее оценке.

Во-вторых, критерий морально-политический. Он позволяет выразить социальный характер войны в категориях нравственно-

этических. Агрессор, как свидетельствует военная история, всегда старался обходить или даже отбросить морально-этический аспект развязанной им войны. Например, Гитлер в своей нацистской пропаганде и человеконенавистнической политике освобождал фашистских извергов от такой «химеры» как мораль, совесть. Морально обоснованными, т. е. справедливыми, могут быть только те войны, которые ведутся в целях освобождения народа, ради защиты его интересов.

В-третьих, критерий правовой, определяющий социальный характер войны в категориях права с двух сторон. С одной – с точки зрения законности или незаконности политических целей, преследуемых в войне. В этом случае правовая оценка войны непосредственно вытекает из ее политического содержания. Стало быть, захватчик всегда ведет войну преступную и, значит, несправедливую, а войны в защиту своего Отечества – это войны правовые, справедливые. Таковыми являются, например, Отечественная война 1812 г., Великая Отечественная война 75-летие Победы в которой наш народ торжественно отмечает в этом году. За эту Победу, отметил президент РФ В.В. Путин, «Мы заплатили такой ценой, которая не снилась в самых страшных снах ни одному народу – 27 млн. погибших. Мы никогда об этом не забудем». Правовая оценка войны охватывает, с другой стороны, ее оценку с точки зрения применяемых в ней средств и методов вооруженной борьбы в плане их соответствия или несоответствия общепринятым нормам, международному праву. Например, американская военщина, попирая международные договоры и конвенции, только за период своей агрессивной войны во Вьетнаме уничтожила от 80 до 85% лесов и посевов, жертвами ее химической войны стали более двух миллионов человек.

Классическим образцом научного определения социального характера войны по всем этим трем критериям является Великая Отечественная война советского народа против нацистской Германии и ее союзников. Эта война была справедливой, освободительной, законной, что нашло отражение не только в оценках известных политических деятелей, в исследованиях объективных историков, но и в правовых актах, например, в документах Нюрнбергского трибунала. Тем не менее, в наше время авторы и сторонники «альтернативной истории» пытаются исказить историческую правду. Так, в рекомендованном министерством образования и науки Украины учебнике И.Я. Щупака «Всемирная история: новейший период (1939–2011 гг.)» школьникам внушается, что эта война для украинцев была «чужой», ибо велась она между Берлином и Москвой, а поэтому, дескать, была несправедливой с обеих сторон. Такая фальсификация сопровождается героизацией «пособников гитлеровцев, участников преступлений, геноцида, уничтожения мирного гражданского населения из Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА).

Социально-исторический аспект анализа войны включает, как отмечалось, классификацию войн по типам. Категория «тип войны» объединяет определенную группу войн, сходных по общим для них коренным, существенным признакам. Объективная основа классификации войн по типам вытекает из определения сущности самой войны: «война есть продолжение политики иными (насильственными) средствами». Значит каждая война готовится и ведется конкретными субъектами – партиями, классами, правительствами. Следуя этой методологии, в военной истории выделяются следующие типы войн: рабовладельческие, средневековые, войны Нового времени и современные войны.

В рамках классификации войн на роды и типы следует выделить виды войн. Понятие «вид войны» является как бы производным от деления войн на роды и типы и характеризует конкретную справедливую или несправедливую войну определенного типа. В современную эпоху видами справедливых войн являются: войны в защиту своего Отечества; национально-освободительные войны; войны против милитаристов, террористов и др.

Масштабные основания классификации войн включают учет их пространственного размаха и числа участников (локальные и мировые войны), характеризуют их длительность (скоротечные и затяжные войны). Эта классификация не жесткая, не однозначная. Локальная война в современную эпоху таит в себе возможность перерасти в мировую, которая может быть, как скоротечной, так и длительной, затяжной.

Военно-технический аспект анализа войны отражает характер применяемых в ней военной техники и оружия, а также способы ведения боевых действий. Современные войны могут вестись обычным оружием и оружием массового поражения. Характер боевых действий определяется типом войны, ее политическими целями и видом применяемого оружия.

Особым типом современной войны является гибридная война. Ее концепция принята на вооружение правительством США еще в период «холодной войны» против СССР и во многом способствовала его развалу. Ныне эта война или «война управляемого хаоса» активно и нередко результативно ведется с целью «защиты американских интересов» в различных странах мира, в том числе и в особенности, на постсоветском пространстве и, в первую очередь, против нашей страны. При этом американская политическая элита своих целей не скрывает. Как признался один из кандидатов на пост президента США Митт Ромни, «мы разрушили СССР, разрушим и Россию. Наша задача – заставить Россию пожирать себя изнутри, внося смуту и раздор в общество этой страны».

Гибридная война отличается рядом особенностей, среди которых выделим следующие:

– комбинированный характер – классическое военное насилие сочетается с терроризмом, с кибератаками, экономическими санкциями, дипломатическим давлением;

– правовой нигилизм – нарушение международных конвенций, договоров, ранее взятых на себя обязательств;

– активное использование протесто-дезинтеграционного потенциала «пятой колонны»;

– организация «цветных революций», особенно на постсоветском пространстве;

– когнитивные, информационно-идеологические диверсии. «Любая «цветная» революция, – полагает президент НИЦ «Курчатовский институт», член-корреспондент РАН Михаил Ковальчук, – это использование когнитивных технологий для управления массовым сознанием».

Эти особенности гибридной войны отражают ее содержание – цели, средства, методы и методологию. Что касается первых трех ее аспектов, отметим здесь только один – ведется эта война, в первую очередь, против нашей страны чужими руками на средства Запада, в основном США, и ведется профессионально и эффективно. Что до методологии, то следует отметить, что западные социологи и военные эксперты пытаются выхолостить из войны ее политическое содержание, с одной стороны, и делают акцент только на ее военно-технической составляющей, с другой. Так, авторы книги «По пути к миру», изданной в США в 2014 г., утверждают, что классическое различие между справедливой и несправедливой войной не может сохранить силу в наше время, когда имеется оружие, способное уничтожить мир. Этой же позиции придерживается и американский философ Дж. Сомервилл. Он утверждает, что понятие справедливой войны к термоядерной войне неприменимо, поскольку «обмен ядерными ударами означает самоубийство, саморазрушение и не только саморазрушение, но и всеобщее уничтожение». Показательно, что с такой точкой зрения солидарны и некоторые отечественные исследователи. Так, В.П. Ляшенко пишет: «Ядерная война (а для Европы и обычная) не может быть справедливой независимо от того, кто ее начнет, с какими целями она будет вестись, ибо ее результатом будет гибель человечества». И далее: «несправедливой сегодня является любая война».

Эти теоретические положения не бесспорны, ибо в них смешаны две разные по своему содержанию проблемы. Первая – о действительно драматических последствиях для человечества ядерной катастрофы и вторая – о социальном характере, скажем, начавшейся ракетно-ядерной войны. Последняя, если она вспыхнет, готовилась и развязывалась конкретными политическими силами, агрессорами. С их стороны эта война будет, безусловно, несправедливой. Наоборот, подвергшаяся ядерному

удару сторона будет вести справедливую войну. И еще один аспект этого вопроса. Думается, что в ракетно-ядерной войне следует разграничивать понятия «справедливая война» и «прогрессивная война». Они, как в обычных войнах, не совпадают: ведущаяся с применением оружия массового поражения война может быть справедливой, но не прогрессивной.

За последнее время западная военно-техническая мысль активно разрабатывает новый феномен в типологии войн – *концепцию сетцентрической войны*. Ее можно определить как метод ведения войны, при котором управление боевыми действиями передается младшим командирам «на местах» при условии надежного информационного господства. По мнению авторов этой концепции (американские военные аналитики вице-адмирал Артур Себровски и профессор Джон Гарстка), ее успешная реализация зависит от решения следующих проблем:

- философской – основанной на парадигме приоритета информационно-когнитивной сферы над физической при ведении боевых действий;

- организационной – построение боевых порядков, организация взаимодействия, маневрирование подразделений, децентрализация управления;

- технологической – обеспечение надежной и безопасной работы средств связи, скоростная обработка разведанных, автоматический контроль информационных потоков;

- психолого-образовательной – подготовка командиров низшего звена на таком уровне, при котором они самостоятельно принимали бы грамотные решения в русле общего замысла командования.

Комментируя концепцию сетцентрической войны, отметим следующее. Во-первых, военное дело развивается и военно-теоретическая мысль здесь выступает, своего рода, катализатором, что необходимо, закономерно, рационально. Во-вторых, наличный экономический, научный и военный потенциалы США позволяют армии этой страны решить многие из отмеченных выше задач. И, в-третьих. Эта концепция рассчитана на высокую сознательность, творческую инициативу и, главное, на такие морально-нравственные качества младшего командного состава, которых вряд ли можно достигнуть при тех агрессивных, несправедливых, незаконных войнах, которые вели США за послевоенный период по всему миру.

Итак, сложнейшая проблема социального содержания и типологии войн в рамках военно-философской мысли решалась и решается неоднозначно и даже противоречиво. В одном случае, на основе научной методологии реализуется гносеологический принцип объективности анализа, а в другом – так или иначе, вольно или невольно искажается истина. Современный уровень развития военно-технических средств

вооруженной борьбы исключает возможность достижения ими агрессивных политических целей. В этом плане ракетно-ядерная война перестала быть войной как таковой, ибо грозит гибелью всему человечеству. Поэтому у последнего нет другого выхода, кроме объединения своих усилий в борьбе за мир.

Литература

1. Вестник Академии военных наук. 2019. № 1 (66). С. 14.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 77.
3. Путин В.В. Свеча памяти не гаснет. Российская газета. 2020. № 14. С. 2.
4. Стрелецкий Я.И. «Наш ответ на ложь – это правда» // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 9.
5. Клаузевиц К. О войне. – М.: Наука, 1961. Т. 1. С. 17.
6. Военно-промышленный курьер. 2019. № 3. С. 4.
7. См.: Владимиров Д. Не рабы, а служебные люди. Аргументы и факты. 2020. № 42. С. 5.
8. Цит. по кн: Современная философская и социологическая мысль в США. – М.: Прогресс, 2015. С. 28.
9. Философия и военное дело: Учебное пособие. – М.: Военная академия М.В. Фрунзе. 2003. С. 274.
10. Подробнее см.: Чижевский Я.А. Реализация концепции сетевых боевых действий в вооруженных силах США // Военная мысль. № 3. 2019. С. 116–137.

Сухарева Екатерина Сергеевна,
4 курс (бакалавриат)

Кубанский государственный университет

ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

XXI век является веком высоких технологий, коммуникаций и тотального распространения сети Интернет. Всемирная паутина представляет собой неотъемлемую часть общественной жизни, связанную с различными сферами, такими как образование, экономика, политика, право и др. По данным агентств «We are Social» и «Hootsuite» в 2020 году количество интернет-пользователей в мире составляет около 4,54 млрд

человек¹. Это свидетельствует о переходе основного формата общения и коммуникации в онлайн-пространство. Подобные процессы, в большей степени, обладают конструктивным потенциалом, способствуют интеграции личности, общества и государства в виртуальную реальность. В то же время коммуникативные особенности интернет-пространства могут оказывать деструктивное, в том числе криминально-идеологическое воздействие на сознание и поведение пользователей². Отсюда особую актуальность представляет изучение процессов интернет-коммуникации и выявление существующих рисков, определение ключевых элементов и способов передачи информации в сети.

Одним из способов передачи информации в интернет-коммуникации выступает такая единица как мем. Впервые о существовании данного явления заявил в 1976 г. английский ученый Р. Докинз в своей работе «Эгоистичный мем»³. Исследователь сформулировал биологическую теорию понимания мемов, по которой, мем представляет собой устоявшуюся часть общечеловеческой культуры, передающейся от одного человека к другому с помощью лингвистической информации. На сегодняшний день большинство работ социологов, политологов, филологов, культурологов посвящены исследованиям мемов в онлайн-пространстве. Так, российский исследователь мемов Ирина Ксенофонтова считает, что интернет-мем – это явление спонтанного распространения некой информации (отметим, что не всякая информация может стать мемом) в сети Интернету всеми возможными способами»⁴.

Современные интернет-мемы активно внедряются в политические процессы, используются в избирательных кампаниях, способствуют созданию имиджа политических деятелей и формируют образ врага. Так, на президентских выборах США в 2012 году использование медиамемов в избирательной кампании Б. Обамы сыграло важную роль в его победе на выборах (клип Эмбер Ли Эттинген – Obama Girl [Crush On Obama], и положенную на музыку звездами Голливуда предвыборную речь самого политика [Yes, We Can], и иные проекты, набравшие миллионы просмотров в сети)⁵.

¹ We Are Social. Digital 2020: global digital overview. [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения: 21.02.2020).

² Ильницкий А.С. Криминальная идеология в сети Интернет: теоретические и социально-правовые предпосылки криминологического познания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50). С. 49–53.

³ Докинз Р. Эгоистичный ген. – М.: Corpus, АСТ, 2017. – 512 с.

⁴ Ксенофонтова И.В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор. 2009. № 3. С. 289.

⁵ Шомова С.А. Политический Интернет-мем: сущность, специфика, особенности // Бизнес. Общество. Власть. 2015. № 22. С. 28–41.

На российском политическом пространстве также активно используются политические мемы. Одним из самых знаменитых лозунгов предвыборной кампании Бориса Ельцина в 1996 году «Голосуй или проиграешь» в итоге стал политическим мемом. Свидетельством ведущей роли мемов стало заявление ЦИК о готовности активно использовать данную технологию на президентских выборах 2018 года¹. В целом последние масштабные события, которые проходили на российской политической арене сопровождались медиамемами: пенсионная реформа, поправки в Конституцию, Единый день голосования 2020 г. и другие.

Причиной активного использования интернет-мемов в политической среде является их функционал и специфические черты, которые оказывают воздействие на пользователей социальных сетей.

В современных реалиях можно говорить о том, что создание и распространение интернет-мемов является нормальной реакцией общества на события окружающей действительности. Являясь оперативной реакцией на происходящие события, они заостряют на нем внимание и порождают обсуждение. В случаях, когда интернет-мем точно описывает ситуацию, которую разделяет некое сообщество, мем становится составной описательной частью происходящих процессов и представлений данного сообщества.

Яркое событие или интересное изображение, само по себе может стать материалом для создания интернет-мема. В итоге это яркое событие представляется с неожиданной стороны, мем еще на этапе становления может закладывать в него некую провокационность, направленность и интерпретацию события, транслируя отношение автора к нему, т. е. формирует реальность в сознании интернет-аудитории.

Создавая интернет-мем, пользователи сети достигают желаемой коммуникативной реакции от других пользователей, в связи с этим можно выделить ряд коммуникативных функций мема:

1. *Функция информирования.* Сущность данной функции состоит в том, что интернет-мемы порождают у онлайн аудитории ощущение постоянного нахождения в центре событий. Мемы в интернет-среде передают множество информации, создавая в сознании пользователей представления включенности в ту или иную проблему.

2. *Функция коллективизации.* Поскольку структура социальных сети подразумевает возможность завязывания новых контактов множеством путей, то именно мем способен быстро дать человеку ощущение своей принадлежности к группе и на его основе полноценно вступить в коммуникацию².

¹ ЦИК намерена использовать мемы и селфи для привлечения избирателей на выборы. URL: <https://daily.afisha.ru/news/10765-cik-namerena-ispolzovat-memy-i-selfi-dlya-privlecheniya-izbirateley-na-vybory> (дата обращения: 21.02.2020).

² Ягодкина М.В. Мемы в интернет-коммуникации // Art logos. № 2 (7). 2019. С. 146–147.

3. *Функция индивидуализации.* Беря во внимание функцию коллективизации мема, нельзя оставить без внимания тот факт, что она невозможна без символов и атрибутики отличной для данной конкретной группы. То есть тех отличий, которые делают каждого пользователя исключительным. Когда пользователь публикует на своей странице какой-либо интернет-мем, он автоматически реализует потребность в индивидуализации, поскольку опубликованный мем будет вызывать и других пользователей ассоциации с владельцем страницы.

4. *Функция компенсаторности.* Данная функция предполагает использование технологий манипуляции чувствами, обращение к инстинктам, возвышение адресата.

Политические интернет-мемы служат универсальным языком, который помогает установить контакт между властью и обществом, получить обратную связь интернет-аудитории по поводу того или иного политического события или сформировать необходимый образ, мнение или идею.

Помимо значимой функциональной направленности интернет-мемов они обладают специфическими особенностями, которые отличают их от других технологий воздействия на мнения онлайн аудитории и дают технологическое преимущество.

Основными специфическими характеристиками интернет-мемов можно назвать следующие:

1. *Эмоциональность.* В большинстве своем мем, размещенный в сети, носит юмористический характер и вызывает у реципиента такие эмоции как смех, радость и другие, однако часто встречаются мемы и апеллирующие к противоположным эмоциям, способные вызвать у человека грусть, страх и разочарование. В большинстве своем, когда один пользователь пересылает другому какой-либо интернет-мем, он хочет передать именно ту эмоцию, которая заложена в меме, которую испытал он сам.

2. *Вирусность.* Мем как вирус рассматривали многие отечественные и зарубежные исследователи. Эта специфическая черта мема связана, прежде всего, с его способностью к быстрому распространению среди интернет-аудитории.

3. *Актуальность.* Интернет-мем выступая реакцией на какое-либо событие, имеет привязанность к конкретному контексту. Таким образом, злободневность Интернет-мема предполагает реакцию Интернет-аудитории, выражающую их отношение к актуальному происходящему событию.

4. *Серийность.* Серийность интернет-мемов заключается в том, что они способны создавать ряды схожих единиц. Это проявляется в наличии у нескольких мемов одной общей идеи или, например, определенного оформления. Однако следует отметить, что данная особенность характерна не для всех мемов, хотя и является одним из важнейших его признаков.

«Серийность выступает основополагающим признаком интернет-мема поскольку отражает такие важные качества интернет-мема, как повторяемость и массовость»¹.

5. *Минимализм формы.* Минималистическая форма интернет-мема дает ему несколько преимуществ, во-первых, простая форма значительно облегчает восприятие мема и делает его понятной единицей для обычного интернет-пользователя, а во-вторых, сжатая форма дает преимущества в процессе его тиражируемости, опять же в силу своей упрощенности.

6. *Юмор.* Большинство интернет-мемов призваны вызвать у пользователя сети положительные эмоции, поэтому они юмористически окрашены. Интернет-мемы относят к жанру доступного юмора для среднестатистического человека, они схожи с классическим юмористическим жанром – анекдотами. Нередко интернет-мемы используют метафоры и подкрепляются графическими средствами призванными вызвать смех.

7. *Простота.* Эта черта мемов заключается в их способности доступно и в легкой форме передать главную и нужную идею. Таким образом, простота восприятия передаваемой информации усиливает возможность ориентирующего воздействия на пользователя.

9. *Способность «вцепиться» в память.* Успешный интернет-мем концентрирует на себе внимание пользователя и буквально «вцепляется» в его память. Это происходит за счет привлекательности данного мема, обусловленной его остроумием, стилистикой и яркостью.

10. *Мем порождает дискуссию.* Часто интернет-мем содержит в себе провокацию, которая призвана вовлечь интернет-аудиторию в обсуждение и общение. В результате пользователи, стремящиеся высказать свою точку зрения по тому или иному вопросу, получают одобрения или неодобрения происходящих событий получают эту возможность².

Таким образом, интернет-мемы в целом и политические интернет-мемы в частности, сегодня, призваны оказывать влияние на общественное мнение. Легкость их восприятия, простота создания, актуальность, функционализм и атрибутивность делают политические Интернет-мемы универсальным языком общения между властью и обществом. В политической сфере это языковой инструмент политтехнологий призванный для достижения конкретных целей, как со стороны политиков, так и со стороны общественности.

¹ Смородина А.А. Интернет-мемы как способ коммуникации человека в современном мире // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 5. 2019. С. 80.

² Столетов А. Мемы: мифы и реальность. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketing.spb.ru/lib-around/socio/meme.htm> (дата обращения: 21.02.2020).

Таганова Анна Александровна,
начальник кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

АНАЛИЗ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ФЕНОМЕНА УСТАНОВКИ В ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Борьба форм духа за индивидуальное сознание требует разработки особых методов демонстрации очевидности своего понимания предметности и адекватности способов отношения к ней. Такие методы наведения индивидуального сознания на нематериальные или сконструированные теоретическим мышлением предметы и цели получили в научно-исследовательской литературе наименование установок сознания. Несмотря на то, что метатеоретическое понимание установки сознания существенным образом отличается от данного феномена в дисциплинарном контексте, тем не менее, эти трактовки безусловно связаны с друг с другом и имеют много общего. Поэтому необходимо кратко рассмотреть наиболее типичные способы понимания термина «установка сознания» в науке и философии. Начнем с анализа употребления данного термина в психологии.

Определение установки как целостной деятельности субъекта имеет в грузинской психологической школе не умоуменьшающее, а принципиально эмпирическое и экспериментальное происхождение. В первую очередь, оно отражается на многочисленных экспериментах, проводимых основателем этой школы Д.Н. Узнадзе. В своей работе «Экспериментальные основы психологии установки» он демонстрирует несводимость содержания психики к совокупности реакций на внешние раздражения. Так, испытуемые в процессе экспериментов имели представления об объеме, силе давления, звуке и т. д., не соответствующие реальному состоянию предметов. Основанием этих иллюзорных комплексов ощущений Узнадзе признавал «всесознательный психический процесс», который представлял собой реакцию на внешнее раздражение и продолжал свое развитие, не смотря на изменение или исчезновение раздражителя. Иными словами, человеческая психика продолжает свою работу, несмотря на изменение внешних условий и порождает тем самым иллюзорные представления. Эту погруженность психики во внешнюю деятельность Узнадзе называет установкой.

Подчеркивая то обстоятельство, что установка есть функция человеческой психики в целом, Узнадзе предпочитает говорить об установке субъекта, а не об установке сознания. В частности, грузинский психолог отмечает: «...установка, касаясь материала, получаемого субъектом при помощи всех его рецепирующих органов, должна быть понимаема не как их специальная функция, а как общее состояние индивида... Возникает вопрос: как же понимать это состояние? Если оно – это состояние установки – представляет собой феномен сознания, то тогда придется считать его одним из многих явлений, имеющих в нем место наряду с другими. Но мы видели, что установка не может быть отнесена к этой категории явлений. Она должна представлять собой, скорее, некоторое общее состояние, которое касается не отдельных каких-нибудь органов субъекта, а деятельности его как целого».

Вынося установку за рамки сознания, Узнадзе одновременно отказывается рассматривать ее и в качестве бессознательного. Отказ от применения этого термина по отношению к установке объясняется тем, что в психоанализе бессознательные и сознательные процессы идентичны по структуре и характеру, а различаются только тем, что первые индивидом не сознаются, а вторые – сознаются. Несмотря на отрицание психоанализа, Узнадзе согласен с Фрейдом в том, что человеческую психику нельзя свести к сознанию. Поэтому грузинский психолог предпочитает говорить об установке как о проявлении внесознательного, а не бессознательного.

По Узнадзе, установка представляет собой модификацию, переустройство индивида в целом под воздействием внешних условий. Иными словами, это готовность индивида к определенного рода деятельности, направленной на удовлетворение конкретной потребности. Изменение условий приводит к прекращению актуализации установки, то есть ее воздействия на сознание вплоть до повторения уже имевшей место ситуации. В случаях, когда такая ситуация возникает, Узнадзе говорит о фиксированных, то есть вполне определенных установках, тогда как взаимодействие индивида с незнакомой ему средой требует формирования новых, а потому мало определенных или диффузных установок. Со временем диффузные установки приобретают более развитый характер, начинают применяться к тому или иному отдельному случаю и тем самым превращаются в так называемые дифференциальные установки. Наличие области внесознательного и присутствие в ней различных типов установок привело грузинского психолога к следующему выводу: «без участия установки вообще никаких психических процессов как сознательных явлений не существует... для того, чтобы сознание начало работать в каком-нибудь определенном направлении, предварительно необходимо, чтобы была налицо активность установки, которая, собственно, в каждом отдельном случае и определяет это направление».

Рассмотрение установки в качестве руководящего принципа функционирования психики в целом потребовало от Узнадзе проведения анализа ее воздействия на волю, мышление и творческие способности человека. Исследуя значение установки для развития творческого воображения, Узнадзе, а также другой грузинский психолог Р.Г. Натадзе пришли к выводу, что способность индивида к художественному творчеству зависит от степени его погруженности в мир представляемых объектов. В частности, Узнадзе, комментируя высказывание своего коллеги, отмечал: «психологическая сущность сценического перевоплощения заключается в выработке установки, соответствующей представляемой (а не воспринимаемой в данный момент) ситуации; вызванная представлением установка фиксируется в процессе репетиций». Наш автор приходит к заключению, что фиксировать установку на основе «представления» удастся гораздо легче способным деятелям сцены..., чем лицам, ... отличающимся малой способностью к сценическому перевоплощению».

Погруженность субъекта в ту или иную деятельность неразрывно связано с дистанцированием от постоянно изменяющихся внешних условий. В области искусства это дистанцирование приводит к формированию эстетической реальности. Тем самым выясняется, что иллюзии, возникающие у субъекта в процессе действия установки, являются не просто знаком ее актуализации, но служат материалом, из которого выстраивается духовное произведение искусства.

Сам по себе уровень объективации отличается от уровня установки, связанного с планом импульсивного поведения. Но это различие не означает отсутствия воздействия установки на мышление. Более того, само мышление есть результат действия установки. Подобно тому, как поглощенность той или иной деятельностью вызывает у индивида иллюзорные представления, концентрация внимания на том или ином объекте приводит к его мыслительному рассмотрению, т. е. переводению из реальной в познавательную сферу, что превращает его в теоретическую модель, отличную от оригинала. Таким образом, установка, как в плане деятельности, так и в плане объективации, связана с движением, но в первом случае имеет место реальное движение, а во втором – мыслительное.

Кроме того, мыслительные акты направлены на конструирование поведения, то есть на подбор необходимой установки. Отсюда Узнадзе делает вывод: «Нет сомнения, что процесс мышления и в этом случае не может протекать совершенно независимо от той или иной установки субъекта. Каждый акт суждения, несомненно, вытекает из соответствующей установки, и задача заключается в том, чтобы выяснить, какова эта установка в каждом отдельном случае и откуда идет она... в данном случае мы имеем дело с установкой, возникшей не на основе

актуальной потребности..., а на базе вторичной, ... воображаемой потребности... в каждом отдельном случае у субъекта возникает вопрос (потребность познания), как и представление ситуации его разрешения, в результате чего у него появляется совершенно определенная установка. В дальнейшем каждый независимый отдельный акт мышления на базе этой установки и, следовательно, представляет отдельный случай ее реализации. Так реализуется в нашем случае установка, построенная на основе объективированного содержания, – так возникает и осуществляется логическое мышление человека».

Согласно Юнгу, установку следует отличать от простого внимания, при котором сознание находится в пассивном состоянии и поглощено восприятию чувственного или мыслительного материала. Напротив, переход сознания в состояние действия, неразрывно связанного с установкой, активизирует его субъективное содержание, в том числе представления о цели и импульсов к действию. При этом Юнг отказывается рассматривать установку в качестве простой готовности к действию или осуществление действия, для него она всегда связана с определенной стратегией поведения разрабатываемой мыслительным центром сознания – Я. Таким образом, установка так или иначе сопряжена с мышлением, и потому Юнг, в отличие от Узнадзе, предпочитает пользоваться термином «установка сознания» или «мыслительная установка». Когнитивная интерпретация установки с одной стороны, сближает данный термин с понятием «мировоззрение», а с другой – не снимает проблемы ее бессознательности, поскольку индивид очень часто не понимает подлинных целей своих действий.

Разрешая данные противоречия, Юнг указывает, что установка представляет собой целенаправленную организацию содержания сознания, которая при дальнейшем развитии принимает форму мировоззрения. Поэтому установка может быть как осознанной, так и бессознательной. Напротив, мировоззрение, как правило, является осознанием лежащей в его основе установки. Сам Юнг освещает эту связь установки и мировоззрения следующим образом: «Представление, которое складывается у нас о мире, является образом того, что мы называем миром. Именно на этот образ, исходя из его особенностей, мы ориентируемся в нашем приспособлении... Однако, для того, чтобы оторвать сознание от сиюминутных, возможно даже неотложных занятий и направить его на более общие проблемы установки, почти всегда необходимо волевое решение. Если же мы того не делаем, то тем самым оставляем нашу установку бессознательной... Если не давать себе в этом отчета, то основные причины и цели остаются бессознательными, и кажется, что все...случилось само собой. В действительности же происходят сложные процессы заднего плана, с собственными причинами и целями...».

Итак, швейцарский психолог подчеркивает, что установка, даже будучи бессознательной, не может быть признана полностью иррациональной, в ней всегда присутствует определенная логика. Вопрос состоит только в том, желает ли индивид приложить усилия для того, чтобы эта логика стала ему самому понятной. В этой связи попытки некоторых ученых отказаться от создания мировоззрения оценивается Юнгом как возврат на первобытную ступень развития сознания. Таким образом, осмысление собственных установок индивидом рассматривается швейцарским психологом не только как момент формирования мировоззрения, но и как важнейшая составляющая духовной культуры личности.

Вместе с тем, Юнг не считает, что установку сознания можно редуцировать к целям и желаниям Я, данный феномен имеет значительно более сложный характер. Раскрывая эту противоречивость и неоднозначность установки, присутствие в ней рациональных и иррациональных черт, Юнг пишет: «...под «установкой» обычно понимают «настраивать-себя-на-что-либо», то есть деятельность «Я» и, стало быть, намеренность. Однако, установка или образ мыслей далеко не всегда являются продуктом желания, а своим своеобразием они, пожалуй, намного чаще обязаны духовному заражению, примеру и влиянию окружения. Как известно, есть люди, негативная установка которых отравляет атмосферу, их дурной пример заразителен, своей невыносимостью он нервируют других людей. Установка или образ мыслей может, поэтому, навязываться посредством тех же самых языковых метафор. На первый взгляд, установка кажется чем-то значительно более сложным, нежели аффект. Но, при более тщательном исследовании оказывается, что это не так, ибо большинство установок осознанно или неосознанно основаны, так сказать, на сентенции, которая зачастую имеет даже характер пословицы. ... Нередко установку можно охарактеризовать также и единственным словом, как правило, идеалом. Часто квинтэссенция установки не является ни сентенцией, ни идеалом, но воплощается в вызывающей уважение личности, которой стремятся подражать».

Присутствие в установке рациональных и иррациональных моментов позволяет швейцарскому психологу при более конкретной ее характеристике выделить экстравертную и интравертную разновидности установок. Первая из них ориентирует индивида во вне, а вторая – во внутрь самого себя. Сочетание этих установок с такими психологическими функциями мышления, как ощущение, чувство и интуиция порождает различные психологические типы личности. Тем самым установки сознания не только ориентируют поведение индивида, но и определенным образом организуют содержание его сознания, что позволяет говорить об их продуктивности. При этом продуктивность установок в интерпретации

Юнга существенным образом отличается от ее толкования Д. Узнадзе. Согласно первому, результатом действия установок служит устойчивый образ личности – психологический тип, тогда как согласно второму – временное изменение психики, характеризуемое появлением иллюзий. Наличие различий в понимании как характера, так и функций и конечных результатов действия установок не помешало двум, столь не схожим психологам выделить сходную структуру установки, состоящую из: 1) субъективного элемента, представленного в виде целокупности психофизиологических функций; 2) объективного элемента, выраженного в качестве конкретной цели и 3) связующих их коммуникативных отношений, состоящих в целенаправленной мыслительной или физической деятельности и получаемой от объективных данных.

Теперь рассмотрим основные моменты психологической концепции представителей грузинской школы, имеющие отношение к культурологической метатеории. В первую очередь необходимо отметить близость Узнадзе и его последователей к проекту критической онтологии, на базе которого разворачивается метатеория. Так, грузинский психолог исходит из констатации принципиального различия между психическими и природными мирами, что является аналогией противоположности субъективного и объективного бытия в указанном выше проекте. Прямым следствием этого различия нужно признать рассмотрение Узнадзе человеческой психики в качестве единого целого, обладающей собственной определенностью и не сводимой к данным, получаемым ею извне. Подобный взгляд вполне согласуется с подходом метатеории, рассматривающей человеческий дух в качестве необходимого условия данности мира в целом и протекающих в нем процессов в частности. Далее, и в проекте критической онтологии, и в психологической концепции грузинской школы, различие между объективной и субъективной сферами бытия проводится на основании способности сознания к объективации, т. е. к концентрации внимания на интересующих его моментах объективной реальности, благодаря чему выстраивается особого рода предметность, не совпадающая с чувственно-наглядными вещами.

В этом отношении феномен установки в его психологической трактовке служит своего рода объяснением возникновения духовной жизни. Духовное бытие выступает здесь в качестве результата взаимодействия субъекта как целого с внешней средой. Имея своим побочным результатом способность порождать иллюзии, установка закладывает основание для выхода индивидуального сознания за рамки природного бытия в мир художественного творчества и логического мышления. Еще одним важным моментом психологической концепции Узнадзе, имеющим прямое отношение к философии культуры, следует признать констатацию различия человеческой деятельности, подчиненной

определенной установке, и реальным бытием. Будучи спроецированным на область культуры, это различие объясняет феномен духовного фундаментализма. Так, сознание, находясь в состоянии достижения поставленной цели, переносит свои представления и ощущения на реальные предметы. Подобно этому форма духа, реализуя собственные идеалы познания и поведения, очень часто вторгается в предметные области, традиционно разрабатываемые другими формами духа. Это, с одной стороны, приводит к напряженности в социокультурной ситуации, а с другой – способствует формированию новых культурных феноменов.

Что же касается различия между психологическим и метатеоретическим пониманием установки, то необходимо подчеркнуть, что установка в школе Узнадзе имеет психофизическую интерпретацию, которая подтверждается многочисленными опытами над животными и их сопоставлениями с экспериментами с участием людей. На этом основании психологи грузинской школы говорят об установке как о домыслительном, внесознательном уровне психики, что приводит к ее пониманию в качестве внеинтеллектуального образования.

Теперь выделим наиболее значимые для культурологической метатеории моменты юнговской концепции установки. Уже сам выбор сферы сознания в качестве области выявления установки сближает психологию Юнга с философией культуры. Хотя последняя имеет дело с общественным сознанием или духом, а первая – с сознанием индивидуальным, но по отношению к обеим реальностям установка выступает в качестве сущностной характеристики, отражающей динамический и продуктивный характер сознания в целом. Если в грузинской школе психологии установка выступала в качестве акта, определяющего мышление, но не зависящего от него, то у Юнга установка – это целенаправленная группировка содержания сознания. Сходным образом культурологическая метатеория полагает, что различные проявления человеческого духа, будучи хранилищами определенного рода опыта, не могут быть рассмотрены вне их содержания. Поэтому действие установок в сфере духа – это всегда выяснение отношения мыслительного действия к конкретному содержанию.

Другим важным моментом юнговской концепции является подчеркивание несводимости установки к усилиям индивида. Именно поэтому швейцарский психолог говорит о возможности «заражения» определенным образом мысли. Признавая возможность существования индивидуального сознания только в контексте более общей формы субъективной реальности – духа, Юнг рассматривает установки в качестве объективной по отношению к индивиду комбинации идеалов, целей и средств их достижения, которая может быть, как реализована, так и не реализована человеком в поведении и творчестве. Подобно этому метатеория также признает объективное существование форм духа –

религии, философии, науки и т. д., наличие у определенных средств достижения стоящих перед ними целей – установок и возможность как приобщения, так и уклонения от них индивида. Объективность духа и его структур и в случае психоаналитических концепций Юнга, и в случае философии культуры приводит к трансформации индивидуального сознания под воздействием установок. Эта трансформация завершается воплощением в индивидах определенных идеальных типов. Но если у Юнга психологические типы по отношению к человеческому сознанию имеют субстанциональное значение, поскольку не может существовать индивида, не обладающего тем или иным складом характера, то типы духовности нуждаются в сложных процедурах реализации.

Еще одним важным для философии культуры моментом концепции Юнга следует признать выявление тесной связи между установкой сознания и мировоззрением, а также признание если не самих установок, то, по крайней мере, их осмысления важнейшей составляющей духовной культуры. Здесь можно проследить одно весьма существенное различие между психологическим использованием понятия установки. Так, в психологии установка есть нечто естественное, поэтому было бы странно говорить об экстраекции или интроекции как о формах духовной культуры. С другой стороны, недопустимо рассматривать стремление к объяснению или осмыслению мира в качестве естественных форм отношения к действительности, а не в качестве выработанных человеком способов понимания предметности, основанных на опыте самопознания и взаимодействия с природой. Другим важным различием между психологическим и культурологическим пониманием установки следует признать следующее обстоятельство. В задачу психологии входит выяснение отношения индивидуального сознания к более общим структурам субъективной реальности, тогда как философская культурология устанавливает взаимосвязь между наиболее фундаментальными явлениями духовной жизни. Эта принципиальная ограниченность с точки зрения метатеории предмета психологических исследований требует перехода к философскому рассмотрению понятия установки, поскольку именно в задачу философии входит выяснение взаимоотношений между различными формами общественного сознания или духа.

Среди многочисленных философских исследований установок сознания наибольший интерес представляет трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля, поскольку, во-первых в ней присутствует тенденция к преодолению научного фундаментализма, что позволяет рассматривать проблемы отношений форм духа с нейтральной и в определенном смысле объективной позиции, а во-вторых – конструктивный характер установок в сфере духовной жизни требует их рефлексивного рассмотрения, которое феноменологический метод вполне способен осуществить.

Важнейшей предпосылкой гуссерлевского понимания установки является концепция региональных онтологий, согласно которой бытие не представляет собой однородного начала, которое можно описать с помощью единого категориального аппарата. Напротив, бытие состоит из автономных областей или регионов, каждый из которых требует особых средств познания. Общий для всех региональных онтологий аппарат, безусловно, существует, но это не означает, что по своему содержанию категории различных регионов бытия тождественны. Например, термин «субстанция» в теоретической философии не тождественен понятию субстанции в химии. Поэтому универсальный категориальный аппарат носит чисто формальный характер, а его изучение входит в компетенцию логики.

Наличие различных регионов бытия означает, что бытие не всегда одинаково, то есть в различных видах сущего термин «существование» означает разное. Например, способ существования человека принципиально отличается от способа существования вещей. Отсюда следует, что не существует одной единственно верной методологии или установки сознания. Следует строго соотносить ту или иную предметность с актами сознания, в которых они даны. Это требование предполагает плюрализм установок, который, согласно Гуссерлю, в западноевропейской культуре и науке часто нарушается. Наиболее ярким тому подтверждением служит наличие так называемой натуралистической установки сознания, которая склонна рассматривать природу в качестве абсолютного бытия и на этом основании осуществлять овеществление сознания.

Характеризуя гуссерлевское понимание сущности натуралистической установки и пути ее преодоления, Э. Левинас подчеркивал: «...в натурализме бытие сущего в целом мыслится по образу материальной вещи. Его способ являться и раскрывать себя, он полагает тождественным способу явления материальной вещи, возвещающей о себе посредством восприятия в опыте субъективных феноменов, в которых она дана как абсолютная реальность... Именно в этом онтологическом... отождествлении сознания и материи заключается истинное и глубинное основание материализации, натурализации, овеществления сознания. и пока понятие существования не будет расширено, такое овеществление неизбежно, несмотря на все попытки мыслить сущность сознания иначе, нежели сущность материальной вещи. Поставим ли мы сознание рядом с физическим миром или разрешим физический мир в содержаниях сознания, в обоих случаях сознание и физический мир наличествуют в природе, обладают тождественным модусом явления и существования... Пока существование сознания не будет мыслиться иначе, натурализация идей, психологизм неизбежны»¹.

¹ Левинас Э. Теория интуиции в феноменологии Гуссерля // Избранное: Трудная свобода / пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 7–162.

Несмотря на то, что натуралистическая установка сознания выступает от имени науки, она существенным образом отличается от естественной установки, лежащей в основе научного познания. Поэтому важным моментом преодоления натурализма служит анализ естественной установки. Сам Гуссерль в своих пяти лекциях «Идея феноме» характеризует естественную установку как некритический образ мыслей, для которого свойственно восприятие вещей без анализа того, каким образом они даны. Эта некритичность проявляется в том, что непосредственные чувственные переживания смешиваются с суждениями, которые рассматриваются как часть мира. Иными словами, естественная установка смешивает различные регионы бытия, в первую очередь, природу и сознание.

Данное смешение, свойственное как обыденному, так и научному мышлению, Гуссерль описывает следующим образом: «К...миру относятся наши суждения. Мы совершаем отчасти сингулярные, отчасти общие высказывания о вещах, их соотношениях, их изменениях, их функциональных зависимостях изменений и законах изменений. Мы выражаем то, что нам предлагает непосредственный опыт. Следуя мотивам опыта, мы заключаем от непосредственно переживаемого (воспринятого и запомненного) к еще не-пережитому; мы обобщаем, затем мы переносим общее познание на единичные случаи или дедуцируем в аналитическом мышлении из общих познаний новые всеобщности. Познания не следуют за познаниями лишь путем...нанизывания, они вступают по отношению друг к другу в логические связи... они «настраиваются» друг на друга, они подтверждаются, одновременно укрепляя свою логическую силу... Так продвигается вперед естественное познание.... Так появляются и растут различные естественные науки, науки о природе как науки о физической и психической природе, науки о духе, с другой стороны – математические науки, науки о числах,...соотношениях и т. д. В последних речь идет не о реальных действительностях, а об идеальных, имеющих силу самих по себе, но, впрочем, с самого начала о бесспорных возможностях». Как следует из сказанного, смешения чувственного и логического, характерное для естественной установки, не препятствует развитию научного знания, но в конечном итоге наука приходит к осознанию того факта, что она решает возникающие перед ней проблемы чисто логическим путем. Тем самым становится очевидным, что наука нуждается в логическом обосновании, т. е. в философии.

Литература

1. Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: 1976.

2. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост. Грязнов А.Ф. – М.: Изд-во МГУ, 1993.

Тепляков Олег Викторович,
доцент кафедры специальных дисциплин
Ленинградского областного филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат политических наук, доцент

РОЛЬ И МЕСТО ТЕРРОЛОГИИ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Российская Федерация уже более 30 лет противодействует опасному явлению в лице экстремизма. Уже с начала 90-х годов экстремизм с его крайней формой терроризмом начал проявлять себя как коварная форма поведения отдельных индивидов и целых организованных объединений экстремистского характера, с одной политической целью создать ситуацию общественной конфронтации, чтобы уничтожить российскую государственность и ввести страну в управляемый хаос.

В современной России разрушительные проявления группировок, основанные на идеологии экстремизма, продвигаются через международные неправительственные организации религиозного и политического характера (далее-НРПО), которые способствуют созданию религиозных и политических организованных преступных групп (далее-РПОПГ) на базе криминальных объединений. Именно в глубине этих формирований планируются, готовятся и проводятся экстремистские манифестации и террористические акты.

«Сегодня в России криминальный мир оказался стратегическим ресурсом для НРПО. Получило развитие опасное криминогенное явление – активное сращивание терроризма и экстремизма с общеуголовной преступностью и в первую очередь с ее разновидностью – организованной преступностью»¹.

Остановить волну экстремистских проявлений, в том числе чрезвычайной формы терроризма, без оперативно-розыскных деятельности правоохранительных органов просто невозможно. На оперативные подразделения правоохранительных органов возлагаются следующие обязанности:

осуществлять обнаружение, предотвращение, подавление и раскрытие преступлений террористического и экстремистского характера;
выявлять и идентифицировать лиц, готовящих, и осуществляющих экстремистские проявления и террористические акты;

¹ Собольников В.В. Основы криминальной психологии: учеб. пособие. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2016. С. 235.

получение информации о событиях или действиях террористического и экстремистского характера, которые представляют угрозу безопасности России.

Сегодня с грустью приходится констатировать, что процесс противодействия экстремизму и террористической деятельности базируется на факте совершенного акта утрашения. Нынешняя причина кроется в трудностях, с которыми сталкиваются оперативные подразделения правоохранительных органов в своей деятельности в процессе выявления различных форм экстремистских проявлений, а также в своевременном определении идеологической основы и структуры РПОПГ.

Недостаток знаний о НРПО их ячейках, не будет способствовать быстрому раскрытию преступлений экстремистского и террористического характера, выявлению экстремистов и эффективно проводить оперативно-розыскные мероприятия в терросреде оперативными сотрудниками правоохранительных органов.

В настоящее время, к сожалению, несмотря на значительную значимость научных знаний об экстремизме, практически отсутствует научная и учебно-методическая литература, адаптированная к требованиям оперативных практиков.

«Сегодня в системе изучения этого деструктивного явления присутствует определенная обособленность, и подобные исследования носят абстрактную форму. В сложившейся ситуации необходимо формирование и строительство архитектурного сооружения знаний об экстремизме.

«Действительно мы имеем закономерность отдельных направлений знаний о террористической и антитеррористической деятельности, ограниченных разработкой отдельных наук, изучающих терроризм, а также имеющих вид отдельных (частных) специальных дисциплин, преподаваемых в учебных заведениях российских специальных служб и правоохранительных органов, осуществляющих противодействие терроризму. Однако отсутствует фундамент, т. е. общее основание их существования и развития. Для того чтобы целостное архитектурное сооружение всей совокупности отдельных наук и специальных дисциплин не развалилось, необходимо подвести фундамент – всеобщую основу, их действительный исходный пункт. Если в сложившейся «аварийной» ситуации не будет предпринято решительные мере обобщения раздельно существующих знаний о терроризме, эмпирического опыта, а также возникших и развивающихся специальных дисциплин, возможна утеря этого бесценного достояния»¹.

¹ Тепляков О.В. Роль и место террологии в пенитенциарной науке / С.В. Костарев, И.И. Соколова // ВВМ: сб. науч. – СПб., 2019. – С. 577–581.

«В имеющейся современной научной литературе уже достаточное количество ученых-террологов в своих исследованиях, посвященных террористической проблематике, приходят к общему выводу о необходимости построения и институализации «террологии»¹. «Как справедливо отмечает российские ученые, отстаивающие идею формирования новой комплексной научной и учебной дисциплины «террологии» (В.Е. Петрищев, В.Д. Пуятин, Н.Д. Литвинов, В.В. Кафтан), главной ее задачей должно стать раскрытие содержания феноменов террора, терроризма и террористического акта, а также обозначение мер по противодействию идеологии и практике их проявления, изучение особенностей их динамики в изменяющихся условиях общественно-политической жизни с целью выработки наиболее эффективных способов их предотвращения и преодоления»².

По этой причине важно еще раз отметить, что основная цель «террологии» – это предоставить оперативным сотрудникам полное и адекватное представление о современном экстремизме и терроризме, и мерах борьбы с их проявлениями.

Сегодня ученые разных стран мира выступают за необходимость создания единой прикладной науки о террористических действиях и экстремистских проявлениях, их природе, формах, разновидностях экстремистской деятельности и способах противодействия ей. История возникновения экстремизма, механизмы действий экстремистских организаций, формы и масштабы террористических проявлений, требуют детального гуманитарно – социального исследования с проведением прогнозов и предоставления практических рекомендаций. Для этого необходимо объединение усилий государственных органов и научного сообщества, чтобы определить приоритеты исследования и непосредственное их внедрение в практическую деятельность.

В настоящее время работа в данном направлении ведется в России в медленном темпе. Однако в других странах этот процесс осуществляется уже длительное время. Примером могут служить следующие «мозговые центры»: «Корпорация РЭНД», Центр исследований терроризма, Стратфор в США; Британский Институт по освещению войны и мира, институт полемологии во Франции и т. д. В этих научных центрах проводятся теоретические исследования экстремизма, а также использования этого деструктивного явления для достижения внешнеполитических целей и

¹ Володин А.Г. Террология / Володин А.Г., В.Н. Коновалов // Международная безопасность и проблемы терроризма: южнорусское обозрение. Ростов н/Д, 2002. Вып. 13. С. 109.

² Пуятин В.Д. Тезисы открытой лекции: К вопросу об изучении спецкурса «Террология – учение о терроре. Теория и практика антитеррористической деятельности». Новосибирск: Изд. СГУВТ, 2015. С. 10.

приспособление его в следующих политических технологиях «концепция управляемого хаоса», «мятеже-войнах», информационно-психологических и гибридных войнах.

Процесс осмысления природы экстремизма, средств и методов борьбы должен становится важным составляющим оперативно-розыскной деятельности в следующих направлениях:

Теоретико – методологическое направление предоставляет общие подходы к изучению понятийного аппарата экстремизма для того, чтобы определить четкие критерии всех социально опасных элементов этого деструктивного явления, выстроить четкую архитектуру основных сторон, форм и механизмов, а также особенностей каждого элемента, которые они приобретают в зависимости от условий места и времени. Подобный подход необходим для оперативно-розыскной деятельности, чтобы избежать неточностей в расширительном применении понятий (терроризм, экстремизм, радикализм и иных) в обычном обиходе общения.

В противодействии проявлениям экстремизма оперативным подразделениям правоохранительных органов необходима точность определения понятия терроризма и других элементов, связанных с ним, чтобы правильно прояснить суть этого явления и критериев идентификации тех или иных его конкретных выражений и форм.

Концептуальное направление предусматривает с помощью классификации по существенным признакам выявлять определенную идейную и социальную почву экстремистских проявлений с учетом многообразных форм экстремистских проявлений, зависящих от особенностей места, времени и конкретных идейных побуждений. Из этого следует осмысление природы, средства и методы борьбы с экстремистскими и террористическими проявлениями.

Технологическое направление предусматривает на основе знаний по террорологии и конфликтологии выработать эффективные оперативно-розыскного методы противодействия экстремистским проявлениям.

«Исходя, из вышеизложенного, под институционализацией научного знания о терроризме как научной и учебной дисциплины следует понимать процесс формирования особого типа социальной практики в качестве специализированного социального института, опирающегося на базовые научные ценности и предназначенного для исследования, теоретического анализа феномена терроризма и разработки всестороннего научного обеспечения обоснованных направлений противодействия вызовам и угрозам террористического характера для защиты личности, российского общества и государства»¹.

¹ Кафтан В.В. Теоретические проблемы конституирования научного и учебного знания о терроризме / Использование учебного и научного потенциала в области противодействия терроризму: Материалы Всероссийской (очно-заочной) научно-практической конференции 19–20 мая 2016 года / под ред. В.Д. Путьятина. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2016. С. 37, 40.

Только на основе методологической системы специально научных знаний в террологии возможно эффективно осуществлять оперативно-розыскную деятельность оперативным подразделениям правоохранительных органов в сфере противодействия преступлений экстремистского и террористического характера.

Тимченко Александр Андреевич,
кандидат социологических наук

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

ПОНЯТИЕ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ И ЕЕ МЕСТО В СТРУКТУРЕ ПРОТИВОПРАВНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

В настоящее время, сотрудникам подразделений по противодействию экстремизму приходится решать проблемы, связанные не только с нейтрализацией экстремистской угрозы, но и с профилактикой и предупреждением последствий распространения различных противоправных идеологий. В настоящее время понятие противоправной идеологии не имеет правового закрепления, однако оно позволяет объединить различные по характеру идеологии в противодействие, которым осуществляют сотрудники подразделений по противодействию экстремизму.

Под «противоправными идеологиями» понимают совокупность систем взглядов различной степени разработанности, обосновывающие виды противоправной деятельности, создающий угрозу безопасности государства, обществу и личности. Другими словами, «противоправная идеология» представляет собой совокупность идеологий экстремистской, криминальной и деструктивной направленности. При этом идеология экстремизма направлена на захват политической власти и создает угрозу государству. Идеология криминала оправдывает профессиональную деятельность и тем самым препятствует нормальному функционированию социальных институтов. Наконец, идеологии деструктивной направленности разрушают моральные нормы, связанные с ответственностью человека перед самим собой, и оправдывают потерю гуманистических ценностей.

Несмотря на единый потенциально опасный общественный характер перечисленных видов идеологии, каждому из них свойственен целый ряд специфических черт. По этой причине представляется целесообразным

дать определение каждому виду противоправных идеологий и раскрыть его характерные черты.

Под *экстремизмом* понимают совокупность политических идеологий, нацеленный на кардинальное изменения социально-политического устройства общества насильственными методами. Так, для *идеологии экстремизма* характерны:

- политическая направленность;
- оценка человека по его принадлежности к определенной расе, нации, религии или социальной группе;
- использование образа врага в виде определенной национальной, религиозной или социальной группе;
- наличие социально-политического идеала, предполагающего кардинальное переустройство общества;
- приверженность насильственным средствам достижения социально-политических целей.

Криминальную идеологию можно определить как оправдание профессиональной преступной деятельности и связанного с ним асоциального образа жизни. В отличии от детально разработанных экстремистских идеологий криминальные идеологии, не нацелены на захват политической власти, не содержат в себе определенной картины мира и направлены на оправдание различных видов профессиональной преступной деятельности. Но несмотря на достаточно размытое содержание криминальные идеологии являются именно идеологиями, а не субкультурными правилами, поскольку предполагают совершение преступлений не только по мотивам корысти, но и по идейным мотивам, исходя из приверженности соответствующем образу жизни. Характерным чертами криминальной идеологии является:

- рассмотрение преступной деятельности в качестве нормы социального поведения;
- оправдание преступной деятельности не только получением корыстной выгоды, но и необходимостью поддержания жизнедеятельности самого преступного сообщества;
- ориентация на сплоченность преступного сообщества;
- пропаганда искаженных ценностях ориентиров;
- нацеленность на вовлечение в преступную среду.

Если экстремистская и криминальная идеологии следует признать достаточно известными и устоявшимися социальными явлениями, породившими соответствующие среды, то деструктивные идеологии необходимо признать формирующимся явлением. В самом общем виде под *деструктивной идеологией* следует понимать как совокупность концепций, пропагандирующих и реализующих модели поведения, направленных на саморазрушение личности и создающих угрозу здоровью и жизни другим людям. Характерным чертами деструктивных идеологией следует признать:

- опору на определенный вид девиантного поведения – наркомании, алкоголизм, сексуальные извращения, массовые убийства, суицид и т. д.;
- оправдание конкретного вида преступления против личности;
- критику моральных ценностей и подмена их т. н. антиценностями;
- разработку и применение различных социальных и психологических средств создания и поддержания деструктивной сообщества;
- героизацию лиц, совершивших оправдываемый вид преступного деяния;
- пропаганду определенной модели девиантного и деликвентного поведения.

Несмотря на существенные различия между основными видами противоправных идеологий, в них прослеживается единая структура, состоящая из следующих элементов:

- базового преступного деяния, на оправдание которого она нацелена;
- девиантной ценностной системы;
- мировоззрения или социальной концепции;
- утопического социального идеала;
- программы насильственного преобразования общества или создания альтернативной социальной реальности (субкультурного сообщества);
- системы субкультурных правил поведения.

Рассмотрим содержательное наполнение структуры противоправной идеологии на примере криминальной идеологии. Важнейшим и современными криминальными субкультурами являются субкультуры воров, ОПГ, бандитов, АУЕ и гопников.

Базовыми преступным деяния и данных субкультуры являются: кража, разбой, вымогательство и хулиганство соответственно. На основе данных противоправных деяний в каждой из указанных субкультуры выстраиваются примитивные по степени своей разработанности криминальные идеологии: ларсенизма (от англ. larceny – кража), гангстеризма, рекетирства и хулиганства. Все ценностные системы криминальных субкультур построены по принципу клановой этики, согласно которому моральные отношения возможны только внутри определенного, в данном случае, криминального сообщества.

Для всех криминальных субкультур характерно отсутствие развитого мировоззрения или целостной картины мира, которые заменяются примитивной социальной доктриной, делящей людей на слабых и сильных и обосновывающей право криминального сообщества вести паразитический образ жизни по отношению к обществу. Утопическим социальным идеалом криминальных идеологиях служит либо захват государственной власти, либо сращивание с ней. Программа насильственного преобразования общества представлена в криминальной идеологии стремлением к подчинению общества корыстным интересам преступных группировок, а система субкультурных правил - так называемым «воровским законам», «тюремным понятиям»,

«объяснения и за жизнь». Как следует из вышесказанного, далеко не все противоправные идеологии являются развитым, то есть раскрывающими все основные структурные элементы идеологической доктрины. Среди них экстремистские идеологии Могут быть признаны разработанными, а деструктивные, как правило, являются в мировоззренческом отношении примитивными.

Если попытаться рассмотреть деструктивную идеологию по принципу базового преступления, то в ней можно выделить следующие направления:

– криминальный суицид, предполагающий доведение людей до суицида посредством распространения нигилистических ценностей и деструктивных моделей поведения;

– идеология педофилии, оправдывающая данный вид сексуального извращения и нарушающая правовой принцип половой неприкосновенности несовершеннолетних;

– идеология наркомании – совокупность мировоззренческих установок и нигилистических ценностей, ориентированных на сообщества потребителей определенного рода наркотиков.

Литература

1. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма. – Текст: непосредственный // Lex Russica. – 2017. – № 4.

2. Розенко С.В. Развитие экстремистской идеологии в Российской Федерации: аспекты противодействия и наказуемости. – Текст: непосредственный // Правовая культура. – 2017. – № 2.

Тюнь Андрей Петрович,
начальник комендантского отдела
Краснодарского университета МВД России,
кандидат социологических наук

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ИМИДЖ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР УСПЕШНОСТИ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современном российском обществе имидж сотрудника полиции противоречив. С одной стороны, есть сложившийся еще в советское время образ положительного работника органов внутренних дел, который выступает гарантом соблюдения закона и поддержания правопорядка. Однако серьезные государственные трансформации, приведшие к распаду СССР, повлекли с собой и трансформации в образе работника правоохранительных органов. Распад государства привел к негативным

экономическим последствиям, что отразилось на всех сферах жизни общества. В том числе это сказалось и на деятельности сотрудников правопорядка, часть из которых, утратив правовую культуру под воздействием социальной и экономической нестабильности в стране, погрузились в пучину произвола, а порой к срастанию с криминальными структурами. Образ советского милиционера как гаранта соблюдения закона был полностью разрушен. В народных массах воцарился негативный имидж сотрудника правоохранительных органов, что естественным образом привело к утрате доверия и снижению уровня защищенности общества.

Все это привело к актуализации задачи по формированию положительного образа работника правоохранительных структур. Однако решение этой задачи требует тщательной научной проработки и системного подхода.

В современной России исследования (как практические, так и теоретические) в сфере формирования имиджа до сих пор представляют собой слабо разработанное поле. Однако уже сейчас специалисты сходятся во мнении, что позитивный имидж сотрудника полиции напрямую влияет на снижение уровня преступности и противоправного поведения граждан в обществе. «Полиция при осуществлении своей деятельности должна обеспечивать доверие к себе и поддержку граждан, тем самым формируя в общественном сознании положительный образ сотрудника полиции»¹.

Ключевыми условиями в формировании положительного образа сотрудника полиции должны выступать наличие таких качеств, как высокий профессионализм, квалифицированная профессиональная подготовка, высокий культурный и правовой уровень развития личности, моральная и нравственная устойчивость. Часть этих качеств формируется в процессе воспитания и социализации личности, навыки же должны быть сформированы в соответствующих образовательных учреждениях системы МВД.

Качества, выступающие приоритетными в процессе формирования положительного образа полицейского, это прежде всего умение общаться (коммуникабельность), способность сопереживать и понимать других людей. Граждане ожидают от сотрудника правоохранительных органов проявления интеллигентности, порядочности, справедливости, честности. Так же полицейский должен принимать решения, которые справедливы и обеспечивают защиту прав, имущества и личную безопасность граждан.

¹ Майоров В.И. Совершенствование деятельности полиции на основе общественного доверия и поддержки граждан // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по материалам ежегодной Всерос. науч.-практ. конференции / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова, 2016.

Сама оценка образа гражданами зачастую фиксируется на интуитивном уровне: восприятием мимики, жестов, интонационных особенностей речи и т. п. невербальных знаков. Наиболее ожидаемыми с точки зрения граждан качествами хорошего полицейского выступают такие характеристики, как инициативность, вежливость, решительность, собранность, смелость, способность к принятию верных решений. Отрицательными же характеристиками, подрывающими положительный образ, выступают хамство, формализм, проявление равнодушия, вымогательство и осуществление насилия (как физического, так и психологического).

Одна из ведущих ролей в формировании общественного мнения в современном мире выступают средства массовой информации. Важное значение их деятельность имеет и в формировании непосредственно имиджа сотрудника правоохранительных органов, так как именно СМИ непосредственно влияют на информационное поле гражданина. И далеко не всегда деятельность средств массовой информации способствует формированию положительного имиджа сотрудника полиции. Довольно часто освещение негативных моментов деятельности конкретного полицейского наносит ущерб имиджу всей правоохранительной структуры. Например, в некоторых телепрограммах, осуществляющих освещение криминальных новостей, зачастую преступления, связанные с участием полицейских, преподносятся однобоко – сенсационность побеждает объективность, и такие отдельные преступления отдельных личностей, как злоупотребление служебным положением, коррупция, дорожно-транспортные инциденты, приводятся в качестве системы, характерной для правоохранительных органов. Подобные тенденции в средствах массовой информации приводят к негативному восприятию гражданами всей правоохранительной структуры в целом и подрывают образ полицейского как гаранта справедливости и выполнения закона.

Также стоит отметить на телевидении обилие детективных телесериалов, которые занимают существенное место в процессе формирования образа современного полицейского. Однако зачастую и в этих сериалах в угоду общественному мнению развиваются преимущественно негативные единичные сюжеты проявления преступности в рядах полицейских. В то же время киноиндустрия очень редко использует в сюжетах реальные героические поступки сотрудников правоохранительных органов. Такие проявления, как высокий профессиональный уровень подготовки, героизм при предотвращении или раскрытии преступлений, систематическая работа по профилактике преступлений, – все эти явления не находят должного отражения в современном российском кинематографе, что несомненно имеет негативное влияние на формирование имиджа полицейского.

Зачастую большая часть населения воспринимает образ полицейского через телепередачи и сериалы, транслируемые на телевидении, в которых образ полицейского довольно далек от реального. «Средства массовой информации представляют собой мощный инструмент формирования и изменения имиджа, который в настоящее время используется очень нерационально. Большой потенциал в решении этой проблемы имеет использование сети Интернет. Для изменения уже сложившегося мнения необходимо, прежде всего, получение новой информации. В условиях широкой информатизации современного общества сеть Интернет является наиболее простым и доступным каналом распространения информации»¹.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что задача формирования положительного образа полицейского имеет две стороны. В первую очередь это необходимость реализации комплексной долгосрочной программы формирования положительного имиджа в сознании граждан путем повышения уровня доверия населения к сотрудникам правоохранительных органов посредством средств массовой информации. С другой же стороны, немаловажно воспитание в сотрудниках полиции сознания того факта, что их профессия играет важную роль для всего общества, что они обязаны четко следовать законам, чтобы эффективно выполнять свою службу на благо социума. В то же время для формирования положительного имиджа, необходимо уделять внимание такому условию, как обеспечение государством соответствующей квалифицированной профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, повышения их уровня правовой культуры, для чего необходима организация системы тренингов и семинаров по повышению квалификации.

Литература

1. Майоров В.И. Совершенствование деятельности полиции на основе общественного доверия и поддержки граждан // Актуальные проблемы административного и административно - процессуального права: сб. статей по материалам ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова, 2016.
2. Майоров В.И. Повышение эффективности деятельности полиции с помощью реализации политики информационной открытости // Вестник Челябинского государственного университета. Право, 2016. Т. 1. № 3.
3. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Майоров В.И. Повышение эффективности деятельности полиции с помощью реализации политики информационной открытости // Вестник Челябинского государственного университета. Право, 2016. Т. 1. № 3.

Тюрина Маргарита Валерьевна,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Самойлов Сергей Федорович,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России,
доктор философских наук, профессор

МИРОВОЗЗРЕНИЕ Э. ХАРРИСА И В. РОСЛЯКОВА КАК ОСНОВА ИДЕОЛОГИИ ДВИЖЕНИЯ «КОЛУМБАЙН»

Также, как и другие деструктивные идеологии, движение «Колумбайн» базируется на определенном противоправном деянии, получившем наименование скулшутинга. Под скулшутингом понимают различные виды вооруженного нападения на учебные заведения как со стороны учащихся, так и посторонних лиц с применением холодного, огнестрельного и других видов оружия, а также взрывчатых веществ. Как правило, скулшутинг сопряжен с массовым как мотивированным, так и немотивированным убийством учащихся и учителей. По своему характеру идеология скулшутинга носит предельно общий, условно говоря, рамочный характер. Для нее характерно доминирование психологической, эмоциональной составляющей над когнитивной.

В настоящее время развитой идеологической доктрины сторонниками движения «Колумбайн» предложено не было. Во многом это обусловлено особенностями несовершеннолетнего возраста участников данного движения. Тем не менее, есть все основания говорить о начале ее формирования. Идейным основанием данного процесса служат дневник Эрика Харриса и посты Владислава Рослякова. По этой причине представляется необходимым рассмотреть взгляды данных представителей скулшутинга более подробно.

Мировоззрение Эрика Харриса представляет собою упрощение и абсолютизацию взглядов Фридриха Ницше, философов-экзистенциалистов – М. Хайдеггера, Ж. П. Сартра, А. Камю. В частности, в дневнике Харриса есть прямые и косвенные отсылки к данным авторам. Данное обстоятельство требует сопоставления взглядов Эрика Харриса. Мировоззрение Эрика Харриса может быть выражено следующим образом: мир в целом представляет собою безличностное начало. Можно с высокой степенью уверенности утверждать об атеизме Э. Харриса: самым высшим существом является человек. Только он наделен волей и разумом. Предназначение человека – реализовать свой потенциал и поступать по своей воле, но

человеческое общество подавляет индивидуальность с помощью норм, запретов, стандартных способов решения проблем. В стереотипности своего мышления человечество неисправимо. Пассажи Дневника о стереотипности массового сознания и необходимости борьбы с его негативным воздействием на индивидуальность отдаленно напоминают проблему соотношения «внутренней толпы» (Dasmana) и «подлинной экзистенции», представленную в трактат основоположника экзистенциализма немецкого философа Мартина Хайдеггера.

Единственным выходом из данной ситуации является манифестация человеческой свободы и индивидуальности, самой адекватной формой которой является убийство. Убийство в системе взглядов Харриса выполняет, ту же функцию, что и «бунт» в философии абсурда Альбера Камю, оно есть непосредственное проявление свободы человека, его необусловленности внешними обстоятельствами. Абсолютная свобода индивидуальности означает, что у человека есть только одна форма долга, долг перед самим собой. Человек обязан быть сильным, поскольку именно в силе проявляется его свобода. Убийство же служит высшим проявлением свободы и силы человека, доказательством его необусловленности никакими внешними границами. В этом отношении дневник Харриса имеет поразительно сходство со взглядами героя «Преступления и наказания» Родионом Раскольниковым и его знаменитой дилеммой: «тварь я дрожащая или право имею». Как для Раскольниковым, так и для Харриса «право», это неподсудность, вытекающая из рассмотрения индивидуального «я» в качестве «соверена», оценивающей и реализующей свои решения инстанции, над которой, нет никакой иной инстанции. Но если Раскольников еще сохраняет в себе ощущение своей конечности, переживает по поводу того, справится ли он с ролью смыло полагающей и оценивающей весь мир инстанцией, то Дневник Харриса дает однозначный ответ о характере выбора между человеческим несовершенством и божественным правом. Именно однозначность данного выбора позволила последователям Харриса назвать его дневник «Книгой Бога».

Право на убийство людей Харрис оправдывает их неполноценностью, неспособностью реализовать свой потенциал, а также действием в человеческом обществе принципов естественного отбора. В этом отношении его взгляды на человека можно считать заимствованными у Фридриха Ницше, у которого сверхчеловек как сильное существо противопоставляется человеку, как существу слабому. Обоснование же права на убийство и самоубийство, присваиваемое себе сильным существом Харрис явно заимствует из «Преступления и наказания» и «Бесов». Подобно Кириллову герою «Бесов» автор Дневника решает вопрос, «если Бога нет, то что тогда». Но, если Кириллов отвечает на него: «тогда я Бог», поскольку акт самосознания есть только у человека, то ответ Харриса выглядит еще более радикальным. Кириллов хотел стать Богом в потустороннем мире и потому оканчивает жизнь самоубийством,

то Харрис желает быть Богом в реальности. У него, как и у Ницше, сильный индивид, не смотря на узурпирование функций Бога не может Им стать им во вселенской плане, но зато он обладает возможностью судить людей «здесь и сейчас». Миг божественности индивида краток и ограничивается временем совершения «суда» и «наказания», т. е. убийства, но зато он осуществляется в реальности, а не в потустороннем мире.

Одним из элементов мировоззрения Эрика Харриса является расизм. Его истоки следует искать в утверждении Харриса о принципиальном неравенстве людей, что вполне согласуется с его примитивным ницшеанством. Здесь необходимо подчеркнуть, что Ницше в отличие от Харриса не был расистом, его деление людей на сильных и слабых было универсальным.

Расизм Харриса имеет не антропологический, а социальный характер. «Черные» изначально занимали низшую ступень американского общества, а теперь они претендуют на занятие в нем высших ступеней. Харрис утверждает, что он не видит оснований для изменения положения чернокожих американских и требует «загнать» их на исходную социальную ступень. Однако расизм Харриса не определяет его мировоззрение в целом.

При анализе переписки Эрика Харриса фиксируется определенный социальный идеал, который характерен для идеологии и субкультуры скулшутинга в целом. Естественно он носит предельно общий характер, но вместе с тем, вполне конкретно и является логическим завершением суицидальной картины мира. Этот идеал можно определить как «мир без людей», как мир тотальной смерти, в котором убийца возомнивший себя Богом не желает мириться с существованием других «я». Здесь возникает неизбежный вопрос: если у других людей возможность выжить в «мире смерти». Ответ, как не странно, это слышать, звучит: «да». В мире Харриса выжить можно, но только при одном условии полном принятии его точки зрения. Именно таким был «Водка» – Дилан Клиболд, соучастник Харриса в массовых убийствах.

Положительные отзывы о Клиболде на страницах дневника и даже сам факт его существования, так же раскрывают важнейший мотив действий Харриса, вполне соответствующий философии Фридриха Ницше. Этот мотив может быть определен как «воля к власти». Смысл человек рожден, чтобы властвовать. Но, что делать, если претензия индивида, осознавшего свою «божественность» отвергнута? Ницше в данной ситуации уходит в снобизм, аристократическое презрение к «толпе». Но, при этом он называет свою философию «не своевременным размышлением» и тем самым выражает убеждение, что он будет признан в качестве «властителя дум» будущими поколениями. Харрис принимает иное решение, ему непереносимо ни ожидание, ни посмертное признание, ни роль мыслитель, для него существует только реальность, никакого

«вечного возвращения» Ницше не существует, поэтому его право на власть должна быть доказано в реальности, любыми доступными методами. При этом важнейшим моментом «властителя» является его неподсудность, в силу чего избегание «суда толпы» является важнейшим моментом доказательства «властителя». В этой логике суицид оказывается закономерным действием.

Подводя итог краткому анализу мировоззрения Эрика Харриса, можно утверждать, что оно имело, условно говоря, философский характер. Доказательством этому может служить, не только опора Харриса на Ницше и атеистическую версию экзистенциализма, но и отдаленное сходство с системой немецкого философа 19 столетия Эдуарда Гартмана. Гартман вслед за своим учителем Артуром Шопенгауэром полагал, что в основании мира лежит бессознательная по-своему характера мировая воля, а потому вся история человеческой цивилизации представляет собой поэтапное осознание бессмысленности мира и бессознательно влечение к суициду. Но в отличие от учения Гартмана Дневник Харриса, предлагает не космологическую, а антропологическую интерпретацию суицида, в которая представлена не в форме философской системы, а проекта деструктивной идеологии с опорой на ряд философских источников. Естественно уровень теоретических построений Харриса и перечисленных выше философов не сопоставим, тем более он не сопоставим по этическим посылам своих учений, но определенное сходство их взглядов открывает перспективы для организации идеологического противодействия субкультуры скулшултинга, о чем будет сказано позднее.

В отличие от системы взглядов Эрика Харриса мировоззрение Вадима Рослякова выглядит более сумбурным и синкретичным, то есть состоящим из механического соединения различных элементов. Кроме того, если в мировоззрении Харриса прослеживаются явные философские основания то, в мировоззрении Рослякова явно доминирует эмоциональная составляющая, которая служила причиной смены взглядов на диаметрально противоположные. Данная мировоззренческая динамика свидетельствует о том, что мировоззренческая составляющая в мировоззрении Рослякова была не главной и служила лишь оправданием, по сути не мотивированной, агрессии. Указанные выше обстоятельства делают реконструкцию мировоззрения Рослякова достаточно сложной, что усугубляется отсутствием какого-либо манифеста, сопоставимого с дневником Эрика Харриса. Поэтому мировоззрение Рослякова реконструируется исследователями по его участию в различных группах социальной сети «ВКонтакте», прослушиваемой им музыке и различным постам, и сохраненным фотографиям.

Одной из особенностей взглядов Рослякова, отличающих его от мировоззрения Харриса, является его ярко выраженная политизация. Важность политического аспекта данного «героя» движения «Колумбайн»,

заключается в том, что акты скулшутинга часто осуществляются по мотивам национальной или расовой ненависти. В случае Рослякова можно с уверенностью говорить о немотивированной ненависти, поскольку частая смена политических предпочтений свидетельствует о доминировании эмоциональной составляющей над идеологической. Если же рассматривать эволюцию политических взглядов Рослякова, насколько об этом возможно говорить в случае 18-летнего молодого человека, то она выглядит следующим образом. Первоначально Росляков проявлял интерес к событиям на юго-востоке Украины и симпатизировал провозглашенным республикам. Но постепенно его взгляды эволюционировали в сторону неонацизма, что выразилось в его участии в таких группах «ВКонтакте», как «Русская смерть», «Юнгфолк». При этом группа «Русская смерть» имела ярко выраженный русофобский характер, который проявлялся в отрицании права России на существование. На фоне данных групп сообщество «Под корень» выглядит как интеллектуальная¹. В ней размещались материалы, популярные среди западноевропейских консерваторов и праворадикалов. Возможно, именно в силу участия в этой группе опус самого Рослякова, позднее удаленный из сети, возможно, им самим, получил наименование «Манифест интеллигентного сверхчеловека». Вместе с тем, увлечение Рослякова традиционализмом, консерватизмом и неонационализмом не помешало ему проявлять интерес и к анархизму, в частности к анархо-национализму.

Эволюция взглядов Рослякова от национализма к анархизму только внешне кажется не последовательной. На самом деле, в ней прослеживается определенная логика. Росляков интересовался европейским традиционализмом и консерватизмом, одной из центральных фигур которых являлся участник обеих мировых войн и писатель Эрнст Юнгер. Одной из концепций, сформулированной Юнгером, как раз и являлась концепция анархо-национализма, согласно которой национализм должен иметь не этатический (государственный), а антропологический (врожденный) характер.

Симпатии Рослякова к анархо-национализму можно признать прямо вытекающими из индивидуалистической установки идеологии, характерной для идеологии «Колумбайн» в целом. И действительно, неприятие «колумбайнерами» общества в целом и ближайшего социального окружения, в данном случае, коллективов образовательных учреждений, не является беспочвенным. Оно опирается на завышенную самооценку индивида, рассматривающего себя и свои интересы в качестве высшей оценивающей инстанции.

¹ Мелина Я.А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи / Кавказский геополитический клуб. – М.: Изд. А.В. Воробьев, 2019. – С. 50.

В свою очередь, отрицания государства как социального института в идеологии анархизма также имеет своим основанием абсолютизацию человеческой индивидуальности. Кроме того, социально-политическая практика анархизма часто допускала и допускает широкое применение насилия. В силу данных обстоятельств мировоззренческий синтез между обоснованием практики «скулшутинга» и анархизмом является если не необходимым, то по крайней мере возможным и логически оправданным.

Если же говорить об индивидуальном мировоззрении Владислава Рослякова, то следует подчеркнуть, что скорее всего в нем доминировал элемент ненависти, что выразилось как в прослушивании агрессивно-депрессивной музыки, так и в продумывании плана осуществления преступного замысла. Другими словами, скорее всего мировоззренческие вопросы волновали Рослякова меньше, нежели вопросы, связанные с интересом внутреннего мира маньяков и серийных убийц. По этой причине неслучайно на майке Рослякова в момент совершения преступления было всего одно слово «Ненависть». Именно оно выражает сущность его взглядов и делает рациональные компоненты его мировоззрения вторичными.

Но несмотря на вторичность идеологического компонента мировоззрения Рослякова, сам факт его наличия существенным образом повлиял на идеологию «колумбайнеров» в целом. Так одним из идеологических признаков колумбайнерства признается увлечение радикальными политическими идеями.

Завершая краткий анализ мировоззрения так называемых «лидеров» движения «Колумбайн», необходимо подчеркнуть, что, несмотря на существенные различия в их взглядах и мотивов, совершенных ими преступления, общим для их мировоззрения является доминирование эмоциональной составляющей над рациональной, выразившейся в таких эмоциональных переживаниях, как:

- социопатия;
- агрессивности;
- ярко выраженном эгоцентризме;
- замкнутости;
- интровертности.

Данные эмоциональные состояния спровоцировали увлеченность идеями мизантропии, нигилизма, социального бунта.

Литература

1. Мелина Я.А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи / Кавказский геополитический клуб. – М.: Изд. А.В. Воробьёв, 2019. 160 с.: с ил.

Урюпина Марина Анатольевна,
преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Краснодарский ВВАУЛ

СОЛДАТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ЭЛЕМЕНТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗГРУЗКИ В БОЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне!
(Василий Лебедев-Кумач)

Война с момента появления этого феномена в истории человечества является одним из ключевых и сложных вопросов в историко-философском дискурсе. По многим аспектам теоретического анализа войны и в наше время идут заинтересованные дискуссии, которые нередко носят абстрактный характер. А вот на поле сражения для воина она становится страшным и тяжелым испытанием в реальности, наяву. Война для солдата – это физические, психологические и моральные нагрузки на пределе человеческих возможностей. Ученые самых разных специальностей и военные специалисты изучают поведение и возможности человека в экстремальных условиях войны. Автор данной статьи рассматривает солдатское творчество как особое социальное явление, функцией которого является контроль и регулирование эмоционального и физического напряжения в боевой обстановке.

После победы 9 мая 1945 г. мир сохранялся только на территории Советского Союза. Но Вооруженные Силы СССР продолжали участвовать в локальных войнах в разные годы по всему земному шару: в Китае (1946–1950), в Корее (1950–1953), в Лаосе (1960–1970), во Вьетнаме (1965–1974), в Анголе (1975–1979), Эфиопия (1977–1979), в Афганистане (1979–1989) и т. д. С разрешения Министерства обороны СССР 21 мая 1991 г. газета «Красная звезда» разместила на своих страницах список государств, где принимали участие в боевых действиях советские военнослужащие с указанием времени участия. Причем, этот список был неполным и участие нашей страны не всегда было официальным.

Афганская война представляла собой важный этап в истории Советской Армии и Советского Союза. Девять лет, один месяц и восемнадцать дней продолжалась «афганская война», она стоила нам 14427 жизней, через нее прошло 620 тысяч человек. Солдаты и офицеры, честно и мужественно выполняли интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан (далее ДРА), при этом чаще всего не могли объяснить цель и значимость своего присутствия здесь.

По мнению Липатова Владислава Александровича, кандидата филологических наук, доцента кафедры фольклора и древней литературы Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина – локальные войны предпочитают закрытость и тишину. Деятельность средств массовой информации в районе военных действий контролируется, и общественность получает ограниченную и нередко искаженную информацию. Вследствие этого участники локальных войн и конфликтов во время боевых действий не встречают ожидаемой моральной и идеологической поддержки и не ощущают достойного отношения к себе даже со стороны соотечественников. И тогда духовную нишу, которую не заполнили профессиональные поэты и писатели, объективные политологи и журналисты, занимает творчество самих воинов-интернационалистов [1].

Состояние бойцов усугубляли тоска по Родине, семье, друзьям, по родным местам и по родной природе. Война сама по себе тяжелое испытание, насыщенное болью, страхом и потерями, смерть гасит все краски жизни, она обкрадывает человека. Но страшнее всего на войне – это уныние, отчаянье. Инстинктивному страху смерти нужно уметь по-человечески противостоять. Эту силу люди черпают в искусстве, в творчестве. Искусство на войне объединяет людей, укрепляет душевные силы, дает надежду. В стихах, песнях можно выразить свои чувства, «излить душу», поделиться своими страхами и горечью потерь, открыто задать вопросы, на которые не можешь сам найти ответ. Это позволяет суровым солдатам не выглядеть слабыми и бессильными, но позволяет выплеснуть эмоции, дать волю мыслям, придать сил для нового дня, для следующего боя. Поэт и музыкант Евгений Бунтов, в прошлом воин-десантник, непосредственный участник событий в ДРА, ныне – казак Оренбургского казачьего войска, считает, что творчество на войне было самообороной души. В мирной жизни люди занимаются творчеством больше «от ума». А в Афганистане начинали рисовать те, кто никогда не держал карандаш и кисть в руке, стихи сочинять, не имевшие понятия о своей тяге к поэзии, сочинять музыку и играть на музыкальном инструменте, не имея специального музыкального образования [2].

Участие советских войск в Афганском конфликте, по-прежнему, является спорным фактом, многие вопросы остались без ответов. Но точно можно сказать, что эта война уникальна. Уникальность ее в том, что она стала толчком к развитию особого вида искусства – «афганского»: «афганская песня», «афганские стихи», «афганская живопись». И создателями этого творчества были непосредственные участники тех событий, простые офицеры, прапорщики и солдаты Советской Армии.

«Афганские песни» – это песенное творчество бойцов спецотрядов «Каскад» и «Зенит» 40-й Армии – Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане, которые «...заложили прочный фундамент субкультуры «афганской» песни со своим особым поэтическим языком и

темами, среди которых ведущее место, безусловно, занимает трудное, постепенное, но совершенно необходимое понимание преступного характера войны, развязанной властями, в которую была втянута и наша армия. Наиболее яркое явление в народной песенной культуре в 1980-е годы» [3].

Авторами самых популярных песен, рожденных на начальном этапе Афганской войны – в 1980–1983 годы, особо полюбившихся в среде военнослужащих и завоевавших популярность по всему Афганистану, были офицеры отряда особого назначения КГБ «Каскад» Юрий Кирсанов и Игорь Морозов. Названные впоследствии «афганскими» их песни получили широкое хождение среди военнослужащих, переписывались на магнитофонные бобины и мгновенно распространялись по гарнизонам 40-й Армии. А самих авторов – Юрия Кирсанова и Игоря Морозова, вскоре признают родоначальниками «афганского» направления в армейской песне.

Настоящим гимном афганцев стала песня «Кукушка». Песня была написана на мелодию и стихи Юрия Кирсанова, переписанные на «афганский» лад со стихотворения поэта-фронтовика Великой Отечественной войны Виктора Кочеткова – «Весь просвечен заревой покой...».

Снится часто мне мой дом родной.
Лес о чем-то о своем мечтает.
Серая кукушка за рекой,
Сколько жить осталось мне считает.

Я тоскую по родной стране,
По ее рассветам и закатам.
На афганской выжженной земле
Спят тревожно русские солдаты.

(Ю. Кирсанов, В. Кочетков «Кукушка»)

Песня быстро набрала большую популярность в среде военнослужащих ОКСВА, а впоследствии, ветеранов Афганской войны (1979–1989), став «гимном всех афганцев». Песню «Кукушка» пели солдаты и на других войнах, а на сегодняшний день продолжают исполнять и известные артисты российской эстрады и кино.

Автор гимна «афганцев» Юрий Кирсанов говорил, что фон к своим песням записал в настоящем бою.

Ярким событием было создание знаменитого ансамбля «Голубые береты». В августе 1985 года в расположении 2-й роты 1-го батальона 350-го парашютно-десантного полка в Афганистане был образован ансамбль «Голубые береты». Его основателями стали Сергей Исаков, Игорь Иванченко и старшина роты Олег Гонцов. Позднее в ноябре месяце к ним присоединился Сергей Яровой. Первый концерт состоялся в Афганистане, вечером 19 ноября 1985 года в солдатском клубе 350-го

гвардейского парашютно-десантного полка. 19 ноября стал днем рождения ансамбля.

С ноября 1985 г. по февраль 1987 г. группа выступила с концертами перед многими частями Ограниченного контингента Советских войск в Республике Афганистан, Посольстве СССР, торговом представительстве, управлениях афганских КГБ и МВД, Политехническом институте Кабула.

Многие песни «Голубых беретов» стали по-настоящему народными. Они на слуху и по-прежнему очень эмоционально и сильно действуют на слушателей.

Как вспоминают участники ансамбля, их песни рождались не прямо под огнем, чаще всего сразу после боя и исполнялись уже на следующий день. «Есть у нас песня памяти батальонного врача Анатолия Костенко, – говорит Сергей Яровой. – Старший лейтенант Костенко из 1-го батальона погиб в Панджшере. У него уже практически заканчивалась операция. И тут получил ранения пулеметчик 2-й роты. Врач Костенко к нему рванул. И погиб... После возвращения из боя родилась песня. «Голубые береты» выучили и отрепетировали ее за ночь. И на следующий день спели перед полком песню о вчерашнем бое» [4].

«Любая песня «Голубых беретов» – это отклик на какое-то событие», – говорит солист Юрий Слатов. Песни «Голубых беретов» для советских солдат в Афганистане были не только лирическим переживанием, но и источником информации. Так, песня «27 апреля» родилась из рассказа начальника клуба о восстании советских пленных в крепости Бадабер на территории Пакистана [5].

Все участники ансамбля «Голубые береты» удостоены звания Заслуженный артист Российской Федерации. В Вооруженных Силах РФ они единственные, кто получил столь высокую оценку на государственном уровне.

«Афганские стихи»

Стихи о войне в Афганистане написаны не профессиональными поэтами, а советскими солдатами и офицерами. По мнению известного автора стихов об Афганской войне В.Г. Верстакова, отличительной чертой «афганской поэзии» являлось то, что «она писалась о бойцах, для бойцов и рядом с бойцами – для тех, кто воюет, а не для тех, кто читает или, тем более, дает разрешение на публикацию».

Особенность солдатской поэзии – незатейливость и нескладность строк, но они насквозь пропитаны тоской по Родине, по семье, верности своему воинскому долгу и болью от потери друзей, горечи предательства и юмора солдатских будней. Стихи были написаны между жизнью и смертью во время девятилетней войны и гораздо позже, на гражданке, когда в ночной тиши являлись вечно молодые погибшие товарищи, а разрывы снарядов и гул бронетранспортеров не давали сомкнуть глаз.

По этим стихам можно изучать историю Афганской войны и роль советского человека в ней [6].

«Мои стихи – это память о трудных военных километрах, о тех, кто эти километры прошел» – Серж Антонов – ветеран Афганской войны, поэт.

Война – это солнце в подтеках сажи.

Война – это нервы рваные наши.

И небо, и море, свинцовые будто,

В затишье одна на троих самокрутка.

И слезы по тем, кто уже не вернется,

Жена, что вдовою сегодня зовется.

Могила одна на взвод весь погибший,

Что в землю легли, жизнью не насладившись.

Война – это страшное, грязное дело,

Корежит что душу, мысли и тело.

Не просто сказать, что такое война...

Народу страны испытанье она.

(С. Антонов – ветеран Афганской войны, поэт).

«Афганская живопись»

Из числа воинов, чью юность опалила война в Афганистане, вышли известные художники: Ренат Шафиков, Павел Кулев, Евгений Бунтов, Анатолий Хомутинников, Юрий Полуянов и Александр Елизаров и др. Некоторые из них, например, Евгений Бунтов, начинали свои художественные опыты с рисунков в солдатском блокноте – можно сказать, что они вели хронику фронтовой жизни, делали колоритные бытовые зарисовки, передавали на бумаге сюжеты из армейского фольклора, другие уже соприкасались с живописью ранее, а в армии продолжили заниматься ею. Война дала им новую тему для творения. По словам Павла Кулева – «время для самого главного увлечения в жизни находил всегда, даже в Афганистане, делая наброски, рисуя своих боевых товарищей».

Уникальность Афганской войны состоит в том, что она произвела такой «взрыв культурной энергии», какой не было ни на одной другой войне. Мы все очень хорошо знаем и помним песни, фильмы, стихи времен Великой Отечественной войны. Но все же в основном – это творчество профессионалов и исполнялись профессиональными певцами и артистами. В Чеченской войне тоже были песни, созданные солдатами и офицерами, но они носили больше локальный характер, потому что исполнялись в отдельном подразделении, роте или взводе, их не пела вся армия, и такой популярности как афганские не имели.

Участие Советской Армии в войне в Афганистане будет еще много лет изучаться разными специалистами. И творчество бойцов, участников этой войны – очень важный источник информации для исследований культурологов, психологов, социологов, историков и других специалистов.

Однако исследование этого творчества не может претендовать на научность без надежной методологии, которая состоит в объективной оценке социального содержания самой афганской войны. Ведь как бы ни было нам неприятно, но, истины ради, следует признать, что со стороны Советского Союза эта война была военно-политической авантюрой. Кремлевские старцы решили вылечить больную политическую систему небольшой победоносной войной. Но она получилась не маленькой и не победоносной.

Вместе с этим не следует путать, а тем более отождествлять политические цели этой войны – продвижение социализма на юг, с одной стороны, и верность Присяге, воинскому долгу, солдатское братство, взаимовыручка, которые присущи нашему воинству по его сути, по традициям, по национальному характеру, с другой. А его особенность, его квинтэссенция такова, что русскому человеку обязательно нужна духовная цель, мечта, ибо он по своей природе не рационалист, не прагматик, он устремлен в будущее. Поэтому ему необходимы духовные ориентиры, морально-нравственные вехи, то есть идеология. А государственную идеологию постсоветская Россия так и не разработала, так и не приняла.

В условиях ведущейся «коллективным Западом» против нашей страны информационной войны государственная идеология позволит решить двудединую задачу. С одной стороны, это «организация и ведение наступательной борьбы с русофобами всех мастей, в том числе и со «своими», и с другой, формирование у россиян, в первую очередь у молодежи, высоких чувств любви к своему Отечеству, готовности на трудовой и ратный подвиг во имя его процветания и безопасности» [7]. Эти цели будут достигнуты при условии реализации огромного патриотического потенциала, который всегда был присущ нашему народу – труженику и воину.

Литература

1. Липатов В.А. Фольклор и новейшая военная история (о песнетворчестве бойцов спецотрядов 40-й армии «Зенит» и «Каскад») // Органы государственной безопасности на защите Отечества. Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2018. С. 136–140.

2. Липатов В.А. Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в. // Уральский исторический вестник. № 3 (24).2009. С. 105–112.

3. Липатов В.А. «Афганская» песня в самодеятельной и профессиональной музыкальной культуре // Фольклор Урала. –

Свердловск: (Урал. гос. ун-т), 2000. Вып. 11: Устная и рукописная традиции. С. 38–56.

4. Ушакин С. Жестокие романы войны: о жертвах и свидетелях Афгана. Художественный журнал «Moscow art Magazines». Выпуск: № 108. 2019.

5. Кречетников А. Афганская драма: пережита и забыта. Би-би-си, Москва. 23 декабря 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2009/12/091223_afghan_past_future_views (дата обращения: 15.10.2003).

6. Шебалин И.А., Тургимбаев Р.В. Афганская война и ее влияние на российское музыкальное творчество 1980–1990-х гг. // Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет». 2018. С. 385–388.

7. Стрелецкий Я.И. Идеология и национальная безопасность России // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке. Севастополь. 2020. Выпуск № 4 (25). С. 100.

Шандакова Арина Сергеевна,

курсантка 4 курса

факультета по подготовке сотрудников

для подразделений охраны общественного порядка

и обеспечения общественной безопасности

Краснодарского университета МВД России

Самойлов Сергей Федорович,

начальник кафедры философии и социологии

Краснодарского университета МВД России,

доктор философских наук, профессор

СИМВОЛИКА РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРАВОРАДИКАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Символика праворадикальных организаций достаточно часто выступает в качестве предмета различных научных исследований. Однако предметом такого рода исследования чаще всего выступают крупные праворадикальные организации, тогда как региональные и городские образования российских праворадикалов исследованы достаточно слабо. Вместе с тем символические изображения являются важным показателем сплоченности радикального или экстремистского сообщества и вместе с тем наличием у него определенного социально-политической стратегии. В силу данных обстоятельств представляется целесообразным рассмотреть

символические изображения ряда праворадикальных групп, действующих в крупных российских городах или определенных регионах.

Военно-патриотический клуб «Белый Крест».

Военно-патриотический клуб «Белый крест» был создан Александром Валовым, в свое время состоявшем в различных праворадикальных группировках, как военное крыло действовавшей в Мурманске праворадикальной группы «Панславянское национальное добровольческое движение» (ПНДО). Кандидаты в члены клуба проходили жесткий отбор, в самом клубе проводились политзанятия в националистическом и расистском духе. В результате члены клуба во главе с руководителем были уличены в избиении выходца из Средней Азии по национальным мотивам. До этого А. Валов привлекался к административной ответственности за нанесение изображений свастики на жилом доме. Установить выбор наименования клуба не представляется возможным. Предположительно оно определялось исторической отсылкой к существовавшей в российской империи благотворительной организации «Белый крест», использовавшей в качестве символа эмалевый георгиевский крест с венком по центру. Возможно, также наименование «Белый крест» вызывало у членов группировки определенные расистские ассоциации, например, с кельтским крестом. Но скорее всего выбор наименования «Белый крест» было связан с желанием организаторов «военно-патриотического клуба» «увековечить» память первого коллаборационистского формирования действовавшего на Восточном фронте. Так, летом 1941 года в городе Велиже русскими эмигрантами в составе Вермахта было создано военное формирование под командованием обер-лейтенанта Георга Титьена, получившее неформальное наименование «Белый крест». Военнослужащие, вошедшие в его состав данного формирования, в память о бойцах Балтийского ландвера, в состав которого входили как русские, так и немцы, носили черные шевроны с белым крестом.

Символика клуба чаще всего использовалась в виде нарукавной повязки во время игры в пейнтбол. Она представляла собою черный квадрат с белым греческим крестом. В связи с краткостью существования группировка, действовавшая под вывеской военно-патриотического клуба, не смогла разработать устоявшейся символики и стратегии ее применения в своей пропагандистской деятельности.

Вместе с тем, белый крест в черном квадрате использовался не только в качестве нарукавных повязок членов клуба, но и в различных акциях «Панславянского национального добровольческого движения» (ПНДО).

При этом данный символ использовался в контексте другой националистической символики, в частности, черно-желто-белого флага,

лавровых венков и различных эмблем, созданных на основе шевронов дивизий Ваффен-СС.

В решении суда по исковому заявлению прокурора о ликвидации военно-патриотического клуба «Белый крест», данная организация была признана экстремистской по следующему основанию: распространение, посредством сети Интернет материалов, пропагандирующих праворадикальную идеологию.

Исходя из указанных оснований, Мурманский суд Российской Федерации принял решение удовлетворить исковое заявление прокурора и признать экстремистской организацией и ликвидировать военно-патриотический клуб «Белый крест», а также запретить деятельность данного клуба на территории Российской Федерации.

Общественное движение «Misanthropic division».

«Misanthropic division» представляет собой международную праворадикальную ассоциацию, имеющую свои филиалы в различных странах, в том числе в России и Украине. Свою популярность на постсоветском пространстве данная организация получила после создания осенью 2013 года своего украинского регионального сообщества, принявшего активное участие в вооруженных столкновениях сначала в Киеве, а затем и на Юго-Востоке Украины. Идеология организации не обладает устойчивостью и может соединять в себе идеи, как правого, так и левого радикализма. По этой причине ее символика выполнена в черно-белых цветах, используемых как неонацистскими группировками, так и анархистами.

В качестве основного символа движение использует черное знамя с изображениями автомата Калашникова, мертвой головы с костями и надписи организации на английском языке. Так же как и черно-белые цвета изображения черепов и автоматов в разной степени приемлемы как для праворадикальных, так и для леворадикальных экстремистов.

В целом символику движения «Misanthropic division» трудно признать устоявшейся, поскольку она допускает различные вариации.

Вместе с тем данные вариации выполняются в определенной стилистике, а именно в черно-белых тонах с названием движения, что делает символику «Misanthropic division» вполне узнаваемой.

Сетевой характер движения «Misanthropic division» служит главной причиной отсутствия у движения какой-либо централизованной политики в области пропаганды и демонстрации своей символики. Фактически каждой группой и более того каждый участник движения придумывает свои вариации основных символов движения.

В решении суда по исковому заявлению прокурора о ликвидации межрегионального национал-радикального объединения «Misanthropic division», данное объединение было признано экстремистским по следующим основаниям:

– распространение, посредством сети Интернет материалов, направленных на дестабилизацию социально-политической обстановки, для создания условий, способствующих смене действующего в Российской Федерации политического режима, а также консолидацию право и леворадикальных молодежных течений;

– цитирование главнокомандующих Третьего рейха: Адольфа Гитлера, Германа Геринга;

– популяризация идей национализма и расового превосходства, призывы к «расовой войне»;

– осуществление акта вандализма, выраженного в осквернение символов воинской славы России, путем нанесения нацистской символики и надписей;

– изменение основ Конституционного строя в Российской Федерации, насильственным путем.

Исходя из указанных оснований, Красноярский краевой суд принял решение удовлетворить исковое заявление прокурора и признать экстремистской организацией и ликвидировать межрегиональное национал-радикальное объединение «Misanthropic division», а также запретить деятельность данного объединения на территории Российской Федерации.

«TulaSkins».

Символика группировки скинхедов города Тулы «TulaSkins» не отличалась оригинальностью. Она представляла собой черный флаг с белым кельтским крестом в черной, внутренней окантовкой. Внизу креста размещалась надпись «Тула», выполненная латинскими буквами готическим шрифтом.

В целом символика группировки представляла собой один из символов, используемых представителями субкультуры нс-скинхедов. Насколько данное изображение является официальным символом организации, так же является спорным. Возможно, что представленное изображение является результатом частной инициативы одного из активистов группировки, тогда как другие ее члены могли разрабатывать и размещать иные изображения.

В силу того, что организация «TulaSkins» представляла собой группировку скинхедов, она не обладала определенной символикой, а тем более четкой стратегией осуществления пропаганды и места в ней различного рода изображений. В целом ситуация в области разработки и применения собственной символики в группировке «TulaSkins», мало чем отличалась от положения дел в других группировках нс-скинхедов. Для нее было характерно использование нацистской символики и подражание при разработке собственных символов западным нс-скинхедам.

В решении суда по исковому заявлению прокурора г. Тулы о ликвидации общественного движения «TulaSkins», данное движение было признано экстремистским по следующим основаниям:

- подавление лиц «неславянской внешности», вытеснение их с территории Российской Федерации, путем совершения противоправных действий;
- распространение идеологии национал-социализма;
- изготовление футболок, баннеров и стикеров с изображением нацистской свастики;
- оказание материальной помощи лицам, отбывающим наказание за совершение преступлений экстремистского характера.

Исходя из указанных оснований, Советский районный суд г. Тулы принял решение удовлетворить исковое заявление прокурора и признать экстремистской организацией и ликвидировать межрегиональное национал-радикальное объединение «Misanthropic division», а также запретить деятельность данного объединения на территории Российской Федерации.

«Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь».

Определить значение символики организации «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» можно только с большой долей условности, поскольку ее лидер Олег Попов принципиально отказывался от регистрации и создания каких-либо учредительных документов. Реконструировать значение символики организации можно только на основании ее идеологии, которая носила ярко выраженный синкретический характер, т. е. соединяла в себе противоположные по характеру политические доктрины. Компонентами идеологии служили национализм, казачий сепаратизм, славянский ведизм, альтернативная история, различные варианты различной истории и коммунистическая идеология. Одним из символов организации служила орденская звезда, отдаленно напоминающая Звезду Императорского и Царского Ордена Св. Станислава с бриллиантовой огранкой. В центре орденской звезды располагались вложенные два наложенных трилистниковых креста, при этом большой крест имел зеленый, а малый желтые цвета. На концах большого зеленого креста располагались буквы «Ы», «Е», «Ь» и «Ъ». В целом данная эмблема организации «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» имела ярко выраженный имперский характер. Она подчеркивала стремление организации к созданию т.н. родовой державы, охватывающее все евразийское пространство и претендующий на продолжение исторической роли Российской империи.

Двумя другими символами организации «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» служили графические изображения Вифлеемских звезд с право- и левосторонними свастиками, повернутыми на 45 градусов. Скорее всего, данные символы были заимствованы из

индо-буддисткой религиозной традиции, которая рассматривалась организацией в качестве одной из духовных основ славян – Ариев. Объяснение сине-желтых цветов обеих цветов установить не удалось, скорее всего, они связаны с цветами флага запорожских казаков, переселившихся на Кубань.

Из вышесказанного следует, что символика организации «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» вполне соответствовала синкретическому характеру ее идеологии.

Характер и применение символики «Рада земли Кубанской Духовно Родовой Державы Русь» было обусловлено тем, что данная организация являлась фактически индивидуальным проектом ее основателя – О.Н. Попова.

В решении суда по исковому заявлению прокурора Центрального округа г. Краснодара Российской Федерации о ликвидации националистической организации «Рада земли Кубанской Духовно – Родовой Державы Русь», данная организация была признана экстремистской по следующим основаниям:

- намерения осуществления публичной деятельности в соответствии с «Державой», «нормативными актами» и «указами», которые противоречат и нарушают законодательство Российской Федерации;

- дестабилизация политической обстановки в Российской Федерации;

- использование и публичное демонстрирование символики, сходной с нацистской до степени смешения на бланках организации.

Исходя из указанных оснований, Первомайский районный суд г. Краснодара Российской Федерации принял решение удовлетворить исковое заявление прокурора Центрального округа г. Краснодара Российской Федерации и ликвидировать националистическую организацию «Рада земли Кубанской Духовно – Родовой Державы Русь», а также запретить ее деятельность на территории Российской Федерации.

Символика представленных организаций трудно подводится к единому знаменателю. Поскольку рассмотренные выше группы принадлежат к разным слоям радикальных и экстремистских сред. Тем не менее, анализ рассмотренных выше праворадикальных групп позволил выделить закономерность: чем меньше численность состава группы, тем больше шансов, что ее идеология носит смешанный синкретический характер и является результатом политического творчества ее лидера. Данная тенденция проявляется в стилистике символических изображений, для которых характерны смешение разнородных символов, отсутствие лаконичности, отсутствие строгих норм. В свою очередь изображение региональных подразделений крупных партий либо группировки, стремящейся выступить от их имени содержат в себе стилистику основной организации.

Литература

1. Роговцов Д.А. Политическая символика как способ организации политического пространства переходного общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук.: Минск, 2003.
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика. – 1996.

Содержание

Абрамов М.А., Курносенко А.А., Гришай В.Н., Костюк А.В. К вопросу формирования и осуществления диалога между властью и обществом: социологическое понимание проблемы.....	3
Абросимов В.В., Комиссаров С.С., Абросимова Ю.А. Военно-политические интересы Российской Федерации и их реализация в современных условиях.....	7
Абросимов В.В., Абросимова Ю.А. Актуальные вопросы преподавания общественных дисциплин.....	17
Богданов Д.С., Владимиркина Г.Ю. Методика поиска информации экстремистской и террористической направленности в сети Интернет	24
Булкин А.Н., Гребенюк Д.В., Волконский А.Н., Мусаев А.Р., Тищенко В.А., Юрчевская У.В. Осуществление диалога «власть – общество» в условиях возможностей информационно- телекоммуникационной сети Интернет.....	29
Гордеева Е.В. К вопросу внеаудиторного чтения как одного из видов самостоятельной работы курсантов.....	33
Добрыдина А.И., Самойлов С.Ф. Теоретико-методологические основания конструирования понятия «жизненная стратегия».....	37
Дубина А.Ш., Кобоскина О.С. Разрушительные последствия пандемии для российской экономики.....	44
Дубина А.Ш., Сафронова О.Ю., Черненко Е.В. Кризис роль кросс-культурных коммуникаций в развитии отношений России и Азии.....	49
Зенин К.А., Сыпачев С.В., Ишунин В.А., Тищенко А.В. Средства массовой информации и их взаимоотношения с органами власти в процессе глобализации.....	54
Ильницкий А.С. Криминальная идеология в сети Интернет: понятие, сущность и средства воздействия (на примере идеологии «Колумбайн»).....	60
Карабут Н.В. Образы экзистенциальной дружбы в творчестве Эриха Марии Ремарка и Эрнста Юнгера.....	65
Карамышева Д.А., Самойлов С.Ф. Установление научного объяснения мира в философии Аристотеля.....	71
Карнаушенко Л.В. Правовой нигилизм в России как фактор риска для института государства.....	80
Коляго П.В. Сбалансированная модель преподавания блока специальных дисциплин в контексте идеальных типов профессионального образования.....	86

Комаровская О.А., Куликов Е.М. Компьютерные игры как феномен информационного общества: некоторые проблемные аспекты.....	91
Коротких В.Н. Факторы роста женской преступности в условиях современной России.....	95
Кузьменко И.С. Соотношение механистической и органической солидарности как фактор стабильности общества.....	99
Кунина М.Н., Кулинская С.В. Социокультурный феномен юридического дискурса.....	102
Кунина М.Н., Кулинская С.В. Национальный менталитет и иноязычная профессиональная коммуникация.....	106
Лапсарь М.В., Самойлов С.Ф. Основные подходы к решению вопроса о парадигмальности социально-гуманитарных наук.....	110
Плотников В.В. Миф как образовательная технология в теории и практике социального конструирования Платона.....	119
Плотников В.В., Кубякин Е.О. Актуализация проблемы финансовой грамотности для некоторых социальных групп.....	127
Плотников В.В., Слизский Е.А. Место межнациональных отношений в российском обществе (с опорой на актуальную ситуацию по городу Краснодару).....	130
Пухно П.С. Актуальные вопросы формирования профессиональной идентичности у сотрудников органов внутренних дел.....	135
Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Современные угрозы формированию человеческого капитала в управлении международными компаниями.....	139
Рябошапко О.Н., Чапурко Т.М. Политико-социальные и правовые аспекты развития гражданского общества в России в формате электронной среды.....	143
Савелева В.М., Шепелин Е.А., Попова Т.В., Киляхсанов М.Х., Корсаков А.Н., Марусиздзе Н.Ф. Средства массовой информации как социальный институт: анализ влияния на современное общество в условиях формирования информационной цивилизации.....	146
Самойлов С.Ф. Значение феноменологической интерпретации установки для культурологической метатеории.....	151
Северин И.В., Пенкина О.В., Урюпина М.А. Объект атаки – историческая память (к 76-летию Великой Победы).....	156
Скворцов И.П., Якуба А.В. О методологических и методических аспектах формирования патриотизма в образовательном процессе вуза.....	163
Слизский Е.А. Феномен «диаспоры» в контексте динамики развития современного общества.....	168

Стрелецкий Я.И. Социальное содержание и типология современных войн.....	172
Сухарева Е.С. Технологии использования политических интернет-мемов в формировании общественного мнения пользователей социальных сетей.....	177
Таганова А.А., Самойлов С.Ф. Анализ интерпретаций феномена установки в психологии и философии.....	182
Тепляков О.В. Роль и место террорологии в оперативно-розыскной деятельности.....	192
Тимченко А.А., Самойлов С.Ф. Понятие деструктивной идеологии и ее место в структуре противоправных идеологий.....	196
Тюнь А.П. Положительный имидж сотрудника полиции как необходимый фактор успешности его профессиональной деятельности.....	199
Тюрина М.В., Самойлов С.Ф. Мировоззрение Э. Харриса и В. Рослякова как основа идеологии движения «Колумбайн».....	203
Урюпина М.А. Солдатское творчество как элемент психологической разгрузки в боевых условиях.....	209
Шандакова А.С., Самойлов С.Ф. Символика российских региональных организаций праворадикального характера.....	215

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 18

В авторской редакции
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1779-2

Подписано в печать 26.04.2021. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 13,0. Тираж 100 экз. Заказ 124.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.